

КОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. С. Хан, Сим Хон Ёнг

В. С. Хан
Сим Хон Ёнг

КОРЕЙЦЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ:
прошлое
и настоящее

Хан В. С., Сим Хон Ёнг

**КОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

Москва
МБА
2014

УДК 94(519)
ББК 63.3(54=754.1)
X19
С37

Хан Валерий Сергеевич, Сим Хон Ёнг. Корейцы
Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: Изд-во
МБА, 2014 г. – 256 с., ил.

ISBN 978-5-906325-94-5

Книга узбекистанского и южнокорейского ученых посвящена истории корейцев Центральной Азии и является русскоязычной версией (в незначительной степени измененной и дополненной) монографии, опубликованной в Республике Корея в 2013 году. На основе большого круга русскоязычных и зарубежных источников авторы описывают дальневосточные страницы истории корейцев, сталинскую депортацию 1937 г., обустройство корейцев на новых землях, их участие на фронтах Великой Отечественной войны и в трудовой армии, полулегальное предпринимательство в рамках советской экономики, значительные достижения корейцев и их вклад в развитие различных сфер центрально-азиатского региона, этнокультурные характеристики корейской диаспоры, новые вызовы после распада СССР и отношения диаспоры с исторической родиной.

Книга рассчитана на историков, этнологов, социологов, представителей национально-культурных центров. Она может быть интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Книга написана в рамках исследовательского гранта Academy of Korean Studies (проект «Korea and Korean wave», AKS-2007-DA-2002) и финансирования правительства Республики Корея (MEST, Basic Research Promotion Fund).

В книге использованы фотографии из домашнего архива В. С. Хана, В. И. Ана, вебсайта kogu-sagam.ru и других сайтов, из книг:
Ким И. Советский корейский театр. – Алма-Ата, 1982;
Ko Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, 1987;
От Тумангана до Сыр-Дарьи. – Ташкент, 2007 и др.

УДК 94(519)
ББК 63.3(54=754.1)

© Хан В.С., 2014
© Сим Хон Ёнг, 2014

ISBN 978-5-906325-94-5

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕ САРАМ	10
§ 1. Корейский этнос: на пути к мета-нации.	10
§ 2. Историография изучения коре сарам	21
1.2.1. Советская и постсоветская историография	21
1.2.2. Изучение коре сарам в Республике Корея	32
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	41
§ 1. Корейцы на российском Дальнем Востоке: новые вызовы и проблемы	41
§ 2. Корейцы и русские: процесс культурного обмена двух наций	50
§ 3. Корейцы в Центральной Азии до массового принудительного выселения	58
ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	66
§ 1. Выселение в Центральную Азию и адаптация к новым условиям. Формирование корейских колхозов.	66
§ 2. Корейцы в годы Второй мировой войны	75
3.2.1. Корейцы на фронтах войны.	75
3.2.2. Корейцы в трудовой армии.	81
3.2.3. Корейские колхозы в годы войны.	102
§ 3. Корейские хозяйства в послевоенный период	104
§ 4. Коре сарам как новая субэтническая общность.	109
3.4.1. Общая характеристика	109
3.4.2. Демографическая и миграционная характеристика	115
3.4.3. Классификация групп советских/постсоветских корейцев	120
3.4.4. Динамика изменений и структура этнокультурной идентичности различных групп советских/постсоветских корейцев.	123

3.4.5. Трансформация и особенности этнокультурной идентичности	129
3.4.6. Образ корейца в иноэтническом окружении.	134
§ 5. Вклад корейцев в социальное, экономическое и культурное развитие Центральной Азии.	144
3.5.1. Кобонди – образ рыночника в нерыночной экономике	144
3.5.2. Достижения корейцев в различных областях деятельности.	157
3.5.3. О причинах феномена “model minority” среди корейцев Центральной Азии	169
3.5.4. Изменения в структуре занятости корейцев и проблема их сбалансированного развития	172
ГЛАВА 4. КОРЕЙЦЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	174
§ 1. Корейцы в новом государстве	174
4.1.1. Проблемы адаптации в новых политико-экономических условиях	174
4.1.2. Социальные перемены и корейская диаспора в Узбекистане	177
4.1.3. Социальные перемены и корейская диаспора в Казахстане.	181
4.1.4. Корейская диаспора в Кыргызстане.	183
4.1.5. Миграционные процессы среди корейцев.	184
§ 2. Корейское общественное движение.	189
4.2.1. Как это начиналось	190
4.2.2. Особенности первоначальных целей и задач корейских организаций	194
4.2.3. Первые корейские организации.	196
4.2.4. Руководящая элита корейских культурных центров	198
4.2.5. Особенности деятельности корейских организаций на начальном этапе	200
4.2.6. Новый этап и перемены	205
4.2.7. Актуальные проблемы корейской диаспоры.	206

4.2.8. Выводы.....	215
§ 3. Трудовая миграция коре сарам в Республику Корея и репатриации.....	216
4.3.1. Приток соотечественников и изменение политики привлечения иностранной рабочей силы	217
4.3.2. Репатриация корейцев СНГ	227
Заключение: идентичность коре сарам и корейская волна	229
Использованная литература	235
Указатель имен	252

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации, выдвинувшей проблему единства и разобщенности человечества в качестве важнейшего фактора его выживания, этнополитические и этнокультурные процессы начинают выдвигаться на передний план мировой политики и общественнознания. Можно говорить о таком новом феномене, как *глобализация этничности*.

Во-первых, это интенсивный процесс диаспоризации большинства стран мира. Согласно данным ООН, если в 1960 г. во всем мире насчитывалось 75,5 млн. человек, проживающих за пределами страны своего рождения, то в 1990 г. их стало уже 154 млн., в 2000 г. – 176,6 млн., а в 2013 г. – 232 млн.¹

Во-вторых, этнические конфликты перестают носить локальный характер, все более выходя в сферу мировой политики. Достаточно назвать проблему Косово (сербско-албанский конфликт), которая разделила международное сообщество на два лагеря: тех, кто признал Косово в качестве независимого государства, и тех, кто не признал. И таких проблем, основанных на этническом противостоянии и ставших международными проблемами, более чем достаточно. Это проблема признания или непризнания геноцида армян в Османской Турции (армяно-турецкий конфликт), проблема разделенного Кипра (греко-турецкий конфликт), Нагорного Карабаха (армяно-азербайджанский конфликт), создания палестинского государства (арабо-израильский конфликт), создания независимых государств в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, значительная составляющая кризиса на Украине и т. д.

В-третьих, в мировой политике все больше наблюдается тенденция *панэтнизма*, когда национальные государства

¹ Пресс-релиз ООН. <http://www.unmigration.org>

ведут политику объединения диаспор в единое целое или создания международных этнических сообществ, что делает эти сообщества факторами международной политики. В качестве примера можно назвать Всемирные конгрессы евреев или армян, а с недавнего времени и казахов, татар, русских и т. д. В этом направлении ведет свою политику и Республика Корея.

В силу вышесказанного, вопросы изучения истории диаспор, их идентичности, стратегий выживания и адаптации в иноэтническом окружении, а также отношений с государствами-реципиентами и историческими роинами становятся стержневыми в современной науке. Поскольку вопрос о месте и роли диаспор в современном мире все более становится актуальным, можно говорить о становлении новой дисциплины – *диаспорологии*.

Изучение *корейских* диаспор также является одной из бурно развивающихся отраслей научного знания. Количество публикаций по данной проблематике, вышедших за последние 20–25 лет, перевалило далеко за тысячу. И здесь снова можно ставить вопрос о становлении новой научной субдисциплины – «История и культура корейских диаспор» или «Overseas Koreans Studies» (корееведческой диаспорологии).

До недавнего времени корейские диаспоры в различных странах мира были как бы «предоставлены самим себе» и не находились в фокусе правительства и общественности обеих Корей. Так, вплоть до периода своего экономического расцвета, Южная Корея, по понятным причинам, была поглощена решением своих проблем, и говорить о какой-либо стратегии корейского правительства по отношению к корейским диаспорам не приходилось, за исключением аспекта, связанного с противостоянием Северной Корее. С другой стороны, первые волны корейских иммигрантов в большинстве стран мира не обладали достаточным потенциалом, чтобы выступить в качестве равноправных партнеров Корей². А в качестве «бедных родственников» они не представ-

² «Иммигранты первых этапов и периодов, – пишет Г. Н. Ким, – представляли в основной своей массе обезземелившихся и оставшихся без средств существования крестьян, а также низшие социальные слои городского населения». – *Ким Г. Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. Алматы: Дайк-пресс, 1999. – С. 393.*

ляли для официальных Корей интерес, тем более, стратегический³.

Ныне ситуация радикально изменилась.

Во-первых, некогда «бедные родственники» во второй половине XX века упрочили свои позиции в странах своего проживания. Достаточно обратиться к примеру корейцев СССР, а ныне стран СНГ. В числе их представителей:

- крупные политики и члены правительств (вице-премьеры, министры и зам. министры, сенаторы, депутаты парламентов, заметные фигуры различных политических и общественных организаций);
- ученые с различными степенями и званиями (академики и члены-корреспонденты Академий наук, профессора и доценты); руководители учебных и научных подразделений (ректоры и проректоры, деканы и заместители деканов, заведующие кафедрами высших учебных заведений; директора и заместители директоров, начальники отделов и секторов научно-исследовательских и проектных институтов);
- руководители крупных промышленных, финансовых и сельскохозяйственных государственных и частных предприятий;
- известные спортсмены (олимпийские чемпионы, призеры чемпионатов мира и Европы, чемпионы профессионального спорта, победители различных международных турниров, чемпионы национальных чемпионатов СССР и стран СНГ, старшие тренеры сборных команд, руководители национальных олимпийских комитетов, руководители ассоциаций по различным видам спорта);
- известные, получившие международное признание писатели, композиторы, художники, артисты эстрады, оперы и балета и т. д.⁴

³ Данный факт признается и официальными кругами Южной Кореи. – См.: *Бугай Н. Ф.* Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М.: Гриф и К, 2007. – С. 277–278.

⁴ См.: Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата, 1992; *Лу Г. Н.* Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998; *Ким Б.* Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент-Сеул, 1999; *Khan V. S.* The Contributions of Koreans to the Socio-Economic Development and Culture of Central Asia // Cultural Interaction with Korea. From Silk Road to Korean Wave. Proceedings of the World Congress of Korean Studies. 2006. Vol. 2.

В других странах корейские диаспоры также достигли впечатляющих результатов. Так, в США за американскими корейцами, наряду с выходцами из Японии и Китая, закрепился статус «образцового меньшинства» (*model minority*). Возьмем, к примеру, получение образования в престижных американских университетах. Если выходцы из этих стран в 90-х годах прошлого века составляли лишь 2,4% от населения США, то количество обучающихся «азиатских американцев» в Гарвардском университете составляет 17,1% от общей численности студентов, в Калифорнийском университете Беркли – 27,3%, аналогичные цифры по Колумбийскому, Йельскому, Принстонскому университетам, Массачусетскому технологическому институту⁵. Если взять сферу бизнеса, то, по данным департамента иммиграции США, среди 17-ти новых иммигрантских групп корейцы имеют самый высокий рейтинг по созданию собственного самообеспечивающего бизнеса⁶.

Во-вторых, Республика Корея в результате «корейского экономического чуда» ныне занимает 11–12 место в экономической иерархии мира, вошла в G-20 и вплотную приблизилась к клубу самых богатых стран планеты. Однако её политическое и культурное влияние в мире не соответствует экономическому положению страны. Вполне естественно, что Корея будет стремиться упрочить свои геополитические позиции и своё политико-культурное влияние в мире. Один из путей – *корейские диаспоры*.

Интерес к корейским диаспорам, как с точки зрения их опыта существования в иноэтнической среде, так и с точки зрения перспективы формирования глобального этнического сообщества, и обуславливает актуальность темы настоящей монографии.

Авторами написаны следующие части книги:

Хан В. С.: Введение, Гл. 1, § 1, § 2, 1.2.1; Гл. 2, § 3; Гл. 3, § 2, § 4, § 5; Гл. 4, § 2.

Сим Хон Ёнг: Гл. 1, § 2, 1.2.2; Гл. 2, § 1, § 2; Гл. 3, § 1, § 3; Гл. 4, § 1, § 3; Заключение.

⁵ См.: *Griffiths, Ann Hagen*. The Korean Americans. – New-York: Facts on File, Inc. 1992. – P. 99.

⁶ *Ibid.* – P. 102–103.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕ САРАМ

§ 1. Корейский этнос: на пути к мета-нации?⁷

С конца 1990-х годов на страницах печати и различного рода научных и иных конференциях, посвященных «корейской» проблематике, всё чаще обсуждается вопрос взаимоотношений Республики Кореи (а в перспективе и объединенной Кореи) с этническими корейцами, проживающими за пределами Корейского полуострова, или так называемая проблема «международного корейского сообщества» (Global Korean Community или Global Korean Network).

Тому есть ряд причин.

Во-первых, корейская иммиграция, имевшая место на протяжении последних 150 лет и достигшая небывалого роста во второй половине XX века, привела к высокой степени дисперсности корейского этноса и образованию крупной корейской диаспоры. Корейцев сегодня насчитывается в мире около 81 млн. человек. На конец 2005 г. численность населения Корейского полуострова составила: на Юге – 48 млн. 294 тысяч и на Севере – 22 млн. 928 тысяч человек⁸. Сегодня

⁷ Данный параграф основан на следующих предыдущих публикациях и выступлениях автора: Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // *International Journal of Central Asian Studies*. – Vol. 6. – Seoul, 2001. – P. 90–105; Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // *Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1-st World Congress of Korean Studies*. – 2002. – Vol. 2. – С. 731–740; Корейская диаспора СНГ и Корея // *Міжнародна наукова конференція «Діалог культур Кореї та країн СНД»*. – Киев, 2007. – С. 191–203; К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // *Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе»*. 13–15 июля, 2007 г. Алматы. – С. 13–17; Korean Meta-Nation and the Problem of Unification // *Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference*. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011. – P. 35–41; On the Way to a Korean Meta-Nation: Identity, Globalism and Glocalism // *Glocal Culturalism in Neo-Northeast Asia. Proceedings of International Conference*. – Seoul: Foreign Studies Institute, Chung-Ang University, 2014.

Часть материалов к данному параграфу была собрана автором в рамках его пребывания в “Korea Foundation” в 2006 г.

⁸ Facts about Korea. – Seoul, 2006. – P. 13.

в Южной Корее проживают более 50 млн. человек и в Северной Корее – более 24 млн. По данным Фонда зарубежных корейцев при МИДе РК, в настоящее время за пределами полуострова проживают более 7 млн. корейцев в более 170 странах: 3 952 000 – в Азии, в том числе 2 573 928 – в Китае и 892 704 – в Японии; 2 091 432 – в США, 205 993 – в Канаде, 615 000 – в Европе, 107 162 – в Центральной и Южной Америке, 25 000 – на Ближнем Востоке, 10 000 – в Африке⁹. Около 450 000 корейцев проживают в СНГ. Если учесть интенсивность миграции корейцев, как в прошлом, так и в настоящее время, то в недалёком будущем численность корейцев за пределами полуострова может оказаться сопоставимой с населением КНДР. Вполне естественно, что столь стремительный рост зарубежной корейской диаспоры не может не вызывать повышенного к ней внимания со стороны обеих Корей, особенно Южной Кореи. Это, в свою очередь, порождает проблему диалога Корей и корейских диаспор мира.

Типология корейской иммиграции может быть осуществлена по различным основаниям. По своему содержанию, корейская иммиграция подразделяется на *политическую* миграцию (например, после аннексии Японией Кореи в 1910 г.), *трудовую* миграцию, миграцию с целью *получения образования* или *создания семьи* и т. д. По характеру корейские миграции делятся на *вынужденные* (как в случае миграции на российский Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX вв.), *насильственные* (например, принудительная отправка японскими властями корейцев для исполнения трудовой повинности на Карафуто в 1944–1945 гг.) или *добровольные*, как в случае современной миграции в США, Западную Европу или Австралию. Условия существования и адаптации, а значит, и выбор поведенческих моделей, корейских диаспор в странах-реципиентах также отличаются. Это – гомогенное (как в Японии) или гетерогенное этническое окружение (как в США и СССР), схожесть или разность культур с народами-соседями, либерально/демократический или авторитарно/тоталитарный

⁹ <http://www.okf.or.kr>

характер политической системы страны-реципиента, уровень экономико-технологического развития новых стран, особенности национальной политики и т. д.

Интенсивность иммиграции корейцев и их длительное проживание за рубежом стали приводить к дивергентным процессам в корейском этносе.

Эти процессы имеют количественный и качественный параметры. *Количественный* параметр связан с ростом численности корейской диаспоры и дисперсностью ее расселения по всему миру. *Качественный* параметр связан с тем, что, адаптируясь и ассимилируясь в иной этнокультурной и социально-политической среде, корейские диаспоры приобретают всё больше черт, отличающих их от материнского этноса и друг от друга. Это связано как с общей трансформацией традиционных этнокультурных характеристик, так и с изменениями, имеющими локальный характер, связанный со страной проживания. Иначе говоря, корейские диаспоры и тенденции их развития имеют как общие, так и особенные черты. И степень развития последних сегодня такова, что является основанием для выделения *новых субэтнических образований* – китайских, японских, американских корейцев и других, существенно отличающихся как от корейцев полуострова, так и друг от друга¹⁰. А фактически на повестке дня стоит вопрос о переходе корейского этноса с национального уровня на пост-, над-, а точнее, мета-национальный уровень.

Известно, что этнические общности могут иметь различные исторические формы. Результатом их естественной исторической эволюции в комбинации с конструированием этнополитических конфигураций стали *нации* как устойчивые этнические общности, связанные с созданием национальных государств. Однако в связи с глобализацией понятие национального государства и присущего ему суверенитета начинает все более размываться¹¹. Меняется и содержание понятия «нация», в котором этническое содержание вытесняется политическим, что и произошло в

¹⁰ Khan V. S. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 3. – Seoul, 1998.

¹¹ См.: Судьба государства в эпоху глобализации. – М., 2005. – С. 22.

английском языке¹². В специальной литературе начинают различать этнонации и гражданские нации¹³.

Иначе говоря, нации (этнонации, нации-государства) не являются последней формой этнического развития. Они, как и все предшествующие этнические общности, сталкиваются с конвергентными и дивергентными процессами¹⁴. Например, в результате конвергентных процессов в США сформировалась надэтническая общность «американский народ», не сводимая к определенным этническим группам, например, потомкам англо-саксонцев. А в СССР сформировалась новая надэтническая и наднациональная общность (советский народ), не сводимая к определенным этническим группам или нациям (государственным образованиям, национальным республикам). В результате же иммиграционно-дивергентных процессов нации и этносы начинают распадаться на субэтнические образования, также обретая наднациональный характер, но другого рода, нежели в случае межэтнической интеграции и синтеза, являющихся след-

¹² При переводе на английский язык русских терминов «нация», «национальность» может возникнуть путаница, что очень часто и происходит. Дело в том, что русское «национальность» нужно переводить как «ethnicity» (этничность), в то время как аналогом английского «nationality» будет русское «гражданство», что точно соответствует английскому «citizenship». Английское «nation» имеет два значения – народ определенной страны (по признаку гражданства), например, American nation (американская нация, американский народ) или это синоним государства, например, United Nations (ООН).

¹³ См.: *Тишков В. А.* О нации. – http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html

Обращая внимание на разные толкования понятия «нация» как этнической идентичности и как государственной идентичности, голландские и российские ученые пишут, что «следует различать нации, нации-государства и многонациональные государства. Таким образом, нация и государство – это не идентичные, но взаимопересекающиеся понятия». – См.: *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М., 1998. – С. 269.

¹⁴ В русском языке термин «национальный» большей частью употребляется как синоним термина «этнический» (межнациональные отношения, национальная кухня, национальные обычаи, национальная литература и т. д.), хотя под влиянием международной практики этот термин начинает обретать и другое звучание, связанное с государством (международное и национальное право, Национальный заповедник и т. д.). Для того, чтобы избежать терминологической путаницы, в тех разделах книги, где необходимо различение национального как этнического и национального как государственного, в первом случае мы будем использовать термин «этнический», а во втором случае – термин «национальный» (как это принято в английском языке).носителем этнического будет этнос, а носителем национального – нация. И мы будем использовать эти термины – этнический и национальный – как синонимы там, где этого различения не требуется (в соответствии с практикой русского языка).

ствием конвергентных процессов. Так, наднациональный характер приняли этносы, расселившиеся по всему миру и образовавшие крупные зарубежные диаспоры (армяне, евреи, китайцы и др.). Например, количество армян за пределами Армении больше, чем в самой стране. Есть прецеденты, когда этнос образует не одно, а несколько государств, а также, когда диаспоры составляют большинство или весьма значительную часть населения государства. Например, китайцы составляют не только титульное население в Китае и Тайване, но и большинство населения в Сингапуре (76%), значительную долю населения в Малайзии (25%), Таиланде (15%). Они же образовали крупные диаспоры в США (13 млн. человек), Индонезии (более 7 млн.), а в итоге более 80 млн. в 140 странах мира за пределами Китая. Это крупнейшая наднациональная общность в современном мире.

В случае корейцев, с определенными оговорками, можно говорить о сосуществовании трех наднациональных корейских сообществ: 1) сообщество, в котором аттрактором выступает Северная Корея; 2) сообщество, где таким аттрактором является Южная Корея; 3) некоторые диаспорные сообщества (например, коре сарам, которые являются одной субэтнической группой, но разделенной между различными государствами). Хотя отношения между этими сообществами весьма сложны и неоднозначны, глобальные тенденции в сфере этнополитических процессов позволяют обсуждать идею и о возможном формировании единой *наднациональной корейской общности* (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры). Конечно, принципиальным условием возникновения такой общности является улучшение отношений между Севером и Югом. В перспективе, оформленная в более или менее *устойчивое* образование, подобная общность могла бы знаменовать собой новую ступень в эволюции корейского этноса – ступень *мета-нации* как *интегральной совокупности генетически однотипных, но культурно различающихся этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), исторически принадлежащих к одной нации, и основанной на сочетании общего и особенного.*

Широкая дисперсность расселения корейского этноса и увеличивающаяся дифференциация внутри него стали основанием для появления концепции «корейского суперэтноса», неоднократно озвученной российским философом, профессором Г. А. Югаем¹⁵. Под суперэтносом (данное понятие заимствовано автором у известного советского этнолога Л. Гумилева¹⁶) Г. А. Югай понимает «совокупность племен, родов, народов-этносов или же наднациональную стадию развития народов»¹⁷. В этой концепции отражён тот факт, что по мере иммиграции корейцев и их ассимиляции в странах-реципиентах корейская идентичность начинает обретать новые формы и уже не может быть сведена к этническим характеристикам, получившим прописку на Корейском полуострове. Так, определяя суперэтнос как «союз народов или этносов», Г. А. Югай приводит пример корейцев: «Да и одна нация, например, корейская, раздробилась на множество субэтносов как на Корейском полуострове, так и на диаспоры, расселившиеся по всему миру. Корейцы уже давно перестали быть одной нацией»¹⁸.

Во-первых, в рамках обсуждения концепции «суперэтноса» неоднократно выражалось скептическое отношение к данному термину, поскольку приставка «супер» как бы выражает превосходство корейцев над другими народами. В связи с этим Г. А. Югай вынужден неоднократно оговаривать смысл употребляемого им термина, боясь быть неправильно понятым. Так, в одном месте он пишет: «Когда речь идет о суперэтносе, то нередко возникает психологическая ассоциация с каким-то сверхъестественным пониманием, гипертрофированным представлением о нем, или нации, как лучшей по сравнению с другими. Такое понимание неверно, является расизмом и национализмом. Такое представление ошибочно, ибо слово «супер» в переводе на русский обозна-

¹⁵ См. доклады Г. А. Югая на 2-м и 3-м философских конгрессах, организуемых Философским обществом Республики Корея (Сеул, 1995; 1999), а также его монографию: *Югай Г. А. Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея.* – М., 2003.

¹⁶ См.: *Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.* – М., 2002.

¹⁷ *Югай Г. А. Общность народов Евразии ...* С. 28.

¹⁸ Там же. – С. 20.

чает не лучший, а всего лишь «над»¹⁹. Буквально через несколько страниц автор вынужден опять возвращаться к этой теме: «Еще раз обращаем внимание и на то, что обычно при употреблении слова супер смысл его искажается, ибо вместо «над» оно часто понимается как «сверх» и «лучший». И в этом случае применительно к национальной проблематике приобретает расистский и националистический оттенок»²⁰.

В связи этим хотелось бы сделать следующее замечание. Латинское «super» имеет не только значение «над», но и «сверх», «через», «выше», «пре-», «пере-». Латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого дает более 270 слов с приставкой «super» с самыми разными значениями, в том числе как в значении «над» (*superaedificium* – надстройка, *superinspicio* – надзирать, *supercaelistis* – наднебесный), так и в значениях «сверх» и «лучший»: *superbus* – отличный, великолепный, высокомерный; *supereminens* – выдающийся; *supereminentia* – сверхвеличие; *superemineo* – превосходить, превышать; *superexalto* – превозносить, возвеличивать; *superi* – небесные боги; *superior* – находящийся выше, превосходящий; *superlatus* – превосходный; *supermico* – затмить, превзойти; *supernus* – верхний, возвышенный, высший, небесный; *superpono* – располагать наверху, ставить на первом плане²¹.

Такое же многообразие значение приставки «super» вошло и в современные европейские языки. Так, в английском языке приставка «super» действительно имеет значение «над» (*superstructure* – надстройка, *supervision* – надзор). Но она также имеет значение и «сверх» (*superman* – сверхчеловек, *supernatural* – сверхъестественный). Также она может выражать и степень превосходства, в смысле «лучший» (*superfine* – самый лучший, *superior* – высший, превосходный)²². Поэтому употребление приставки «super» в двух последних смыслах (в значениях «сверх» и «лучший») – не ошибка в переводе самого значения приставки, а вариации

¹⁹ Там же. – С. 27–28.

²⁰ Там же. – С. 32.

²¹ <http://antic.slimhost.info/index.html>

²² См.: О'Брайн М. А. Новый русско-английский и англо-русский словарь. – М., 1998. – С. 310.

допустимого перевода. Другой вопрос, насколько они соответствуют тому смыслу, который вкладывает в приставку «супер» Г. А. Югай.

Во-вторых, термин «суперэтнос» является весьма неопределенным. Если под ним понимать «совокупность племен, родов, народов-этносов», то любая историческая форма этнической общности может выступать как «суперэтнос»: племя по отношению к роду (поскольку племя есть союз родов), народность по отношению к племени (поскольку народность состоит из племен), нация по отношению к народности. Но в таком случае понятие «суперэтнос» теряет свою инструментальную функцию: в самом понятии племени заложен его над-родовой характер, в понятии народность – над-племенной характер.

В ряде мест Г. Югай использует термин «суперэтнос» в значении, противоречащему вышеприведенному определению. Так, на с. 32 он пишет: «Его точный синоним – совокупность, союз народов-этносов, образующий интернациональное, наднациональное объединение народов. Исторически из родоплеменных отношений возникает народ, или этнос. В последующей эволюции из этноса формируется нация, которая затем перерастает в наднациональное образование – суперэтнос»²³. Таким образом, суперэтнос – это *наднациональное* образование, а не над-родовое или над-племенное. Но в таком случае это понимание суперэтноса противоречит тому, что дано на с. 28, где в суперэтнос включаются союзы племен и родов.

Наряду с термином «суперэтнос» в научной литературе используются понятия «над-этническая общность», «над-национальная общность»²⁴, «меж-национальная общность» и «пост-нация». Считая возможным использование этих понятий, я предлагаю для обозначения корейского (и

²³ Югай Г. А. Указ. соч. – С. 32.

²⁴ Сам Г. А. Югай в ряде мест наряду с термином «суперэтнос» в качестве эквивалента использует термины «супер(над)этническое», «супер(над)национальное» и «над-национальное». – Югай Г. А. Указ. соч. – С. 23, 28, 29, 32 и др.

не только), во многом будущего, сообщества понятие «мета-нация»²⁵. Как соотносятся все эти понятия?

Мета-нация и над-этническая общность. Над-этническая общность это совокупность различных этнических групп. Она может существовать в двух формах. Первая форма это союз этнических групп, существующий в рамках одного государства, но который еще не стал нацией в полном смысле этого слова (примером могут быть многие многонациональные государства, где соотношение центростремительных и центробежных сил не является однозначным). В случае же мета-нации, она не формируется на основе различных этнических групп; ее части исторически принадлежат к одной нации (материнскому этносу). Во-вторых, над-этническая общность может существовать и в виде нации, где единое гражданское сознание превалирует над этническими различиями (например, американский народ). Но мета-нация это следующая стадия по отношению к нации (нации-государству).

Если говорить о понятии «над-национальная общность», то по содержанию оно носит более широкий характер, нежели понятие «мета-нация». Дело в том, что над-национальные общности бывают трех типов: 1) общности, образованные на основе различных наций и этнических групп (например, советский народ); 2) международные сообщества; 3) общности, состоящие из материнского этноса и субэтнических групп, исторически принадлежавших к одной нации (например, корейцы, проживающие как на Корейском полуострове, так и за его пределами)²⁶. Лишь третье значение имеет отношение к мета-нации.

²⁵ См.: Хан В. С. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 6. – Seoul, 2001. – pp. 90–105.

²⁶ На эти два типа обращает внимание и Г. А. Югай: «... Существуют два способа, или пути, формирования суперэтноса. Группы эти обычно образуются в процессе рассеивания или же раскола и распада прежнего единого этноса. Из первоначального единого этноса, народа или нации формируются несколько самостоятельных групп, которые затем объединяются в суперэтносы. Это один путь – моноэтнический, наряду с которым существует и другой, полиэтнический способ возникновения суперэтноса, состав которого изначально полиэтничен, включает в себя множество этнических групп». – Там же. – С. 40.

Если говорить о термине «меж-национальная общность», то в русском языке он пересекается с терминами «над-национальные общности» в первом и втором значениях.

Осознание необходимости понятийно отразить этнополитические и этнокультурные процессы в корейском этносе в XX и начале XXI вв. привели исследователей из корейского университета Конкук к разработке понятия «корейская пост-нация»²⁷. Как мне представляется, приставка пост- отражает лишь первый шаг в движении от категории «нация» к новому концептуализму. Она фиксирует лишь то, что мы имеем дело с неким новым феноменом, который выходит за пределы традиционного значения понятия «нация» и его уже нельзя обозначать как нацию. Однако это количественный шаг и временное определение, в котором еще нет качественной определенности. Мне представляется, что приставка пост-, введенная как некоторая неопределенность или отрицание прежней определенности, по мере выявления качественных характеристик нового, должна наполняться и новым позитивным содержанием.

В этом смысле понятие «мета-нация» в своем определении отличается однозначностью содержания. *Во-первых*, в нём отсутствуют какие-либо оттенки степеней превосходства, вследствие чего отпадает всякая необходимость оправдываться относительно его толкования. *Во-вторых*, в нём фиксируется *новая* форма этнической общности, которая возникает *после* нации²⁸. *В-третьих*, в нем отражены одновременно и над-национальный характер новой общности, и этническая преемственность ее составляющих с точки зрения исторической принадлежности к единой нации. Главными признаками мета-нации являются:

²⁷ Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011.

²⁸ Понятийный характер приставки «мета» (с древнегреческого μετά – после, за, позади) уходит своими истоками в образование понятия «метафизика». Когда Андроник Родосский (I век до н. э.) систематизировал рукописи Аристотеля, то он поместил его философские трактаты после сочинений по физике и дал им заглавие: «То, что после физики». Так образовалось новое слово – «метафизика». Неологизмы с приставкой «мета» достаточно распространены в концептуальном аппарате современной науки.

- общие исторические этнические корни;
- наличие самой нации со всеми её атрибутами и, прежде всего, национального государства;
- высокий уровень миграции за пределы национального государства;
- образование за пределами национального государства общин, с одной стороны интегрированных и ассимилированных к новой среде, а с другой – сохраняющих свою исторически-культурную и генетическую идентичность;
- наличие этнического самосознания;
- наличие взаимосвязей и взаимоотношений между материнским этносом и родственными субэтническими группами, придающих мета-нации черты устойчивого образования как *общности*.

Одной из субэтнических групп, выделившихся из корейской нации и являющихся частью формирующейся корейской мета-нации, является *корё сарам*²⁹; так себя называют корейцы, в силу исторических обстоятельств со второй половины XIX в. начавшие мигрировать на российский Дальний Восток, волею Сталина в 1937 г. выселенные в Центральную Азию, и проживающие сегодня в различных регионах постсоветского пространства. Наиболее крупная часть этой диаспоры осела в странах центрально-азиатского региона, прежде всего, в Узбекистане и Казахстане.

²⁹ Часто в литературе этноним «корё сарам» переводят как «люди страны Корё», а также отмечается, что среди советских корейцев также бытует этноним «чосон сарам» (люди страны Чосон). – См.: Джарылгасинова Р. Ш. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980. – С. 44.

Нам представляется, что непосредственное происхождение этнонима «корё сарам» имеет другую историю. Действительно, исторически слово «корё» в «корё сарам» восходит к династии Корё. Но в конце XIV в. эта династия сменилась династией Чосон. И на протяжении последующих столетий корейцы называли себя «чосон сарам». Однако во всех европейских языках Корея известна как «Кореа» или «Согеа». В русском языке она тоже была известна как «Корея». Мне представляется, что корейцы, переселившиеся на российский Дальний Восток в середине XIX в. называли себя не «корё сарам», а «чосон сарам». Однако, столкнувшись с тем, что русские их называют «корейцами» (коре-йцами), а не чосонцами (чосон-цами), они и сами стали представляться «корейцами», в целях облегченного распознавания их этнической принадлежности русским окружением. А по мере формирования диаспорной идентичности формируется и этноним «корё сарам».

§ 2. Историография изучения корейцев Центральной Азии

1.2.1. Советская и постсоветская историография

В силу политических причин, изучение корейцев Центральной Азии в СССР было связано с определенными темами, не провоцирующими нежелательные для власти вопросы³⁰. Поэтому за пределами исследований остались такие вопросы, как: Каким образом корейцы очутились в Центральной Азии? Каковы причины этого переселения? Как происходило обустройство корейцев на новом месте? Каков был их политический статус? Чем занимались советские корейцы после Второй мировой войны на Сахалине и после корейской войны в КНДР? Почему они практически все вернулись из КНДР? Что стало с теми, кто остался? Почему в СССР нет корейских культурных центров? И так далее. Причем изучение лояльных к властным структурам и идеологии тематических направлений развивалось неравномерно, как по периодам, так и по глубине исследований.

В 40-х годах прошлого века, спустя почти десять лет после депортации в Центральную Азию, российским ученым *М. Левиным* были проведены исследования по **физической антропологии** коре сарам³¹. Исследования М. Левина были построены на внушительной выборке – 585 корейцев (486 мужчин и 99 женщин) в колхозах районов, прилегающих к Ташкенту, Самарканду и Кызыл-Орде. С этих работ и начинается свой отсчет изуче-

³⁰ В данном случае мы не рассматриваем работы, касающиеся жизни корейцев на Дальнем Востоке и их участия в гражданской войне и сопротивлении иностранной интервенции, поскольку это отдельный период жизни коре сарам, не связанный с Центральной Азией.

³¹ *Левин М.* Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. // Советская этнография. 1947, № 2 (об антропологическом изучении корейцев Средней Азии); Он же. Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии. – 1949. – Вып. 8.

ние корейцев на территории Центральной Азии. К сожалению, в дальнейшем такого рода исследования больше не проводились.

В 50-х – 60-х годах, в связи с впечатляющими достижениями корейцев в сельском хозяйстве, начинает осваиваться **тема корейских колхозов**³². В 1950 г. защищается кандидатская диссертация *А. Б. Тена* по экономике одного из ведущих корейских колхозов «Полярная звезда», а спустя четыре года – диссертация *Н. Нурматова* о другом корейском колхозе им. Свердлова³³. Эта тема продолжает развиваться и в 70-е годы, в том числе и в диссертационных исследованиях (*Ким П. Н., Цой С. В.*)³⁴. Корейским колхозам посвящено и заключение первой монографии, посвященной **истории** советских корейцев (*Ким Сын Хва*)³⁵. Впервые появляются исторические работы по хо-

³² *Пак Н.* Колхоз «Авангард». – М., 1950; *Ким Пен Хва.* Опыт выращивания высоких урожаев хлопка. Колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области. – М., 1953; Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Ташкент, 1954; *Ким Пен Хва.* На пути к изобилию. Опыт развития колхозов «Полярная звезда» Урта-Сарайского района Ташкентской области. – Ташкент, 1954; *Кан Тю Хон.* Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. – Алма-Ата, 1954; *Новик Д.* Передовой рисосеющий колхоз («Ш-й Интернационал» Кармакчинского района). – Алма-Ата, 1957; В борьбе за комплексное развитие хозяйства. (Партийная организация колхоза «Политотдел» Верхне-Чирчикского района). – Ташкент, 1961; *Хван Ман Гым.* Колхоз шагает в коммунизм («Политотдел»). – Ташкент, 1961; *Хван Ман Гым.* Трудом, и только трудом. – М., 1962; *Лев В.Т., Пак Сусан.* Опыт получения высокого урожая лубяных культур в колхозе им. Свердлова Верхне-Чирчикского района Ташкентской области. – Ташкент, 1962 и др.

³³ *Тен А. Б.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда»: Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. – Ташкент, 1950; *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области: автореф. дис. ... канд. наук. – Ташкент, 1954.

³⁴ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1970; *Иноятов Х., Нуруллин Р.* Восхождение (Исторический очерк о колхозе «Полярная звезда»). – Ташкент, 1970; *Исхаков Ф., Ким М.* Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза «Полярная звезда»). – Ташкент, 1972; *Хван Ман Гым.* Колхоз «Политотдел». – М., 1977; *Цой С.В.* Пути увеличения производства риса и снижение его себестоимости в рисоводческих совхозах Узбекской ССР: дис. ... канд. экон. наук. – Ташкент, 1972.

³⁵ *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

зяйственному обустройству корейцев в первые годы после депортации (*Ким П. Н.*)³⁶.

С начала 50-х годов начинаются вести исследования в области лингвистики. В 1953 г. защищается кандидатская диссертация *Хегая Михаила Алексеевича* на тему «Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах». За защитой следует ряд его публикаций³⁷. Однако работы М. А. Хегая не являются в строгом смысле изучением речи коре сарам. Этот прорыв в 60-х годах осуществляет *Ольга Михайловна Ким*. Ее кандидатская диссертация «Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР (фонетико-морфологический очерк)» – фундаментальный труд, который сохраняет свою научную ценность и по сей день. На полевого материале в диссертации показаны особенности русской речи коре сарам и дан их анализ в связи с различиями в фонологических системах и морфологическом строе русского и корейского языков. Ей также принадлежат и другие работы³⁸. В 70-х годах тему языковой ситуации среди корейцев Узбекистана активно развивает *Илья Григорьевич Югай*. В 1982 году он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Развитие современных языковых

³⁶ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1970; Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937–1939 // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. – 1971. – Вып. 4.

³⁷ Хегай М. А. Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953; Вопросы методики преподавания русского языка корейским учащимся. – Ташкент, 1957; Русско-корейский словарь школьника. (1958); *Хегай М. А., Ким Ман Сек.* Учебник корейского языка для 3–4 классов. – 1965.

³⁸ *Ким О.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фоно-морфологический очерк: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1964; О языке корейцев СССР // Ученые записки Ташкентского Средне-Азиатского государственного университета. – Вып. 202. – Ташкент, 1962; К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М., 1980.

процессов в инациональной среде», в которой приходится к постановке вопроса о неоднозначности этнической идентификации советских корейцев³⁹.

Важнейшей составной частью корееведческих исследований является **этнография** коре сарам – изучение культуры, образа жизни, традиций, обычаев, верований, менталитета корейцев. Одним из наиболее авторитетных специалистов в области этнографии коре сарам стала российский этнограф *Джарылгасинова Р. Ш.*⁴⁰ Описание культуры корейцев Средней Азии также содержатся в работах *Ю. Ионовой* и *В. Цоя*⁴¹. Стали выходить и специализированные **искусствоведческие** работы о песенной культуре (*Тен Чу*), корейском театре советских корейцев

³⁹ *Югай И. Г.*: О влиянии статистического фактора на языковые процессы у корейцев Узбекской ССР // Исследования по литературоведению и языкознанию. Ташкент, 1975; О некоторых типах языкового контакта в Узбекской ССР // Вопросы литературоведения и языкознания. – Ташкент, 1975; Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования Института этнографии. – М., 1977; Развитие современных языковых процессов в инациональной среде: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982.

⁴⁰ *Джарылгасинова Р. Ш.*: Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. 1960, XXXV; К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // Советская этнография. – 1966. – № 5; Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. – М., 1968; Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970; Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. – 1977. – № 6; К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М., 1978; Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980.

⁴¹ *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. – 1963. – Вып. 38; *Цой В.* Современная культура и быт корейцев Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1985.

(*Ким Иосиф Федорович*)⁴². Появляются исследования в области **образования** коре сарам⁴³.

Годы «перестройки» в СССР и последующей независимости бывших советских республик вызвали к жизни стремительный рост национального самосознания как в крупных этнических образованиях, так и в национальных меньшинствах. Проблемы национальной истории, национального возрождения, путей дальнейшего национального развития стали предметом пристального внимания ученых, публицистов, политиков, общественных организаций. Не обошли эти процессы и корейскую диаспору СНГ, включая корейцев, проживающих в Центральной Азии.

Во второй половине 80-х годов наблюдается всплеск публицистической активности, прежде всего, среди журналистов, писателей, публицистов. В 1988 г. на корейском языке выходит книга журналиста *Брутта Кима* «Кто мы?», в которой даются вехи истории коре сарам и их культура. Чуть позже выходят ряд газетных публикаций и брошюра поэта *Бориса Пака*, а также русский вариант книги *Брутта Кима*⁴⁴. Публикации ученых также выходят в основном в газетных изданиях (философ *Сергей Михайлович Хан*)⁴⁵, литературных журналах и

⁴² Тен Чу: Новые песенные жанры советских корейцев // Музыкознание. – Алма-Ата, 1975, Вып. 7; Песенная культура советских корейцев: автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата 1978; *Ким И. Ф.* Формирование и развитие советского корейского профессионального театра: автореф. дис. ... канд. наук. – Ташкент, 1987.

⁴³ *Хан Б.* Из истории школьного образования корейского населения в Казахстане в 1937–1970 гг.: автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата, 1976.

⁴⁴ «Вечерний Ташкент», 17 декабря 1988 г., «Учитель Узбекистана», 4 октября 1989 г., «Правда Востока», 20 августа 1989 г.; *Пак Б. С.* Потомки Страны белых аистов: (Краткая история советских корейцев). – Ташкент, 1990; *Ким Б.* Ветры наших судеб: Советские корейцы: история и современность. Ташкент, 1991.

⁴⁵ «Ташкентская правда», 6 января 1989 г.; «Правда», 16 ноября 1989 г.

справочной литературе (философ *Пак Ир П. А.*)⁴⁶, а также в виде докладов на научных конференциях (философы *Гурий Борисович Хан*, *Дмитрий Вольбонович Мен*)⁴⁷, появляются работы и в академических изданиях (историк *Герман Николаевич Ким*)⁴⁸. Защищаются диссертационные исследования – вышеупомянутая диссертация *И. Ф. Кима* о корейском театре и диссертация *Г. Н. Кима*, посвященная социокультурному развитию корейцев Казахстана⁴⁹.

90-е годы XX – начало XXI вв. – период, когда расширяется круг ученых, начинающих заниматься корееведческой тематикой, что было обусловлено несоответствием расширяющихся потребностей в изучении истории и культуры корейской диаспоры и единицами ученых, занимающихся этим. Поэтому состоявшиеся в других областях ученые-гуманитарии обращаются к изучению истории и культуры корейской диаспоры, тем самым восполняя пробелы в этой области.

⁴⁶ *Пак Ир П. А.*: О литературе советских корейцев // Простор. – 1987. – № 9; Национальная литература советских корейцев // Казахская энциклопедия. – Алма-Ата, 1990.

⁴⁷ *Мен Д. В.* Социально-культурное развитие советских корейцев: проблемы и решения // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. – Ташкент, 1989. – Ч. 1; *Хан Г. Б.* Некоторые проблемы социального, экономического и культурного развития корейцев в Казахстане. Доклад на межреспубликанской научно-практической конференции «О работе партийных организаций по совершенствованию межнациональных отношений: опыт и проблемы» (г. Алма-Ата, 20 января 1989 г.) // Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997.

⁴⁸ *Ким Г. Н.*: К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата: КазГУ 1987; Корейцы в братской семье народов Казахстана. – Алма-Ата, 1988; Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор // Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1989; Антропонимия корейцев // Имена народов Казахстана. – Алма-Ата, 1990.

⁴⁹ *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1990.

В Узбекистане это были Петр Геронович Ким⁵⁰, Валерий Сергеевич Хан⁵¹ и Сергей Михайлович Хан⁵², Людмила Борисовна Хван⁵³. Необходимо отметить также адвоката Владимира Дмитриевича Кима, собравшего и опубликовавшего архивные документы о борьбе корейцев на Дальнем Восто-

⁵⁰ Ким П. Г.: Социально-политический портрет корейцев Узбекистана. Ташкент, 1991. (на кор., англ. и рус. языках); Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Ташкент, 1993; Сталинская депортация корейцев в Среднюю Азию. – Сеул, 1993. (в соавторстве, на кор. языке); О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 6. – 1999.

⁵¹ Хан В. С.: Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. – 1993. – № 1; Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. – 1993. – № 4 (в соавторстве); 한 세르게이 공저. 『고려사람 우리는 누구인가?』 「서울, 재외동포재단, 1999; The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 3. – Seoul, 1998; «Мы» и «Они» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999; Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 6. – 1999 (в соавторстве); Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 5. – Seoul, 2000 (в соавторстве); Десять лет спустя // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы, 2000 (англ. перевод в: "The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR". Korean and Korean American Studies Bulletin. – Vol. 12. – No. 2: East Rock Institute, New Haven. 2001) (в соавторстве); “제외 한인 동포들의 다양성 및 일치성에 관한 문제,” 『제3회 한민족 철학자대회 대회보 1-1권 - 한민족과 2000년대의 철학』, 서울, 한국철학회, 1999; “새로운 세기에 있어서 동서양 철학의 대화,” 『제3회 한민족 철학자대회 대회보 1-3권 - 한민족과 2000년대의 철학』, 서울, 한국철학회, 1999; «Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки», «Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности», «О состоянии исследований корейской диаспоры Узбекистана» // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; “중앙아시아 한인들의 정체성 문제” - 권희영, Valery Han, 반병률. 『우즈베키스탄 한인의 정체성 연구』, 한국정신문화연구원, 2001; Корейское международное сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 6. – Seoul, 2001; Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies. – Seoul, 2002. – Vol. 2; К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003; “중앙아시아 초원의 유랑농업,” 권희영, 한 발레리 공저. 『우즈베키스탄 고려사람의 고본지 연구』, 한국정신문화연구원, 2004; Создание и первые годы переселенческих корейских колхозов в Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 9. – Seoul, 2004; О соотношении кобонди и форм земледелия у корейцев на дореволюционном российском Дальнем Востоке в первые годы советской власти // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 1-2 (10). – 2005; К историографии изучения кобонди // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 5 (13). – 2007.

⁵² Хан С.М.: Возвращаясь к истокам // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Ташкент, 2000; Корейские культурные центры – как они зарождались? // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; Язык – душа народа // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.

⁵³ Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

ке и депортации 1937 года⁵⁴, а также журналиста *Брутта Кима*, затрагивающего в своих публикациях самые разные аспекты жизни коре сарам⁵⁵. Появился специальный справочник (Брутт Ким), в котором собраны сведения о узбекистанских корейцах, достигших заметных успехов в различных областях деятельности – промышленности, сельском хозяйстве, науке, образовании, медицине, спорте, литературе и искусстве⁵⁶; аналогичные сведения можно найти в работах *А. А. Кана*, *В. Д. Кима* и *Л. Б. Хван*⁵⁷. В настоящее время защищена кандидатская диссертация по этнологии (по этнокультурной идентичности коре сарам) *Михаилом Теном*⁵⁸ и завершено диссертационное исследование *Людмилой Пак* (по семантике свадебной обрядности корейцев Узбекистана). Со второй половины 90-х годов тематика корейской диаспоры Узбекистана начинает привлекать и представителей не корейской национальности. Среди них *А. Рахманкулова* и *А. Джумашев*, *Р. В. Еремян*, молодые ученые *К. Асирбабаева*, *Э. Расулов*, *М. Козьмина*⁵⁹.

Поднимаемые современными узбекистанскими исследователями темы – это история коре сарам (*П. Г. Ким*, *В. С. Хан*, *С. М. Хан*, *В. Д. Ким*, *А. Рахманкулова*, *А. Джумашев*), участие корейцев в трудовой армии в годы Второй

⁵⁴ *Ким В.Д.*: Туманган – пограничная река. Ташкент, 1995; Эшелон – 58. – Ташкент, 1996; Правда – полвека спустя. – Ташкент, 1999

⁵⁵ Б. И. Ким всю жизнь проработал в корейской прессе («Ленин Кичи», «Коре Ильбо», «Коре синмун»).

⁵⁶ *Ким Б. И.* Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 1999.

⁵⁷ *Кан А. А.* Корейцы Андижанской области. – Андижан, 1997; *Ким В. Д.* Дорогой светлых надежд. – Ташкент, 2001; *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

⁵⁸ *Тен М. Д.* Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана: дис. ... канд. истор. наук. – Т., 2011.

⁵⁹ *Рахманкулова А. Х.* Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // Известия корееведения в Казахстане. – Вып. 8. – Алматы, 2001; *Еремян Р. В.* Корейские художники Узбекистана. – Вып. 1. – Ташкент, 2001; *Джумашев А. М.* К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // Известия корееведения в Казахстане. – Вып. 9. – Алматы, 2002; *Асирбабаева К.* Республика Узбекистан и Республика Корея: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ташкент, 2007; *Расулов Э. Р.* Вклад корейской диаспоры в развитие узбекско-корейских отношений // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003; *Козьмина М.* Об историографии семейно-брачных отношений корейцев Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 6 (14). – 2007.

мировой войны (В. С. Хан, Л. Б. Хван), проблема идентичности коре сарам (В. С. Хан, С. М. Хан, И. Г. Югай, М. Тен), вклад корейской диаспоры в социально-экономическое развитие Узбекистана и диалог Узбекистан – Корея (В. С. Хан, Б. И. Ким, К. Асирбабаева, Э. Расулов), кобонди как специфическая предпринимательская деятельность корейцев (В. С. Хан), современное корейское движение (В. С. Хан, С. М. Хан, В. Н. Ким, Б. И. Ким), корейская пресса (В. С. Хан, Б. И. Ким), языковая идентичность (И. Г. Югай, С. М. Хан), изобразительное искусство (Р. В. Еремян); свадебная обрядность (Л. Пак), межнациональные браки (М. Козьмина).

Появились первые работы активистов корейских культурных центров, посвященные современному этапу корейского движения⁶⁰. Однако такие вопросы, как история роста национального самосознания корейцев, подробное описание создания и деятельности корейских культурных центров, обществ и ассоциаций, политическое сознание корейской общины, взаимоотношения корё сарам с корейцами из других стран, перспективы развития корейской диаспоры, еще ждут своих исследователей.

Продолжаются исследования в области лингвистики⁶¹.

В постсоветский период достаточно обширная группа по изучению коре сарам сложилась в **Казахстане**, сумевшая достаточно глубоко осветить различные аспекты исто-

⁶⁰ Кан А. А. Корейцы Андижанской области. – Андижан, 1997; Ким В.Д. Дорогой светлых надежд. – Ташкент, 2001; Ким В.Д. Аккурганский корейский культурный центр. – Ташкент, 2001; Ким В. (Ёнг Тхек). Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург. 1997; Хан В. С. Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; Хан С. М. Корейские культурные центры – как они зарождались? // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; Ким П. Г., Ким В. Д. Ассоциации корейских культурных центров – 10 лет // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.

⁶¹ Цой С. С.: О некоторых аспектах фонетики русского и корейского языков // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Ташкент, 2000; Методы обучения произношения звуков корейского языка. – Там же.

рии и культуры казахстанских корейцев⁶². Достаточно сказать о количестве защищенных диссертаций по коре сарам (Ан Р. К., Ем Н. Б., Кан Г. В., Ким Г. Н., Пак Н. С., Сон С. Ю., Хан М. М. и др.), в то время как в Узбекистане за весь постсоветский период была защищена лишь одна диссертация (М. Тен), непосредственно относящаяся к коре сарам. В сфере интересов казахстанских исследователей **история** корейцев Казахстана (Р. К. Ан, Г. В. Кан, Г. Н. Ким, В. А. Тен), **историография** (Г. Н. Ким), **демография** (А. Д. Пак), **антропонимия** (Г. Н. Ким), **семейная обрядность** (Л. В. Мин), **ценностные ориентации** (М. М. Хан), **образование** (Г. Н. Ким), **религиозность** (Г. М. Ким), **литература** (А. Кан, Пак Ир П. А), **межнациональные браки** (Н. Б. Ем), **корейская кухня** (П. А. Пак Ир, Т. С. Чен), **язык** (Н. С. Пак). Появилось большое количество литературы **справочного** характера⁶³. Как и в Узбекистане, тема корейской диаспоры Казахстана привлекла и не корейских исследователей – С. В. Ананьеву, А. Н. Казимирчика, Ж. У. Ковжасарову, П. М. Черныша, В. П. Левкович и др.⁶⁴

⁶² Мин Л. В. Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992; Хан М. М. Этно-региональные особенности ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Алматы, 1993; Тен В. А. Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. М. Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Сер. общ. наук. – 1995. – № 6; Пак Н. С. Тенденции развития Коре мар // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. общ. наук. – Алматы, 1995. – № 6; Ковжасарова Ж. У. Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997; Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997; Сон С. Ю. Социолингвистический анализ функционирования коре мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана: автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 1999; Пак А. Д. Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002; Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект): автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 2004; Ем Н. Б. Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30–90-е годы XX века (историко-демографический аспект): автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 2004.

⁶³ Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата; 1992; Черныш П. М., Хан В. Н. Корейцы Костанайской области. – Костанай, 2000; Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре. – Алматы, 2002; Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003; Корейцы Казахстана. Кто есть кто. – Алматы, 2005; Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. – Тараз, 2005.

⁶⁴ Левкович В. П., Мин Л. В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. – 1996. – № 6; Ковжасарова Ж. У. Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997; Черныш П. М., Хан В. Н. Корейцы Костанайской области...; Без гнева и печали (о корейцах Приаралья) ...; Литература народов Казахстана. – Алматы, 2004.

В других центрально-азиатских странах академические исследования по изучению коре сарам не ведутся. В силу этих обстоятельств, данная тематика поднимается журналистами и активистами корейских организаций. Среди них наиболее активно работает журналист *Ли Герон* из **Кыргызстана**, выпустивший несколько книг по корейцам Кыргызстана⁶⁵. Однако эти работы характеризуются эклектичностью, описательностью и ярко выраженным морализаторством.

В **Таджикистане** вопросы, касающиеся корейцев этой республики, можно встретить в докладах лидера этой небольшой общины *В. М. Кима*⁶⁶.

С 90-х годов восстанавливаются традиции изучения истории и культуры коре сарам, в том числе и центрально-азиатских корейцев, в России (*Н. Ф. Бугай, Ким Ен Ун, А. Н. Ланьков, В. Ф. Ли, Б. Д. Пак, Л. М. Сим, Г. А. Югай* и др.)⁶⁷. Характерной чертой российских академических работ является их стремление осмыслить историю коре сарам в рамках определенных теоретических схем.

В изучении корейцев Центральной Азии еще много белых пятен, которые ждут своих исследователей. Необходимы координация исследований корееведов, определение новых тематических направлений, расширение методологического инструментария, привлечение талантливой молодежи и т. п. Однако уже сегодня можно говорить, что по сравнению с изучением других этнических меньшинств на

⁶⁵ *Ли Г. Н.*: Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998; Кобонди. (Записки наблюдателя о любви корейцев к земле). – Бишкек, 2000; Семейные устои корейцев Коре Сарам. – Бишкек, 2002.

⁶⁶ *Ким В. М.* Вопросы национальной самоидентификации малочисленных корейских диаспор (на примере Таджикистана) // Содействие развитию корееведения в странах СНГ: проблемы и решения. – Ташкент, 2006.

⁶⁷ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. – Москва, 1992; *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск, 1995; *Югай Г. А.* Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея. – М., 2003; *Ланьков А. Н.* Корейцы СНГ: страницы истории // Энциклопедия корейцев России. – М., 2003; *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; *Сим Л. М.* Корейцы Союза ССР, России и Казахстана: социокультурные процессы (20-е годы XX в. – начало XXI в.); автореф. дис. ... канд. наук. – Краснодар, 2006; *Бугай Н. Ф.* Корейцы СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М., 2007.

просторах СНГ постепенно формируется новая академическая субдисциплина – «История и культура коре сарам».

1.2.2. Изучение коре сарам в Республике Корея

*Тенденции и этапы изучения корейцев Центральной Азии:
общая характеристика*

Началом проявления интереса к этническим корейцам Центральной Азии в Южной Корее можно считать вторую половину 1980-х годов. После открытых политических реформ в Советском Союзе холодная война между США и СССР стала бессмысленной, а с 1990 г. стали устанавливаться и развиваться советско-южнокорейские отношения. Уже в то время в Советском Союзе получили высокую оценку Олимпийские Игры-88 в Сеуле, а также экономические достижения Южной Кореи и потенциал сотрудничества с ней, что способствовало улучшению взаимоотношений между странами. В тот период советский народ мало знал о Южной Корее, в отличие от КНДР (Северной Кореи) под руководством Ким Ир Сена. Быстрое развитие экономики Южной Кореи и упрочение ее позиций на мировой арене вызывало большое удивление и одновременно интерес к этой стране и к корейцам в целом.

Советский Союз в целом и советская Центральная Азия, в частности, во многом были для южнокорейских ученых terra incognita, прежде всего, из-за отсутствия дипломатических отношений. Немногочисленные исследования в области советологии и славяноведения основывались на американских и японских источниках. Это в полной мере относилось и к советским корейцам. Мало того, большинство населения в Южной Корее не знало о существовании своих соплеменников, причем значительного числа, в Советском Союзе.

С появлением и распространением информации (научных и газетных публикаций, телевизионных репортажей) о

существовании корейской диаспоры в Центральной Азии в южнокорейской среде стал шириться интерес и к истории корейской иммиграции.

Еще в советский период расселение корейцев становится дисперсным. Будучи сконцентрированными в царской России на Дальнем Востоке, а затем вследствие депортации 1937 г. – в Центральной Азии, после смерти Сталина корейцы стали расселяться в новые регионы: в южные районы средней полосы России (Волгоград, Краснодар, Ростов-на-Дону и др.), Сибирь, на Украину, в Прибалтику. После распада СССР корейцы стали гражданами различных стран СНГ. С установлением дипломатических отношений с новыми независимыми государствами появилась возможность свободного въезда в эти страны, в связи с чем ученые Южной Кореи могли проводить исследования непосредственно в местах проживания корейцев.

В связи с активизацией сотрудничества со среднеазиатскими государствами стали вызывать особый интерес внешняя и внутренняя миграции корейцев этого региона.

Первые исследования по коре сарам были в виде отчетных докладов, в которых положение корейцев в тех или иных местах описывалось в общей форме. Постепенно поверхностный интерес стал перерастать в глубокие научные исследования, все больше росло осознание важности их расширения. Стало ясно, что необходимо изучать поэтапно историческое развитие этнических корейцев, исследовать разнообразные источники и факторы, благодаря которым корейцы Центральной Азии сумели сохранить свою национальную культуру. Следует отметить, что открытый доступ к засекреченным ранее архивным документам в России и странах Центральной Азии, прежде всего, в Казахстане и Узбекистане, дал возможность обнаружить богатые исторические материалы по этому вопросу. В результате работы с архивными материалами, а также ознакомления с опубликованными местными учеными трудами и интервью с представителями старшего поколения коре сарам, стали вы-

ясняться уже забытые, искаженные, или же засекреченные факты иммиграции корейцев. В частности, это дата и контекст принятия решения о депортации корейцев, насильственный характер переселения и причины депортации корейцев именно в Центральную Азию. Сюда можно добавить и материалы относительно реальной картины состояния традиционной корейской культуры и уничтожения культурного исторического наследия (например, корейских книг) в процессе депортации.

В последнее время, обращаясь к проблемам депортации корейцев (причинам, формам, этапам переселения и определению их особенностей), нередко в южнокорейской печати появляются работы, где эти исторические вопросы подаются в искаженном виде, а выводы мало обоснованы. Это связано с тем, что тема корейской диаспоры стала довольно популярна, в то время как многие авторы публикаций не владеют профессионально навыками исторического исследования, непосредственно не работали с архивными материалами (в силу незнания русского языка), не являются специалистами по советской истории и т. д.

Среди зарубежных исследователей корейской диаспоры СНГ, кроме южнокорейских ученых (Ко Сон Му, И Гван Гю, Квон Хи Ёнг, Пан Пёнг Юль, Ким Бо Хи, Ким Пиль Ёнг, Панг Сан Хён, Сим Хон Ёнг, Пэк Тхе Хён, Ким Санг Чхоль, И Че Мун, Дё Юн Хи, Джан Джун Хи и другие), следует отметить и исследования ученых Америки (Дж. Гинзбургс, Дж. Стефан, Р. Кинг, А. Дайнер и др.), Европы (М. Фумагали, М. Бутино и др.) и Японии (Теруюки Хара, Харуки Вада, Хидесуки Кимура, Нацуко Ока и др.). Имеется большое количество исследований ученых СНГ, посвященных коре сарам, – России (Н. Ф. Бугай, В. Ф. Ли, Б. Д. Пак, А. Н. Ланьков, Р. Ш. Джарылгасинова, Ю. Ионова, А. Т. Кузин, В. С. Бойко, Бок Зи Хоу, Ким Ен Ун, С. Г. Нам, А. Петров и др.), Казахстана (Ким Сын Хва, Г. В. Кан, Г. Н. Ким, Д. В. Мен, Н. С. Пак, Р. Ан, Н. Д. Ем, Г. М. Ким и др.) и Узбекистана (О. М. Ким, П. Г. Ким, И. Югай, В. С. Хан,

С. М. Хан, А. Рахманкулова, А. Джумашев, М. Козьмина, М. Тен, Л. Пак и др.).

Классификация периодов иммиграции

Рассмотрим существующие в южнокорейской литературе периодизации иммиграции корейцев с начального этапа до настоящего времени (хронологический принцип), а также содержательные характеристики выделяемых периодов (предметный принцип) и их особенности. Сравнительное рассмотрение этих периодизаций имеет положительную сторону, поскольку позволит привести к упорядочиванию и прояснению спорных вопросов.

Одним из первых авторов периодизации переселения корейцев в Россию стал сеульский ученый Хён Гю Хван, опубликовавший в 60-х годах книгу о зарубежных корейцах⁶⁸. По отношению к царской России автор делит корейскую иммиграцию на два периода. Первый период – с середины XIX в. до 1884 г., второй – с 1884 г. до 1917 г., т. е. до установления Советской власти. В свою очередь, на периодизацию Хён Гю Хвана повлияла брошюра известного ученого и педагога Ке Бон У, вышедшая в 1920, в которой автор также дает периодизацию переселения корейцев в Россию⁶⁹.

В своем исследовании Хён Гю Хван указывает на причины появления беженцев-иммигрантов из Кореи в России (первый этап миграции), в качестве которых он называет экономическую ситуацию в стране, природные бедствия в тот период, проводимую политику и ухудшающееся социальное положение крестьян. Далее автор акцентирует внимание на том, что большое влияние на миграцию корейцев оказали политика и договоренности

⁶⁸ 현규환, «한인유이민사», 1967; (Хён Гю Хван. История миграции корейцев за рубеж. – Сеул, 1967).

⁶⁹ 뒤마보(계봉우), “俄領實記”, «獨立新聞(上海版)», № 48. 1920. 2.20; № 62. 1920/ 4/ 12/(Записки о корейцах, проживающих в России //Независимая газета, с № 48, 20 февраля 1920 г. по № 62, 12 апреля 1920 г., Шанхай).

двух государств – Кореи и России – в 1884 году, что положило началу второму периоду миграции. Предложенная им периодизация, в частности, методология анализа, исходящая из особенностей определенных исторических периодов, нам представляется рациональной и достаточно осмысленной. Необходимо отметить, что исследования Хён Гю Хвана осуществлялись в сложные годы холодной войны. Между СССР и Южной Кореей отсутствовали дипломатические отношения. Доступ к архивным материалам даже для советских ученых, а тем более иностранцев, был крайне ограничен, не говоря уж о засекреченных документах. Этим и объясняется естественная поверхностность первоначального изучения истории корейцев в царской России и СССР. Не было контактов и с самими представителями коре сарам. Разумеется, эти объективные внешние ограничения не остановили дальнейшие исследования упомянутого автора и других корейских ученых.

После распада СССР и установления дипломатических отношений Республики Корея с новыми независимыми государствами целый ряд южнокорейских ученых использовал появившуюся возможность посещения мест компактного проживания корейцев в России и Центральной Азии, а также работы с русскоязычной научной литературой и документальными источниками в архивах. Новый исследовательский опыт породил и новые концептуальные периодизации иммиграции корейцев. Так, после посещения районов Центральной Азии, населенных корейцами, южнокорейские ученые Ли Гван Гю и Джён Кёнг Су предложили в 1993 г. новый методологический подход к классификации периодов переселения корейцев, исходя из анализа его характера, нежели самой истории корейской иммиграции. Предложенная новая классификация переселения корейцев носила более де-

тальный характер по сравнению с двухэтапной периодизацией Хён Гю Хвана и выглядела следующим образом:

- 1) с фактов самой ранней миграции по 1869 г.;
- 2) обретение миграцией массового характера (1869–1904 гг.);
- 3) период политической иммиграции (1905–1917 гг.);
- 4) период смуты (1917–1922 гг.);
- 5) период относительно мирного проживания (1923–1937 гг.);
- 6) период насильственной депортации (1937–1945 гг.);
- 7) период с 1945 г. (после освобождения от японской аннексии) по настоящее время⁷⁰.

Разница между двумя периодизациями не только в количестве этапов. Если Хён Гю Хван акцентировал свое внимание на изменениях политического контроля как факторах иммиграции, то Ли Гван Гю и Джён Кёнг Су – на отношении царской России и советского государства к миграции корейцев. Кроме того, в исследовании Ли Гван Гю и Джён Кёнг Су по сравнению с работами Хён Гю Хвана классификация периодов миграции охватила советский период, однако в ней был упущен период перестройки⁷¹.

Ли Гван Гю и Джэнг Гёнг Су сделали также попытку использовать предложенную хронологическую классификацию для изучения содержательных характеристик периодов переселения. Если следовать их выводам, то характер каждого из периодов заключался в следующем:

- миграция по экономическим причинам (1860–1905 гг.);

⁷⁰ 이광규, 전경수, 『조선 한인 : 인류학적 연구』, 서울, 1993 (Ли Гван Гю, Джён Кёнг Су. Советские корейцы: этнографическое исследование. – Сеул, 1993).

⁷¹ Впоследствии, в своей книге «Корейцы Приморья России» (1998) Ли Гван Гю упоминает о перестройке, рассматривая ее влияние и советской национальной политики этого периода на историю переселения корейцев.

– миграция беженцев от японского притеснения (1905–1937 гг.);

– насильственная депортация (1937–1938 гг.).

Экономические причины повлекли миграцию крестьян, политические причины – миграцию беженцев.

Автор настоящего раздела предлагает осуществить классификацию периодов переселения корейцев, исходя из типа политической системы государств. В этом случае переселения корейцев можно разделить на три крупных хронологических блока:

1) иммиграция в царскую Россию (1860–1917 гг.);

2) переселения в период Советской власти (1917–1990 гг.);

3) возвращение в современную Россию (с 1990 г. по настоящее время).

Обращаясь к характеру миграции корейцев, автор считает возможной следующую классификацию.

Первый период охватывает первоначальный этап переселения и оседания корейцев в царской России (1880–1917 гг.). Характер данной миграции является экономическим.

Второй период приходится на момент социалистической революции, образования Советов и хаоса после насильственного переселения (1917–1953 гг.). Миграции данного периода носят принудительный характер.

Третий период – появление новой вспышки самосознания национальных меньшинств после смерти Сталина (1953–1991 гг.).

Четвертый период – после распада советской системы (с 1991 г. по настоящее время).

Страдания и лишения, сопутствующие миграции в период царской России и в советский период, были вызваны характером политики властей. Учитывая это, можно иначе представить суть переселений в эти два периода (разделив их на подэтапы):

1) с 1860 г., после договора о северных границах, и до русско-японской войны 1904–1905 гг. – экономическая миграция;

2) со времени русско-японской войны до социалистической революции 1917 г. – политическая миграция;

3) с социалистической революции до насильственного переселения в 1937 году;

4) после насильственного переселения 1937 г. – до смерти Сталина;

5) после смерти Сталина – период развития социалистического общества;

6) с начала реформ Андропова и до распада Советского Союза – период колебаний;

7) после распада СССР до настоящего времени – обратное переселение в прежние места проживания.

Собственно история корейцев Центральной Азии начинается с 1937 года, хотя незначительные группы корейцев попадали сюда и ранее. Именно этот момент можно считать начальным этапом образования корейской диаспоры Центральной Азии.

Ниже представлена таблица, на которой можно видеть все периоды истории миграции этнических корейцев.

Таблица 1.

**Особенности и классификация периодов истории переселения корейцев
в Россию и Центральную Азию**

Принцип деления	Советская Центральная Азия			Современная Центральная Азия
	Начальный период переселения	Период насильственного переселения	Период переселения в поисках работы	
Характер				Период колебаний
Период	1860-1937 гг.	1937–1953 гг.	1953–1991 гг.	1991 г. – по настоящее время
Особенности и значимые события	<ul style="list-style-type: none"> - Миграция в царскую Россию - Всероссийские и Все-союзные переписи - Социалистическая революция - Занятость в сельском хозяйстве (рисоводство) - Индустриализация, Коллективизация, раскулачивание, новые отрасли земледелия 	<ul style="list-style-type: none"> - Политические репрессии - Насильственная депортация (1937 г.), расселение и обустройство - 2-я мировая война - Трудовая армия 	<ul style="list-style-type: none"> - Смерть Сталина - Сельскохозяйственные работы на территории других республик (кобонди) - Урбанизация и переезд в города - Перестройка: гласность и пробуждение национального самосознания 	<ul style="list-style-type: none"> - Распад СССР - Независимость 5-ти государств Центральной Азии - Реабилитация прав - Расширение связей Кореи и Центральной Азии - Переселение в Россию, Корею и другие страны

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Корейцы на Дальнем Востоке России: новые вызовы и проблемы

На протяжении веков, несмотря на внешнюю агрессию и внутренние конфликты, корейцы неоднократно демонстрировали свою жизнестойкость, преодолевая все препятствия и трудности. Одной из движущих сил этой жизнестойкости и одновременно формирующейся чертой национального характера стало трудолюбие корейцев, их способность строить эффективные модели адаптации в сложнейших ситуациях. Именно эти качества стали важными факторами выживания корейцев во время японской оккупации и сложной политико-экономической обстановки конца того периода, когда Корея была еще единой страной.

Эти же факторы легли в основу адаптации корейцев в новых условиях, когда они стали мигрировать за пределы своей родины.

В поисках лучшей доли корейцы мигрировали в Маньчжурию и Россию, покидая свои родные места, в районе пограничного побережья двух рек Амноккан и Туманган. Территория Маньчжурии и российского Приморья стала осваиваться корейцами издавна; в нем еще селились беженцы после распада раннесредневекового корейского государства Когурё (37 г. до н. э. – 668 г.). Позже поток людей отошел от Маньчжурии и Приморья, больше продвигаясь к югу и увеличивая число беженцев.

В корейском государстве Чосон (конец XIV в. – конец XIX в.) было запрещено нарушать установленные границы Маньчжурии и Приморья, вплоть до того, что переход границы означал уголовное преступление. Таким образом, эти территории долгое время оставались в нетронутом виде. Однако корейцы маленькими группами просачивались и на

эти земли, где они стали осваивать безжизненные территории, образуя новые и новые общины.

Трудно с точностью до года сказать, когда впервые началось переселение корейских беженцев в российское Приморье, в связи с тем, что документальные справки по данному историческому факту не сохранились. Несмотря на это, можно достоверно утверждать, что заселение корейцами (выходцами из государства Чосон) этих территорий и образование в России корейской общины датируется серединой XIX в. В этот период, из-за природных катаклизмов, засухи и наводнений, уровень жизни в Корее упал до критических значений. Крестьяне, лишённые каких-либо прав, испытывавшие притеснения и жесточайшую эксплуатацию со стороны правящей элиты, стали покидать родные места. Некоторая часть крестьян стала бродяжничать, занимаясь подсечным земледелием в горах, или, перейдя реки Амноккан и Туманган, добывать дикий женьшень, что стало их средством существования. Большое количество людей в весеннее время переправлялось на другой берег этих рек. На новых местах переселенцы стали строить землянки и обрабатывать земли.

По мере увеличения масштабов миграции переход государственной границы был строжайше запрещен под угрозой смертной казни. Однако правдами и неправдами люди покидали родину. В корейских архивных документах сохранилась запись, что в 1853 году одна семья из Хангёнгбукдо перешла в Посъет, который находится в Южно-Уссурийском крае, и стала там заниматься земледелием. Есть основания предполагать, что и до 1860 года корейцы переселялись на российскую территорию. Дело в том, что в связи с российско-китайскими договорами о северных границах⁷² произошло воссоединение Амурского края с Россией и присоединение к ней Уссурийского края, что открывало возможность для заселения этих российских земель, как это произошло

⁷² Айгунский договор 1858 г., установивший границу между Россией и Китаем по Амуру; Пекинский договор 1860 г.; Тяньзинский договор 1860 г. и Пекинский договор 1860 г., закрепивший присоединение к России Приморья.

с образованием на них с 1858 г. казачьих станиц и русских селений.

Дипломатические отношения между Кореей и Россией начались после заключения Пекинского договора (1860 г.) о северных границах с Китаем. Несмотря на то, в переговорном процессе Корея была исключена, две страны, Китай и Россия, пришли к решению о совместном владении рекой Туманган. Согласно договору, Россия расширяла свои южные границы до реки Туманган, при этом применяя такой вид жительства, как двойное гражданство. В 1860 году Россия стала застраивать гавань Владивосток, установила пограничный Новгородский пост в Посъете недалеко от реки Туманган, а в пограничной зоне между Китаем и Кореей установила усиленный контроль. Таким образом, в результате колонизации края корейские переселенцы включались в состав российского населения и подпадали под российскую юрисдикцию.

С 1861 года Россия стремилась активнее освоить дальневосточные территории, и прежде всего, за счет заселения всё новых районов этого важного в стратегическом отношении региона. Однако политика российского правительства по вопросу заселения Дальнего Востока осуществлялась не эффективно. Кроме собственно крестьян, на эти земли отправлялись в ссылку и преступники, это были места военной службы (в казачьих формированиях), также здесь велись принудительные работы. Переселенцам из внутренних районов России (казакам, русским и украинским крестьянам) здесь было трудно, т.к. они не знали местных природных условий. Известны случаи, когда колонисты возвращались назад, поскольку не смогли адаптироваться к этим условиям. Однако со временем происходит постепенное оседание этих переселенцев по берегам рек Амура, Уссури, озера Ханка, морскому побережью, прежде всего, в северной части Приморья.

Что касается переселения корейцев, то оно происходило более активно на юге Приморья, т. к. природные ус-

ловия этой части российских территорий были наиболее близки корейцам. Для последних эти места были свободными для заселения территориями, а земли достаточно плодородными, чтобы проживать в достатке. Кроме того, здесь отсутствовала феодальная система эксплуатации и управления, которая в Корее делала крестьян нищими, как много бы они ни трудились. Корейцы, у которых земледелие являлось традиционным видом производственной деятельности, легко и просто справлялись с сельским хозяйством в привычных климатических условиях. Вновь переселившиеся корейцы стали продвигаться дальше, в неосвоенные земли в северной части Приморья. В местах, где оказывались переселенные корейцы, они сталкивались с трудностями, связанными с их иностранным подданством и проживанием в приграничных районах, поскольку Россия не имела дипломатических отношений с Кореей. Переселенцы находились под постоянным полицейским и административным контролем. Кроме этого, нужно было специальное разрешение на проживание в той или иной местности. Поскольку не всем корейцам удалось достать такое разрешение, они вынуждены были расселяться по усмотрению административных органов, которые занимались распределением земель.

Что мы знаем о первых волнах корейской иммиграции в Россию во второй половине XIX в.?

Как уже выше отмечалось, есть основания считать, что корейцы стали переходить на российскую территорию через реку Туманган еще с 1860 года. В ноябре 1863 года начальник Новгородского поста поручик Резанов докладывал в отправленном военному губернатору Приморской области П. В. Казакевичу рапорте, что 20 семей корейцев обратились к нему с просьбой разрешить поселиться в 15 верстах от поста, где они уже построили 5–6 фанз, а также просил отправить 5 русских солдат для

их защиты и охраны от маньчжуров⁷³. Поручик писал, что если переселенные корейцы будут находиться под защитой российских властей, то еще 100 корейских семей будут готовы к переселению. Уже в январе 1864 года 14 корейских семей в количестве 65 человек перешли на российскую территорию и основали первую корейскую деревню Тизинхе, которая позже была переименована в слободу Резаново.

Переселение корейцев не оказалось не замеченным в периодической печати. Так, в корейской газете «Независимость», в статье Ке Бон У «Арён сильги(俄領實記)» («Заметки из России») сообщалось о том, что весной 1864 года 2 человека – Чве Ун Бо из г. Мусан и Ян Ын Бом из г. Кёнхын без имущества и средств проживания перешли реку Туманган (г. Хунчун) и стали жить на территории России. Правительство России официально зафиксировало переселение корейцев после принятия на рассмотрение ходатайства о переселении. Чиновники Кореи также зафиксировали переселение в 1863 году, что нашло отражение в записях «Агук ёджидо» (рапорты корейских чиновников о Приморье), где о корейских поселениях и переселенцах говорилось следующее: «...Размер деревни: на юго-север – 30 ли⁷⁴, на западо-восток – 4–5 ли, на юго-запад – 40 ли от Янчихе. Переселенных семей 238, а количество людей – 1 665 человек. Начиная с 1863 г. эти места осваивают корейцы».

После того как известие о благополучном переселении и размещении корейцев в России достигло Кореи, количество переселенцев стало увеличиваться с каждым годом. К лету 1864 года в долину р. Тизинхе переселились уже 30 семей численностью в 140 человек. По данным первой неполной переписи населения в Южно-Уссурийском крае от 1 января 1867 года, на 1 января 1867 года корейцев в крае насчитывалось 185 семей, включавших 999 чел. (См. таблицу 2.)

⁷³ ГАИО. Фонд 24, оп. 11/3, дело 24, листы 2–3.

⁷⁴ Корейская единица измерения длины

Таблица 2.

Районы переселения	Численность корейцев		Численность скота		Площадь земли (в деся- тинах)	Имуще- ство (в руб.)
	Семьи	Кол-во человек	Лошади	Коровы		
Берег р. Тизинхе, д. Рязаново	124	661	10	148	395	1,209
Берег р. Сидими	11	54	1	11	16	134
Временное переселение в Рязаново	42	249	-	-	-	-
Берег р. Монгугай	8	35	-	7	31	23
Итого	185	999	11	166	396	1,366

По данным Пржевальского, объездившего в 1867 году пограничные районы неподалеку от реки Туманган, приблизительно в трех корейских деревнях Тизинхе, Янчихе и Сидими проживал 1 801 кореец, которые занимались земледелием и выращивали скот⁷⁵. Позже корейцы стали осваивать северные территории – Суйфунский район, Никольск-Уссурийск, Владивосток, Благовещенск.

В 1869 году число корейских переселенцев с северных территорий Кореи стало увеличиваться лавинообразно. В этот год в северных районах Кореи произошло большое наводнение, уничтожившее большую часть урожая. Начавшийся голод стал новым толчком для массового перехода корейцев в поисках новых мест проживания. С сентября до начала октября 1850 корейцев перешли на русскую территорию, а в конце ноября – начале декабря – 4 500. Численность корейцев, перешедших в 1869 г. корейско-русскую границу, в общей сложности составила 6 543 человек⁷⁶.

⁷⁵ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. – М., 1947. – С. 299.

⁷⁶ Вагин В. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. – Т. 1. – СПб, 1875–1876. – С. 4.

Среди них лишь 300–400 семей имели домашнего скота по 1-ой единице, а 700 семей перешли границу без какого-либо имущества.

Корейцы переходили границу в разных местах (через корейско-маньчжурскую и корейско-русскую границы), где наталкивались на препятствия на пограничных пунктах, когда корейские, маньчжурские и русские пограничники стремились помешать переходу. Маньчжурские грабители отнимали у корейцев одежду и другое имущество, уводили скот и даже женщин. Более того, они убивали людей.

В декабре 1869-го года адмирал Фурунгельм, который был во главе российской эмиграционной службы, хотел всех переселенцев, пересекших границу, отправить обратно на родину. Собрав в д. Тизинхе стариков, он постарался им объяснить, что семьи без средств существования должны возвратиться в Корею, а иначе их депортируют силой. Он пообещал дать продовольствие на время пути до границы и подводы, а также сообщил о переговорах с корейскими властями. Как обещали корейские чиновники, в случае возвращения на родину долговые суммы и просроченные налоги на родине будут уменьшены⁷⁷. Однако, несмотря на обещанные льготы, корейцы-переселенцы отказались возвращаться, заявив, что лучше умереть от голода на российской земле, чем вернуться назад, так как в Корее их ждет неминуемая казнь.

В 1876 году Япония принудительно навязала Корее торговый договор, а в 1878 году Китай разрешил переселение корейцев в Маньчжурию, ранее являвшуюся запретной зоной. Происходит активизация и рост геополитического влияния Японии на Дальнем Востоке. Будучи обеспокоенной ростом японской активности на своих восточных рубежах и тем, что за новыми переменами стоят западные державы, Россия вынуждена была поощрять переселение населения из внутренних районов империи на Дальний Восток.

⁷⁷ «Приамурские ведомости», 1895, № 58, приложение.

Таблица 3.

Увеличение русского населения в Уссурийском крае

Годы	Количество переселенцев-россиян, чел.	Среднее число в год, чел.
1883–1889	12 340	1 763
1890–1895	12 445	2 074
1896–1901	40 280	6 713
Итого	65 065	3 424

Что касается проблемы иммиграции корейцев между Россией и Кореей, то она не обсуждалась на официальном уровне, поскольку между двумя государствами не было дипломатических отношений. В ряде случаев Россия возвращала на родину тех, кто был задержан при незаконном переходе границы. Однако тех, кто перешел границу и сумел обосноваться, обратно не отправляли. Важной причиной либерального отношения властей к корейской иммиграции было то, что корейские переселенцы, обосновавшись в районах вселения, развивали сельское хозяйство края, тем самым улучшая экономическое положение этого неосвоенного региона и обеспечивая его зерновыми культурами и овощами.

После установления в 1884 году дипломатических отношений с Россией Корея направила в район реки Туманган Ким Кван Хуна и Син Сон Ука в целях изучения ситуации иммиграции корейцев на российскую территорию в этом районе и возможности управления ею. В 1885–1886 гг., обследовав данную территорию, составив карту и приложив документы, посланные чиновники доложили о результатах своей поездки. В докладе говорится, что в районе бассейна реки Туманган корейские поселения образованы и в других местах – Тизинхе (238 семей, 1665 человек), Красино (237 семей, 1623 человека) Адими (113 семей, 762 человека), Сидими (23 семьи, 216 человек) и др. В этих районах, а также во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и далее на север, остались подробные записи регистрации корейских поселений.

Если говорить в целом о корейской иммиграции до установления двусторонних дипломатических отношений между Россией и Кореей, то ее можно охарактеризовать следующим образом.

1) Корейская иммиграция изначально сопровождалась освоением пустынных или же неплодородных земель. В переселение были вовлечены огромное количество семей – с женщинами, детьми, стариками, а не просто мужчины, подавшиеся на сезонную работу. Оно осуществлялось, прежде всего, с целью нахождения нового постоянного места жительства (оседания). Такая долгосрочная установка корейских иммигрантов приносила больше перспектив, нежели временная польза от японских и китайских гастарбайтеров. Российское правительство понимало это, что повлекло за собой положительное отношение к корейской иммиграции. Как неоднократно отмечалось в различного рода отчетах, корейские переселенцы, где бы они ни оказывались, отличались исключительным трудолюбием, что заметно сказывалось на экономике тех районов, где они проживали.

2) Корейские переселенцы в Россию стали пионерами корейской иммиграции за рубеж. Данная иммиграция носила вынужденный характер, т. к. корейское общество было основано на феодальной системе, коррупции и всяческих притеснениях крестьян. Но корейцы-переселенцы не были защищены гарантиями и безопасностью, работая и на новых землях. Их жизнь находилась в руках правоохранительных органов и таких простых россиян, как, например, почтальон, который мог донести на нелегалов. Безземельные корейцы были лишены голоса протеста, т. к. не могли присутствовать на судебных разбирательствах (в силу нелегального своего положения); соответственно, они не могли получить законные по всем правилам гарантии, и должны были существовать в жестоких условиях.

3) Характеризуя переселение корейцев в современном смысле, их можно обозначить как беженцев. Даже когда корейские чиновники обещали при возвращении не приме-

нять наказание, переселенцы считали, что лучше умереть в местах переселения, чем возвращаться обратно. Их не покидали мысли о том, что по возвращении по законам страны они не могут быть оправданы. И к тому же областная власть, хотя и говорила, что по возвращении беженцам будет предоставлена материальная помощь, переселенцы считали, что это будет, скорее всего, единовременное небольшое пособие и в дальнейшем они снова окажутся в сложной экономической ситуации. В конце 1860 года и после переселенцев в Россию становилось все больше, люди бежали от тяжелой жизни.

С февраля 1894 года по 1897 год миграция корейцев в Россию продолжилась. В силу своего трудолюбия корейцы смогли адаптироваться в новых условиях. Надо помнить, что именно они поднимали земледелие на Дальнем Востоке России. Это были люди, которые терпели голод и лишения, зачастую не имели гражданских прав. И, тем не менее, они сложились как удивительный феномен трудолюбивых и скромных людей, отмечаемый российскими чиновниками, учеными и общественными деятелями. Если бы уровень демократических процессов был выше в царской России и ограничения по этническому признаку были бы меньшими, корейцы смогли бы иметь больше возможностей для своего роста в новом обществе, что подтверждается данными по адаптации и достижениям корейцев в различных странах, в том числе и в Центральной Азии.

§ 2. Корейцы и русские: процесс культурного обмена двух наций

В течение многих лет основную массу населения Сибири и Дальнего Востока, в том числе на побережье рек Амур и Уссури, составляли малочисленные коренные народы – племена тангутов⁷⁸ и тунгусов. Кроме того, здесь проживали

⁷⁸ В России они назывались нанайцами.

потомки когурёсцев – выходцев из корейских государств Когурё и Бохай. Славянские народы, имевшие свои государственные образования, стали появляться на этих территориях значительно позже – лишь с XVII в.

После овладения территорией Сибири в XVII в., Россия продолжала продвигаться на восток, однако натолкнулась на сопротивление Китая, также претендовавшего на Приамурье и Приморье. По Нерчинскому договору между Китаем и Россией (1689 г.), последняя не должна была переходить реку Амур. По Тяньцзиньскому договору и дополнительному к нему договору (1860 г.) Россия окончательно присоединяла к себе Приморье (в том числе территории вдоль реки Туманган, разделявшей российское Приморье и Корею). Прибрежные районы, отошедшие к России, в скором времени были заселены, при этом численность коренного туземного населения не превышала 12 000 человек. Приток населения в эти районы шел с разных сторон: с севера сюда переселялись славяне (русские, украинцы и казаки из внутренних районов России), с юга – корейцы, а с запада – китайцы. Приграничные районы рек Туманган и Усури стали своеобразной мозаикой русских, корейцев и китайцев, т.е. смешением языков, культур и исторических традиций трех цивилизаций.

Чем стала встреча этих культур? Ведь для корейца русский, а для русского кореец были совершенно разными людьми – людьми разных миров.

Для России, для которой Приморье было приграничной зоной, где расположены вооружение и пограничные посты, лояльность населения, мигрировавшего из другой страны, была весьма значима. Для корейцев, переселившихся на российский Дальний Восток, чтобы здесь жить, быть принятыми, работать, нужно было освоить русский язык, принять российскую политику и систему просвещения, а в конечном счете – российское гражданство. Немаловажными аргументами были налоговые льготы и возможность владения землей. Все это требовало определенной русифи-

кации, что для корейцев-переселенцев стало «ударом» по их традиционной культуре.

Отношение россиян к корейцам было разным. Необычными были глинобитные дома с соломенными крышами; мужчины и женщины с длинными волосами, заплетенными в косички⁷⁹.

Российское правительство, считая русификацию в отношении переселившихся корейцев необходимой, всячески стимулировало изучение иммигрантами русского языка. Для тех, кто получал российское гражданство, уменьшались налоги, а также давалась возможность получить землю и свободно заниматься сельским хозяйством.

Однако корейцам не легко было освоить незнакомую русскую культуру. Традиционно корейские женщины почти не выходили за пределы дома и даже с мужьями ограничивались в общении. Молодежь, создававшая новые семьи, стремилась к мононациональным бракам, нежели к бракам с русскими или другими национальностями. Поэтому нередко молодые корейцы возвращались на родину, находили себе спутника или спутницу жизни и опять приезжали на новые места проживания. Русские относились к таким бракам скептически, поскольку имели большую свободу в выборе партнера или партнерши.

Корейцы отличались от русских и кухней: вместо хлеба, картошки и молока они в основном ели рис и овощи. Русским было странно видеть, как корейцы в своих деревнях работали с утра до позднего вечера. Для них было не понятно, как это возможно, если основу рациона составляет растительная пища. Корейцы традиционно жили общинами, где помощь друг другу – принцип жизненной нормы ((«Секчунчан(색중청, 色衆廳)»)), в отличие от русских, где больше действовал нуклеарный принцип (каждый сам за себя), хотя и они имели общину, «мир». Поселения корейцы строили в зависимости от географического рельефа местности, объединяясь по кровнородственным узам. В общем-то,

⁷⁹ С точки зрения традиционной корейской культуры, непричесанные и лохматые выглядели негигиенично.

в образе жизни корейцев наблюдался своеобразный тип ориенталистской традиции.

Традиционно в корейских общинах существовали органы самоуправления, в которых большую роль играл централизм. Автономия в управлении осуществлялась посредством выборов старост деревень. Российские власти не видели причин для отказа от института старост в корейских поселениях, поскольку считали, что управлять иммигрантами через представителей эффективнее, нежели напрямую. Таким образом, корейские поселения управлялись институтом старост, в развитом виде – корейским типом управления местности под названием «досо» (도소, 都所), на основе установленных властями правил.

Правительство России поощряло автономную деятельность корейцев, и в ноябре 1911 года получает официальную регистрацию корейское «Общество развития труда» ((«Квон опхве(권업회, 勸業會)»))⁸⁰.

Расценивая положительно деятельность корейцев, российское правительство считало, что благодаря им сельское хозяйство в регионе получило развитие, как и экономика на Дальнем Востоке в целом, что, несомненно, приносит большую пользу государству.

Корейцы-переселенцы интересовали русских, в первую очередь, с точки зрения их трудолюбия и эффективности хозяйствования. Они осваивали трудные неплодородные районы, не были защищены государством (многие из них не имели российского гражданства и с точки зрения закона были нелегалами), и, тем не менее, трудились, не щадя своих сил.

В 1870 г. с ростом количества переселенцев стала возрастать и обеспокоенность со стороны правительства. В этом году генерал-губернатор Восточной Сибири Синельников, осмотрев прибрежные пограничные районы, куда переселились корейцы, принял решение переселить их дальше от границ: уже в 1871 году были переселены 102 корейские

⁸⁰ Устав Общества развития труда (Квон опхве). – См.: Б. Д. Пак. Корейцы в Российской империи. – М. – Иркутск, 1994. – С. 180.

семьи (431 человек) на реку Самару, где была создана первая корейская деревня на Амуре Благословенное⁸¹.

Для этих переселенцев с российским гражданством были предоставлены земля размером 100 десятин, жилье, продовольствие и семена для посева, а также выдано все необходимое для проживания. Такой политикой власти планировали образовать новые села, освоить земли для того, чтобы снабжать овощами и продуктами питания находящиеся рядом казачьи поселки. Однако план переселения корейцев был прекращен из-за нехватки денежных ресурсов и реакции корейцев.

Сибирский историк-публицист В. И. Вагин, обстоятельно изучавший корейскую иммиграцию, подверг критике политику правительства по переселению корейцев и, более того, считал решение о переселении в Амурскую область, которая находилась далеко от границ, большой ошибкой. Он задает вопрос: «Почему постоянное проживание корейцев около границы бесполезно»? Даже если рассмотреть с политической точки зрения, оседание на приграничных районах было полезным. Вагин считал, что именно приграничные районы России могли бы стать выгодными местами оседания корейцев. Под выгодными местами понимались схожие климатические условия и плодородие земли. Русский крестьянин не нуждался в аренде земель, что нельзя сказать о корейцах. Корейцы достаточно успешно занимались земледелием, так что русским крестьянам было чему учиться у них, особенно в культивировании в условиях дальневосточного климата зерновых культур, овощей и других видов растений.

После переселения на Дальний Восток корейцы достигли высоких показателей, что заставило русское правительство посмотреть на их расселение более серьезно. С одной стороны, ради спокойствия в приграничных районах нужно было переселить пришлое население этих

⁸¹ Полер Т. И. Приморье: факты, цифры, наблюдения. – М., 1909. – С. 152.

мест в глубь страны. А с другой стороны, переселенные корейцы, учитывая их трудолюбие, могли бы осваивать новые земли и целину.

В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, которое выделилось из Восточносибирского генерал-губернаторства. Генерал-губернатор Приамурского края А. Н. Корф занял отрицательную позицию по вопросу дальнейшей иммиграции корейцев на российские территории. В результате дипломатических переговоров в 1888 году Россия и Корея подписали долгосрочный договор о сухопутной торговле, в котором был поднят и замороженный в течение четырех лет вопрос о переселении корейцев. В статье 4 пункта II, регулиющей этот вопрос взаимоотношений между Россией и Кореей, было записано, что в случае перехода корейцев границы без разрешительных документов они будут депортированы обратно⁸².

В 1891 году все корейцы, находящиеся в России, были поделены на три категории. К первой категории были отнесены корейцы, которые переселились в Россию до принятия договора 1884 года, имевшие право получить российское гражданство и право владения землей из расчета 15 десятин на семью. Вторая категория – это корейцы, которые переселились после 1884 года и желавшие получить российское гражданство. В течение двух лет они имели право вести хозяйство, должны были выполнять натуральные и денежные повинности. По истечении этого срока они должны были ликвидировать свои хозяйства и возвратиться в Корею. Третья группа состояла из тех корейцев, кто приезжал на временные заработки и не имел право создавать хозяйства⁸³.

⁸² «Правила для сухопутной торговли с Кореей, заключенные в Сеуле 8 августа 1888 г.». – См. тексты договоров в: Описание Кореи. – Ч. 3. – СПб, 1900.

⁸³ Пак Б., Бугай Н. 140 лет в России. – М., 2004.

Таблица 4.

Данные о принятии корейцами российского гражданства⁸⁴

Год	Численность русско-подданных корейцев, чел.	Численность нерусско-подданных корейцев, чел.	Итого
1892	12 940	3 624	16 564
1899	14 980	10 675	25 655
1900	16 125	11 755	27 880
1901	16 163	13 445	29 608
1902	16 145	16 270	32 410
1905	16 500	12 000	28 500
1909	14 799	36 755	51 554
1910	17 080	36 996	54 076
1914	20 109	44 200	64 309
1923	34 559	72 258	106 817

При проводимой политике сокращения корейских переселенцев стало увеличиваться количество русских в структуре населения края.

Ниже предложена таблица, где мы можем видеть, что если в 1882 году население русских насчитывало 8 385 человек, а корейцев 10 137, то спустя 10 лет численность русских коренным образом изменилась. В 1892 г. она составила 38,64% от общей численности населения, а 1908 г. – до 72,92%.

Таблица 5.

Изменение численности русских и корейцев⁸⁵

Годы	Русские, чел./%	Корейцы, чел./%	Общее количество, чел.
1882	8 385 (9.04%)	10 137 (10.93%)	92 708
1892	57000 (38.64%)	16 654 (11.29%)	147 517
1902	66 320 (21.22%)	32 410 (10.47%)	312 541
1908	383 083 (72.92%)	45 397 (8.64%)	525 353

⁸⁴ Аносов С. Корейцы на Уссурийском крае. – 1908. – С. 27–29.

⁸⁵ Подсчет автора по стопроцентной шкале.

Рис. 1.1. Корейский крестьянин в Приморье.

Рис. 1.2. В корейской слободке близ Владивостока.

Рис. 1.3. Кореец в европейском костюме (студия К. Шульца, около 1880 г.).

Рис. 1.4. Корейская фанза в Сучане, 1913 г.

Рис. 1.5. Корейцы на постройке Уссурийской железной дороги.

Рис. 1.6. Канский отдельный корейский полк, 1920-е годы.

Рис. 1.7. Памятник Хон Бомдо, легендарному командиру партизанского отряда.

Рис. 1.8. Члены колхоза Хиндухинец, Дальний Восток.

Данная тенденция не может не обратить на себя внимание. Как нам представляется, она связана с тем, что Дальний Восток России становится стратегически важным районом.

Разумеется, в российских правительственных кругах периодически выражались опасения, что корейцы могли бы оказаться под влиянием США и Японии. По мере увеличения размера корейской общины корейцы укреплялись, стремясь к усилению самоуправления своих обществ и активизации деятельности по обретению независимости от Японии. Российское правительство считало, что официальное одобрение корейских обществ помогло бы уменьшению иностранного влияния. Корейцы не могли бы действовать в тайной антиправительственной работе со стороны иностранной страны.

С другой стороны, Россия выслушивала претензии японского правительства по поводу антияпонской деятельности корейцев на территории России. Ведь Россия была в определенной степени в зависимости от Японии после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. В начале 1914 года японское правительство подготовило материалы для упразднения корейских органов самоуправления в России, а уже в августе потребовало их расформирования.

После русско-японской войны 1904–1905 гг., не желая осложнений с Японией, российские власти стали рассматривать наплыв корейских переселенцев как нежелательное явление. Назначенный в 1905 г. генерал-губернатор Приморья П. Ф. Унтербергер, сторонник русской колонизации Дальнего Востока, считал корейскую иммиграцию ослаблением позиции России на Тихом океане, и необходимым прекратить сдачу корейцам казенных земель, а также запретить их наем на работы, осуществляемые государственными организациями.

В начале XX века противоречивый статус корейских переселенцев усилился. Корейское население на Дальнем Востоке пыталось сформировать автономию. Кроме того, Приморье стало базой формирования корейского партизан-

ского антияпонского движения. Два эти фактора представляли для Японии несомненную опасность. Если говорить о внутренней ситуации на российском Дальнем Востоке, то переселившиеся корейцы, которые получили в аренду земли, становились мощными конкурентами для русских и казаков, что могло дать и отрицательные последствия с точки зрения влияния тех или иных этнических групп и межэтнических отношений в регионе.

§ 3. Корейцы в Центральной Азии до массового принудительного выселения

Переселение корейцев в Центральную Азию до массовой депортации было крайне незначительным. Тем не менее, оно имело место и проходило в три этапа. Первые два этапа протекали в рамках царской России, а третий – Советской власти.

Первый этап, охватывающий вторую половину XIX века, был связан с естественным и стихийным расселением корейцев в рамках царской России в поисках заработков и лучших условий жизни. Однако количество корейцев, решившихся податься за пределы Дальнего Востока, было небольшим. Оседание корейцев в дальневосточном регионе России и низкий уровень миграции за его пределы имеют свои причины.

Во-первых, это территориальная близость Кореи и российского Приморья. Большинство корейцев пересекали российско-корейскую границу в поисках заработков. Многие из них, подзаработав, намеревались либо вернуться на родину, либо заниматься маятниковыми/сезонными заработками. Поэтому «дальнее зарубежье» не входило в миграционные настроения корейских переселенцев.

Во-вторых, в силу того, что Корея длительное время развивалась в режиме «изоляции», корейцы имели достаточно скудные представления о других народах и странах, а порой и совсем не имели таковых, за исключением

Китая, Японии и России (а точнее, российского Дальнего Востока), в силу их территориальной близости.

В-третьих, природно-климатические условия российского Дальнего Востока и Кореи совпадали, что давало возможность легкой адаптации, а также заниматься традиционными видами овощеводства, рисоводства и промысла. «Здесь корейцы были ближе к своему прошлому, – писал В. Вагин, – здесь климат и почва были те же самые, как на их родине; они могли ввезти в страну ту же самую культуру, какая ей наиболее свойственна; перенимать у русских крестьян им нужно было не многое, потому что земледелие у них лучше нашего: напротив, нашим крестьянам пришлось бы многому научиться у них»⁸⁶.

В-четвертых, после аннексии Кореи Японией, в силу территориальной близости Приморья и Кореи, а также противостояния России и Японии, приведшего к русско-японской войне 1904–1905 гг., закончившейся поражением царской России, российский Дальний Восток стал важнейшей опорной базой сопротивления корейских иммигрантов японской оккупации. Корейские патриотические организации создавали здесь национальные школы, газеты и журналы на родном языке, что было невозможно в аннексированной Корее, где официальным языком был объявлен японский язык. Они вели активную антияпонскую пропагандистскую деятельность, совершали вооруженные партизанские рейды на территорию Кореи.

В-пятых, постепенно на Дальнем Востоке сложилась достаточно внушительная и во многом адаптированная к местным условиям корейская община. Естественно, что вновь прибывавшие переселенцы также предпочитали осесть в этих краях, используя опыт и поддержку более ранних переселенцев, нежели мигрировать в более далекие области Российской империи.

В силу указанных причин абсолютное количество мигрировавших в Россию корейцев оседали на Дальнем Востоке

⁸⁶ Вагин В. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран. – Санкт-Петербург, 1875. – Том 1. – С. 13.

ке. Однако незначительное количество корейцев все же оказалось за пределами дальневосточного края, в том числе и в центрально-азиатском регионе Российской империи – Степном крае и Туркестане. Причем корейцы прибывали сюда из разных регионов России. Так, судя по документам из Акмолинского областного архива, корейцы прибыли в область из Енисейской, Иркутской, Оренбургской, Тобольской, Томской губерний, из городов Иркутска, Ишима, Красноярска, Москвы, Новониколаевска, Перми, Тобольска, Томска, Тюмени, Челябинска, Читы⁸⁷.

Пребывание корейцев на территориях современного Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана зафиксировано и первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г.⁸⁸ Они проживали в Ферганской области: в Кокандском и Наманганском уездах, а также в г. Намангане – по 1-му мужчине; в Семиреченской области: в Верненском уезде – 3 мужчин и 2 женщины, в Джаркентском уезде – 1 мужчина и 3 женщины, в г. Верном (ныне г. Алматы) и г. Джаркенте – по 1-му мужчине; в Сыр-Дарьинской области: в г. Аулие-Ата (ныне г. Жамбыл) и в Перовском уезде (ныне Кзыл-Ординская область) – по 1-му мужчине, в Акмолинской области – 1 мужчина и 4 женщины, а также в г. Пишпекке (ныне г. Бишкек) и г. Пржевальск.

В материалах переписи корейцы были учтены в разделе VII «Распределение неместных уроженцев по месту рождения», а также в разделе XIII «Распределение по родному языку». В разделе XI «Распределение иностранных подданных по государствам» корейцы не значились, из чего следует, что корейцы, проживавшие в Степном крае и Туркестане, имели российское подданство.

Надо отметить, что в Степном крае и Туркестане у корейцев были более широкие возможности для культурной адаптации и межэтнической коммуникации, нежели на Дальнем Востоке.

⁸⁷ Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 23.

⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Санкт-Петербург. 1904–1905. – Тома 81, 85, 86, 89.

Во-первых, в Приморье корейцы, как правило, проживали компактно.

Во-вторых, в ряде мест корейцев (и китайцев) селили в отдельных районах. Так, в постановлении Военного губернатора Приморской области от 11 августа 1899 года для жителей Хабаровска «О поселении китайцев и корейцев в особых кварталах города» говорилось: «Китайцам и корейцам, не русским подданным и не имеющим в городе недвижимой собственности, воспрещается проживание в других частях города Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах за номерами 95 и 97 по Поповой улице, за речкой Лесопилкой, отведенных городом для поселения этих инородцев.

Сверх владеющих недвижимостью в городе китайцев и корейцев русских подданных разрешается проживание китайцев и корейцев на следующих основаниях:

- а) прислужгой у жителей города, но не более пяти человек на хозяйство;
- б) рабочими на стройках, во время их производства;
- в) рабочими на кирпичных заводах, во время производства работ в летнее время, в зимнее – сторожами, остающимися на заводе;
- г) сторожами на старом городском базаре, в особых для сей цели помещениях;
- д) рабочими на паровой мельнице и чугунолитейном заводе»⁸⁹.

Как же отнеслась администрация Туркестана к данному постановлению? Управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, комментируя этот документ, писал на имя Военного губернатора Семиреченской области: «...Упомянутое обязательное постановление, ограничивающее личные права китайцев и корейцев, не только не находит себе подтверждения в действующих узаконениях, но прямо противоречит ст. 822, Т. IX Свода законов, изданного в 1899 г., согласно коей иностранцы, находящиеся в России,

⁸⁹ См.: Кан Г. В. Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006. – С. 37–38.

как лично, так и имущество их, подлежат действию Российских законов и пользуются общею оных защитой и покровительством. Вследствие сего я нахожу, что принятые меры, составляющие предмет упомянутого выше обязательного постановления, могли бы последовать не иначе, как с Высочайшего соизволения»⁹⁰.

Далее следует запрос о том, встречается ли подобное решение или практика об особых кварталах для проживающих инородцев по городам Туркестанского генерал-губернаторства.

В ответе Семиреченского военного губернатора от 20 февраля 1901 года говорится: «Во вверенной мне области народности проживают смешанно хоть между собой, так и с русскими. По моему мнению, не представляется надобности в установлении каких-либо ограничений в расселении иностранных подданных и инородцев на территории городов»⁹¹.

Архивные документы говорят о занятиях корейцев в Центральной Азии. В Степном крае они работали главным образом на поденных работах; также торговали в палатках всякой мелочью, бумажными цветами, табачными изделиями и т. д.; были среди них парикмахеры, набивщики папирос и сигарет, кустари; корейцы также содержали прачечные в разных городах. В специальных карточках учета в органах внутренних дел в подавляющем большинстве записано, что трудятся они честно, ничего предосудительного за ними не замечается, своим трудом вполне обеспечивают свою жизнь и жизнь своих семей, с российскими условиями жизни свыклись⁹². Проявлениями культурной адаптации стали русские имена и принятие православия, а также межэтнические браки. Так, в Омске кореец Чо Кем Пири (1877 года рождения, родился в г. Сеуле) был повенчан с русской Натальей Тукмачевой; Ли Ион Чун был женат на Елене Барановой. Некоторые корейцы просто сожительствовали с мест-

⁹⁰ См.: Кан Г. В. Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006. – С. 38.

⁹¹ Там же. – С. 39.

⁹² Там же. – С. 43.

ными, как Ким Ен Су, который жил вместе с крестьянкой Августой Рябковой⁹³.

Второй этап переселения корейцев в Среднюю Азию связан с отношениями царской России и Японии, приведших к войне 1904–1905 годов. Как пишет Г. В. Кан: «В преддверии и в годы русско-японской войны русские власти предпринимали меры по административному переселению корейцев вместе с другими «желтолицыми» из пограничных районов в глубь империи, в частности в Западную Сибирь и на Урал, районы, непосредственно граничащие с Казахстаном»⁹⁴. Автор приводит документ – секретный циркуляр директора департамента полиции МВД, разосланный губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам 16 сентября 1904 г., в котором говорилось: «В Департаменте полиции получены сведения, будто бы некоторые подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками в пределах Империи в местах расположения наших войск на Дальнем Востоке»⁹⁵. В качестве следствия данного циркуляра в этом же месяце властями через границу Степного генерал-губернаторства во внутренние губернии России было переселено 140 «мирных желтолицых» – 5 китайцев, 35 японцев и 100 корейцев⁹⁶.

После установления Советской власти количество корейцев на территории современных центрально-азиатских республик продолжает оставаться небольшим. Первая Всесоюзная перепись населения 1926 года в этом ареале зафиксировала 87 корейцев: 42 человека – в Казахской АССР, 36 человек – в Узбекской ССР и 9 человек – в Киргизской АССР⁹⁷.

В эти же годы осуществляется первая попытка корейцев, проживающих в Центральной Азии, создать свою

⁹³ Там же. – С. 45.

⁹⁴ Кан Г. В. Предыстория корейцев в Казахстане // Известия корееведения Казахстана. – Алматы, 1996. – Вып. 1. – С. 8.

⁹⁵ Там же. – С. 9.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Москва, 1928. – Том 8. Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 16–35; Том 15. Узбекская ССР. – С. 17–36.

организацию. Так, в 1921 г. в наркомате по делам национальностей Туркестанской республики была создана корейская секция. А 26 августа 1924 г. в НКВД Туркестанской республики был зарегистрирован Союз корейцев Туркестанской республики, в который вошли 28 человек. При перерегистрации в феврале 1926 г. в списках Союза уже значились 33 человека. Однако 29 сентября 1926 г. Союз корейцев был ликвидирован НКВД УзССР⁹⁸.

Третий этап прибытия корейцев-переселенцев – рисоводов – в Центральную Азию происходит в конце 20-х годов. В этот период в Казахстане начинается рисовая эпопея, в рамках которой была поставлена масштабная задача: к минимуму свести импорт риса и обеспечить потребности Центрально-азиатского региона и Европейской части СССР в данном продукте. По итогам сортоиспытания – испытывались туркестанский, ферганский, бухарский, корейский, японский, китайский и европейские сорта – был сделан вывод, что «впереди идут корейские, японские и приморские сорта». Также изучались различные способы возделывания риса: дунганский, итальянский, американский и другие. Было решено остановиться на дальневосточном способе рисосеяния, в связи с чем по приглашению наркома земледелия Казахстана в республику приехали корейцы-рисоводы, организовавшие «Корейскую сельскохозяйственную трудовую артель «Казахский рис»»⁹⁹. Всего в Казахстан были отправлены 220 корейцев (117 семей)¹⁰⁰. Народный комиссариат земледелия Узбекистана также планировал пригласить группу корейцев-рисоводов в республику, в связи с чем осенью 1929 г. обратился во Владивостокское

⁹⁸ Подборка архивных документов относительно Союза корейцев из фондов МВД Узбекистана опубликована в: *Ким В. Д.* Правда – полвека спустя. – Ташкент, 1999. – С. 12–24.

⁹⁹ См. подробнее: *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 30–39.

¹⁰⁰ *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы, 1999. – С. 180.

окружное земельное управление с просьбой переселить в Узбекистан 3–4 артели рисоробов в количестве 80–100 человек¹⁰¹. Однако, «ввиду значительного сокращения плана внутриреспубликанского переселения и сокращения денежных средств, отпускаемых на проведение переселенческих мероприятий на 1930 год, узбекские власти в дальнейшем отказались от приема корейцев-рисоводов»¹⁰².

Не за горами 1937 год. Никто еще не знал, что скоро все корейцы с Дальнего Востока будут депортированы в Казахстан и Узбекистан. 1937 год стал не только годом, кардинально изменившим всю судьбу советских корейцев, но и отсчетной точкой в образовании корейской диаспоры Центральной Азии.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – Иркутск, 1995. – С. 212.

ГЛАВА 3

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

§ 1. Выселение в Центральную Азию и адаптация к новым условиям. Формирование корейских колхозов

Республики Советской Средней Азии, а именно: Узбекистан и Казахстан, в 1937 году неожиданно должны были принять около 200 тысяч корейских переселенцев с Дальнего Востока. Значительную часть Средней Азии занимают степи, пустыни, полупустыни и горные массивы, малопригодные для жилья. Если учесть неожиданность решения о депортации, сжатые сроки переселения, низкий уровень инфраструктуры края, отсутствие жилья, катастрофический недостаток материальных ресурсов и санитарно-медицинской помощи, можно понять, что эти среднеазиатские республики не были готовы к принятию такого количества переселенцев.

В силу того, что СССР находился в окружении капиталистических стран, советское руководство всегда опасалось возможности агрессии. Особую опасность представляли Германия и Япония, заключившие в 1936 году «антикоминтерновский пакт», а также Италия, примкнувшая к нему через год. В 1935 г. Италия начала войну в Эфиопии, в 1936 г. Германия и Италия поддержали фашистский мятеж против республиканского правительства в Испании. Захват в 1931 г. Японией Маньчжурии и начало в 1937 году войны за захват всего Китая создавали опасность на восточных рубежах СССР. Именно под предлогом государственной безопасности были насильственно переселены кажущиеся Сталину «ненадежными» корейцы из Дальнего Востока. Некоторые корейцы даже самоуспокаивали себя, что переселение в глубь материка, в Среднюю Азию, не связанную с международной политикой, было более лучшим выходом,

нежели беспокойная жизнь в приграничной зоне и постоянные обвинения в шпионаже. Однако оказавшиеся в буквальном смысле брошенными в пустынных местах и заболоченных тугаях, переселенцы должны были вести тяжелейшую борьбу за выживание в условиях наступивших холодов, отсутствия жилья, голода и эпидемий.

При переселении, осуществляемом по государственным соображениям, ему должна была сопутствовать соответствующая административная, материально-техническая и финансовая поддержка. Однако подготовка к обустройству переселенцев была крайне низка. Так, депортируемым корейцам, оставившим на Дальнем Востоке имущество, скот и урожай на корню, была обещана компенсация по прибытии. Тем не менее, при исполнении данных обязательств нередко возникали случаи присвоения или невыплаты компенсаций.

Первой проблемой, с которой столкнулись переселенцы, было отсутствие жилья. Необходимо было подготовить жилье перед скоро надвигавшейся зимой. Зимой пришлось проводить в шалашах, вырытых землянках, коровниках и конюшнях, заброшенных помещениях.

Сразу после переселения корейцев в Узбекистан и Казахстан корейские колхозы неоднократно обращались в различные республиканские и союзные органы с просьбой обеспечения строительными материалами. Однако зачастую выделяемые материалы не доходили до корейцев. Доклады о подобных нарушениях с грифом «Совершенно секретно» огромным количеством шли в центральные органы в Москву¹⁰³.

Несмотря на тяжелое положение и многочисленные нарушения, переселенцы постепенно обустроивались. Наркомзем УзССР проводил большую работу для расселения и хозяйственного обустройства корейских переселенческих

¹⁰³ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 111–112; *Бугай Н. Ф.* Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев «Корёён». – Вып. 2. – М., 1992. – С. 88.

колхозов на новых местах, а также вовлечению корейских хозяйств на новые осваиваемые земли уже существовавших узбекских колхозов. Также шел процесс организации обучения детей и медицинского обслуживания корейцев, а также предоставления льгот переселенцам.

Правительство УзССР в постановлении от 11 октября 1937 года¹⁰⁴ обратило внимание на традиционную склонность корейцев к растениеводству, нежели к скотоводству, в связи с чем выделило для них посевные земли с проведенными ирригационными работами площадью в 17639 гектаров. Корейцы были расселены по 6929 хозяйствам. В Верхне-Чирчикском районе количество корейских хозяйств, получивших поливные земли, насчитывалось 117, в Средне-Чирчикском – 2827, в Нижне-Чирчикском – 1686, в Калининском – 487, в Паст-Даргомском – 1388 и в Гурленском – 474¹⁰⁵.

Всего в Узбекистане планировалось расселить 15065 семей, или 74313 человек. В процессе расселения корейских переселенцев возникали многочисленные отклонения от первоначального плана. Так, в начале количество районов расселения со смешанным местным населением составляло 7, но затем выросло до 44, из них в только 17 корейцы были размещены по принципу компактного проживания. По областям переселенцы были распределены следующим образом: Ташкентская область – 7 861 семья (37 321 человек), Самаркандская область – 1 940 семей (9 147 человек), Ферганская область – 1 197 семей (5 799 человек), Каракалпакская АССР – 2993 семьи (12 831 человек)¹⁰⁶. Кроме вышеуказанных, 99 семей (530 человек) были распределены по приказу председателя Наркомзема по наркоматам и службам¹⁰⁷.

Хотя большинство корейских переселенцев было охвачено сельским хозяйством, некоторая их часть была на-

¹⁰⁴ ЦГА РУз (Центральный государственный архив Республики Узбекистан), ф. 100, оп. 1, д. 1, л. 26. – *Ким. Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1989. – С. 13.

¹⁰⁵ ЦГА РУз, ф. 837, оп. 27, д. 48, л. 143, 159.

¹⁰⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 168, л. 4.

¹⁰⁷ ЦГА РУз, ф. 837, оп. 27, д. 39, л. 19.

правлены в районы рыболовства и горнодобывающей промышленности. Так, созданные еще на Дальнем Востоке корейские рыболовецкие хозяйства были распределены в Каракалпакскую АССР, где они стали работать на рыбных промыслах Аральского моря.

Между октябрём и ноябрём 1937 года в Узбекистане было размещено 9807 корейских семей, трудившихся ранее в сельскохозяйственном секторе, 700 семей рыболовецких хозяйств и 5800 семей рабочих и служащих¹⁰⁸.

В Казахстане корейские переселенцы были также равномерно распределены по разным областям. Согласно статистике (см. таблицу 2), в республике к середине декабря 1937 года была переселена 20 141 семья (95 421 человек) вместо планируемых 18 009 семей. Поэтому в докладе У. Исаева, председателя Совнаркома Казахской ССР, отправленном в адрес Совнаркома СССР, говорилось о требовании дополнительной финансовой помощи по причине увеличения количества переселенцев¹⁰⁹.

Таблица 6.

**Распределение корейцев по районам согласно докладу
Ю. Сыргабиева, заместителя председателя СНК Казахской ССР¹¹⁰**

Название районов	Количество семей/душ	Название районов	Количество семей/душ
1. Южный Казахстан.	8693/41425	3. Кустанайская область	877/3919
Кармакчи	2545/12593	Кустанай	877/3919
Кзыл-Орда	1849/9144	4. Западный Казахстан	1339/8986
Казалинск	978/4479	Уральск	601/3015
Яны Курган	1635/7982	Гурьев Денгиз	1233//5971
Чимкент-Карагасский	638/2132	5. Северный Казахстан	2702/12031
Пахта-Аральский	157/749	Таинга	1633/7171
Мирояновский	513/2232	Шортанды	1069/4860
Меркенский	84/409		
Джувалинский	144/700		
Тюлькубасский	150/804		

¹⁰⁸ Ким П. Г. Корейцы Республики Узбекистан. – Ташкент, 1913. – С. 35.

¹⁰⁹ Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. – М., 2004. – С. 102–103.

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 121, 136–137. Сим Хон Ёнг. Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР: дис. ... канд. полит. наук. – М., 1998. – С. 318–319.

Таблица 6 (продолжение)

Название районов	Количество семей/душ	Название районов	Количество семей/душ
2. Актюбинская область	1872/8847	6. Карагандинская область	2435/12317
Актюбинск	974/3762	Караганда	1280/6666
Аральское море	898/5080	Астаховли	1155/5651
Всего: 20141/95421			

Как и в Узбекистане, в Казахстане также были образованы корейские рыболовецкие колхозы. Согласно докладу, переданному А. Вышинскому в конце января 1940 года, имеется запись о том, что корейские переселенцы в Казахстане создали 61 колхоз из 14 600 семей в сельскохозяйственных районах, а 2 400 семей были распределены в 8 созданных рыбных колхозах¹¹¹. Согласно той же записи можно узнать, что 3 530 семей корейских переселенцев были распределены в различные организации и предприятия в горнорудных районах¹¹². Корейские переселенцы также работали на горнодобывающем предприятии «Кируголь». Согласно материалам НКВД УзССР можно узнать, что 5 декабря 1937 года переселенцы в количестве 51 семьи (187 человек) прибыли на шахту «Сулукта», находившуюся около станции «Пролетарская», на которой базировалось предприятие «Кируголь», а 19 декабря здесь уже насчитывалось 215 хозяйств¹¹³.

Несмотря на имевшиеся препятствия в распределении переселенцев, в Казахстане удалось создать 28 самостоятельных корейских колхозов с 3378 семьями. Среди данного числа было создано 3 рыбных колхоза, промартель и распределено 157 семей; были созданы трудовые и административные места в 1406 районах, где были распределены корейцы.

Из переселенного в Казахстан общего количества семей около 500 семей (2000 человек) по приказу Наркома внутренних дел от 5 ноября 1937 года были сформированы

¹¹¹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 31, д. 2663, л. 68.

¹¹² Там же.

¹¹³ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 156–160.

в рыболовецкие коллективы и переселены в Астраханский округ Сталинградской области. Часть распределенных в Сталинградскую область корейцев оказались без получения компенсаций согласно утвержденной переселенческой программе. Из-за этого возникли трения между тремя сторонами – административными органами Сталинградской области (по запросу о финансировании для переселения корейцев), Сельскохозяйственным банком СССР (который получил приказ о предоставлении 100 000 рублей всем корейским переселенцам) и Совнаркомом Казахской ССР (утверждавшим, что всю сумму уплатили из Центрального Банка Москвы для переселения корейцев)¹¹⁴.

Хотя первоначальный план распределения корейских переселенцев и заключался в их компактном расселении в определенных регионах, в реальности к ареалам их расселения были добавлены дополнительные районы¹¹⁵.

Прежде всего, нужно было переселить корейцев в районы рисосеяния, где мог бы быть востребован их опыт в этой области, поскольку Казахстан был определен как одна из зон рисосеяния. Для этого необходимы были соответствующие ирригационные условия, что, в свою очередь, требовало огромных капиталовложений и времени. В связи с этим, председатель облисполкома Южно-Казахстанской области предложил расширить земли с ирригационными сооружениями, распределив в них корейских переселенцев.

Как и в Узбекистане, в Казахстане также проводились различные работы по адаптации корейских переселенцев. Была создана программа по роспуску лесных совхозов и животноводческих колхозов и созданию территорий для поселения корейцев. Подобные меры были результатом поисков метода подходящего расселения корейцев, умелых земледельцев, но не обладавших опытом в животноводстве.

¹¹⁴ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 20–25; д. 49, л. 64; *Бугай Н. Ф.* Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. – М., 2004. – С. 91.

¹¹⁵ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах / сост. Ким Ен Ун, Ли В. Часть 1. – М., 1992. – С. 176–178.

По этой причине 20 декабря 1937 года Председатель Совнаркома Казахской ССР У. Д. Исаев направил телеграмму заместителю председателя Совнаркома СССР В. Я. Чубарю, в которой говорилось о том, что прибывшие в Кустанайскую область 820 корейских семей ничего не привезли с собой с Дальнего Востока, непригодны к скотоводству и что необходимо их расселить в рисоводческих районах, для чего требуются средства для ирригационных работ¹¹⁶. Поэтому привыкших к земледелию корейцев концентрированно расселяли на юге Казахстана и на севере Узбекистана, то есть в местах наличия рисоводческих плантаций и возможности заниматься производством зерна, хлопка и сахарной свеклы.

Трудовое распределение корейцев шло непросто. Правительства Казахстана и Узбекистана, занимавшиеся организацией расселения корейских переселенцев, должны были представить в Совнарком СССР в Комиссию по вопросу хозяйственно-культурного обустройства корейцев при СНК СССР программу мер по расселению и обустройству корейцев. 5 января 1938 года в СНК СССР было принято постановление «О мероприятиях по хозяйственному устройству корейских переселенцев в Узбекской ССР»¹¹⁷, а 20 февраля 1938 года было принято аналогичное постановление¹¹⁸ по Казахской ССР. Содержание этих документов носило достаточно подробный характер, но на практике их реализацию нельзя назвать осуществленной. Как писал заместитель Наркома внутренних дел СССР С. Жуковский в мае 1938 года в письме А. И. Микояну, «указы по расселению корейцев не выполняются»¹¹⁹.

Подготовленные центральным или республиканским органами программы зачастую выполнялись не сразу или со значительными задержками. Поэтому реализация планов

¹¹⁶ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 95; *Н. Ф. Бугай*. Корейцы в Союзе ССР–России: XX-й век. – М., 2004. – С. 109.

¹¹⁷ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 48, л. 185–190.

¹¹⁸ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 50, л. 166; *Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах* / сост. Ким Ен Ун, Ли В. Часть 1. – М., 1992. – С. 145–149.

¹¹⁹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 50, л. 107–110.

по жилищному строительству, трудоустройству корейцев и выплате им социальных пособий затягивалась и не имела должного эффекта.

Другим заметным явлением стал второй этап переселения – перемещение корейского населения, покидавшего первоначально регионы расселения и мигрировавшего, несмотря на официальный запрет, в другие места, как внутри Казахстана и Узбекистана, так и между ними. Если говорить о внутренних миграциях, то их было два типа. Первый – это переселение корейцев в города в поисках работы. Это те, кто, являясь рабочими или служащими, был переселен в сельскую местность. Такая миграция особенно часто наблюдалась в ноябре-декабре 1937 года, сразу после первого этапа расселения. Другим типом внутренней миграции было перемещение из мест первоначального расселения для воссоединения с семьей, разлученной во время депортации.

Поскольку стихийная миграция корейцев-переселенцев создавала препятствия для утвержденной программы их расселения, Председатель Совнаркома Казахской ССР У. Исаев предложил наркому СССР А. Микояну ряд мер по предотвращению ситуации самовольного перемещения корейцев¹²⁰. Во-первых, предложенный пакет предполагал строгие меры по ограничению самовольного передвижения корейских переселенцев на территории каждого района и области республик вселения. Во-вторых, между переселенческим отделом НКВД СССР и наркоматом каждой республики заключалось соглашение по осуществлению мер для сокращения средств по речным или железнодорожным перевозкам для вовлечения корейцев для нужд каждой республики. В-третьих, это создание штата комендантов НКВД в составе 19 человек для наблюдения за переселенцами, приезжавшими из Украины до конца 1938 года. Подобные предложения приводили к усилению контроля над переселенцами.

¹²⁰ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 51, л. 8–9. – Бугай Н. Ф. Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев «Короён». – Вып. 2. – М., 1992. – С. 77.

Одним из факторов, значительно усложнявшим положение по обустройству и трудоустройству переселенцев, являлось самовольное использование местными органами власти средств, выделенных на нужды переселенцев. Например, Наркозем Узбекской ССР выделил корейским переселенцам машины, рабочий скот, строительные материалы. Однако и выделенные кредитные средства, и материалы были либо присвоены, либо растрочены. Согласно Постановлению Совнаркома УзССР от 17 июля 1938 года средства, выделенные правительством на нужды по распределению и расселению корейских переселенцев, как и средства, предназначенные для перераспределения корейских переселенцев, были потрачены на общие нужды местных колхозов (например, в Верхне-Чирчикском, Пастдаргомском и других районах)¹²¹.

Другим фактором, ухудшавшим материальное положение корейцев, как и местного населения, было постоянное прибытие новых переселенцев. В 1938 году в Казахстан были переселены курды (802 семьи – 1325 человек), армяне (309 семей), иранцы (2000 семей – 6000 человек) и турки¹²². В частности, при вводе новых поселенцев, согласно секретному Постановлению Совнаркома СССР от 8 октября 1938 года «О переселении иранцев в Казахскую ССР из Азербайджанской ССР», организация жилищного вопроса для иранских переселенцев должна осуществляться за счет неиспользованных материальных средств, выделенных для хозяйственного устройства корейцев, переселенных в Казахскую ССР¹²³.

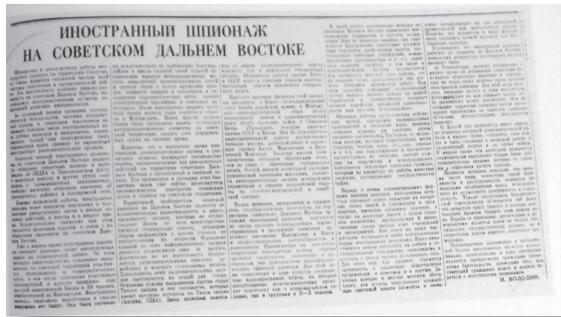
В начале января 1939 года результаты по трудоустройству корейцев были доложены председателю Совнаркома СССР Молотову. По данным на 1938 год, из выделенных корейцам 10 000 гектаров земли 4220 гектаров было отведено под рисоводство, 158 гектаров – под хлопок, 5632 гек-

¹²¹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 29, д. 51, л. 2–25. – *Бугай Н. Ф.* Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев «Короён». – Вып. 2. – М., 1992. – С. 88.

¹²² Там же. – С. 92.

¹²³ ГАРФ, ф. 5446, оп. 30, д. 39, л. 27–28.

Рис. 2.1.
Статья И. Володина
«Иностранный шпионаж
на Дальнем Востоке»
от 23 апреля 1937 г.

ПОВОГОННЫЕ СПИСКОВЫЕ

Городок первоначального назначения по Псковскому району
 Псковской области области АССР

№	Имя, Фамилия, Отчество	Родился	Место рождения	Служба
1/1	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
2	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
3	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
4	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
5	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
6	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
7	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
8	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
9	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
10	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
11	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
12	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
13	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
14	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
15	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
16	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
17	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
18	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
19	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
20	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
21	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
22	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
23	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
24	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888
25	Хон Хан Сеон	1888	Хон Хан Сеон	1888

Рис. 2.2. Повогонные списки
выселенных корейцев (1937).

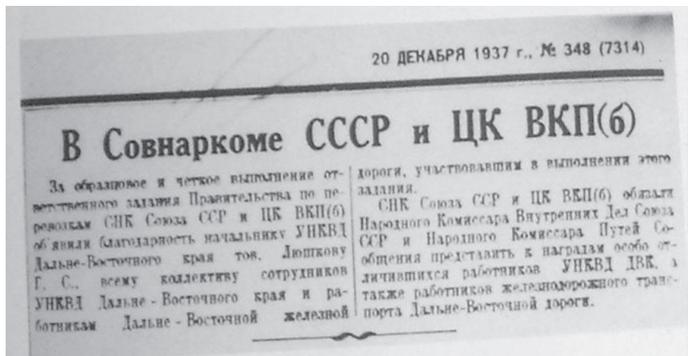

Рис. 2.3. Благодарность СНК СССР и ЦК ВКП(б) начальнику
УНКВД Дальне-Восточного края Г. С. Люшкову, сотрудникам
НКВД и работникам железной дороги за выполнение задания по
выселению корейцев.

Рис. 2.4. Землянка. В таких землянках многие корейцы жили после выселения.

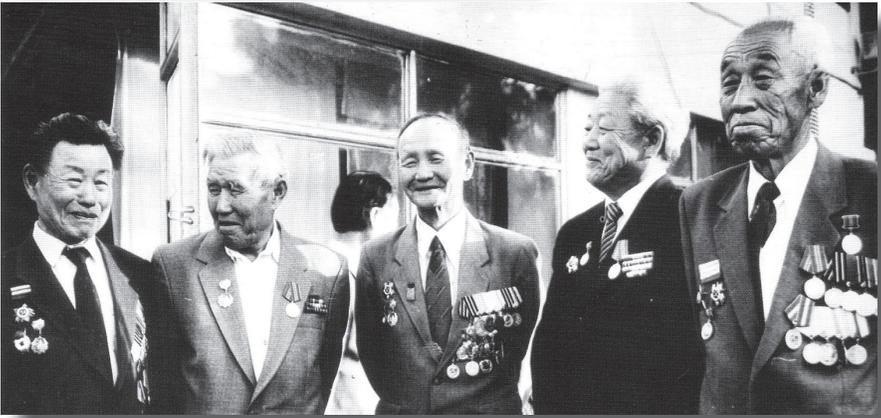

Рис. 2.5. Участники Второй Мировой.

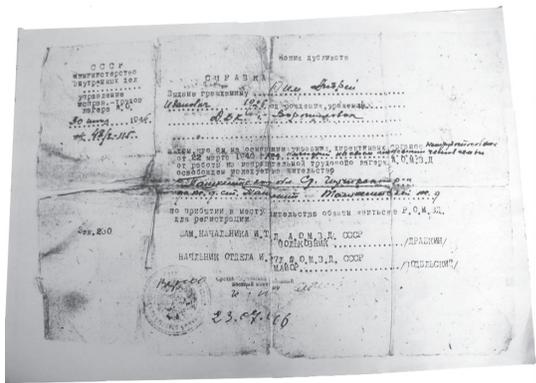

Рис. 2.6. Справка трудармейца о возвращении домой из Ухто-Ижемского лагеря Коми.

тара – под пшеницу и овощные культуры. Такая направленность на растениеводство была признанием того, что корейцы достигли успехов в сельском хозяйстве. И уже первые годы жизни корейцев на новых местах подтвердили их славу умелых земледельцев.

Но это признание давалось не в легких условиях. В силу объективных причин, а также бюрократических проволочек, постоянно ощущалась нехватка сельскохозяйственных машин, рабочего скота, удобрений и других материалов, необходимых для налаженного сельскохозяйственного производства¹²⁴. Несмотря на эти трудности, корейцы проявили выдающиеся способности в сфере сельского хозяйства и достигли высоких показателей производительности труда.

Колхозники-корейцы не только увеличили посевные площади риса и других зерновых культур, но и показали высокую урожайность в производстве новых для себя технических культур, таких, как кенаф, и посева хлопка.

§ 2. Корейцы в годы Второй мировой войны

3.2.1. На фронтах войны

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР. Началась Великая Отечественная война.

В большинстве случаев корейцев на фронт не брали. С началом Второй мировой войны их, как и другие, находящиеся на учете НКВД, народы, мобилизовали в так называемую «трудовую армию». Даже тогда, когда вся страна попала в беду и решался вопрос о судьбе Отчизны, Сталин лишил корейцев возможности выполнить свой гражданский долг, напоминая корейцам об их «неблагонадежности». Но ведь корейцы рвались не на теплые места, а в пекло боев. Запретив корейцев брать в действующую армию, сталинский режим нанес глубочайшее оскорбление достоинству всех советских корейцев. Но корейцы молча перенесли и

¹²⁴ ГАРФ, ф. 8356, оп. 1, д. 36, л. 80, 142.

эту пощечину. Никто не роптал, мирясь с судьбой. Да и не время было для обид, претензий и дискуссий. На карту была поставлена судьба страны. Главное теперь заключалось в помощи фронту.

И все же корейцам, прежде всего молодежи, удалось принять участие в боях на фронтах Второй мировой войны. Одни попадали в Советскую армию, изменив свои фамилии. Другие – студенты вузов прифронтовых городов – оказывались на передовой вместе со своими однокурсниками. Тогда зачастую уходили на фронт всем курсом. Третьи, обивая пороги военкоматов, райкомов комсомола и других организаций, всеми правдами и неправдами все же добивались отправки на фронт. Четвертые призывались в качестве специалистов. В действующую армию удавалось попасть, прежде всего, тем корейцам, которые в силу различных обстоятельств оказались в разных городах России. Они были оторваны от основной массы корейцев, проживавших до 1937 г. компактно на Дальнем Востоке, а затем депортированных в Центральную Азию, и потому не попали под депортацию.

Один из тех, кто прошел дороги войны, – Ким Пен Гер (Ким Владимир Николаевич). Ниже приводится сокращенный вариант газетного интервью, которое я взял у Ким Пен Гера в 1994 г. в Ташкенте:

«Война меня застала в детском доме г. Свердловска, где я учился и жил, потеряв родителей в раннем возрасте. В июле 1941 г. после окончания 8-летней школы по рекомендации райкома комсомола я подал документы в военную школу летчиков. Но на отборочной комиссии мне отказали в приеме, сославшись на ранний возраст, хотя моего товарища, который был младше меня, приняли. Я чувствовал какую-то несправедливость, но объяснить ее не мог. Полгода я ходил в военкомат с просьбой отправить на фронт, но всегда получал отказ.

6 марта 1942 г. меня направили в «трудовой батальон», где были поляки и русские, чьи родители были репрессиро-

ваны. Стало ясно, что я, как кореец, тоже отношусь к неблагонадежным.

Я обратился к директору детского дома, который пользовался большим авторитетом в городе, а также к командиру трудового батальона, который хорошо ко мне относился. Кроме того, каждую неделю я ходил в военкомат и всем там надоедал.

И вот в сентябре 1942 г. меня направили в военное училище лейтенантов, а в феврале 1943 г. всех курсантов отправили на Воронежский фронт. Мне присвоили звание сержанта и назначили командиром пулеметного расчета. 5 сентября 1943 г. во время наступления около села Михайловка Курской области я получил тяжелое ранение. По выздоровлении меня направили на фронтовые курсы младших лейтенантов 1-го Украинского фронта. Войну я окончил в Восточной Пруссии, а демобилизовался в 1947 г.». За боевые заслуги Ким Пен Гер награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и другими наградами¹²⁵.

Под фамилией «Садыков» добровольцем на фронт ушел Ким Анатолий Борисович, воевавший в качестве разведчика в частях 1-го и 4-го Украинских фронтов. Войну закончил в Праге, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Славы 3-й степени, медалью «За отвагу», а также медалью Чехословакии. На различных фронтах в качестве разведчика провоевал и Ан Сен Гын, награжденный орденом Славы 3-й степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другими наградами. Выпускник 1-го Ленинградского военного артиллерийского училища Пак Иван Яковлевич в годы войны был командиром батареи, начальником штаба дивизиона, помощником начальника штаба полка; награжден орденом Отечественной войны 2-степени и медалями¹²⁶. Всю войну, с 1941 г., прошел Цой Губе; воевал командиром отделения автомо-

¹²⁵ Хан В. С. Они защищали Родину // Корё Ильбо, 7 мая 1944 г.

¹²⁶ Ким Брутт. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент, 1999. – С. 15, 40, 88.

бильного полка, мобилизовался старшим сержантом в августе 1945 г. Награжден медалями: «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией»¹²⁷. С 1943 по 1944 г. в рядах Советской Армии находился и Магай Алексей Борисович¹²⁸. В последний год войны был призван Афанасий Михайлович Ким, работавший в Чкаловской области¹²⁹.

Сведения о корейцах, покрывших себя боевой славой, приводит в своей книге Ким Сын Хва.

В 19 лет стал солдатом Валентин Иванович Цой, вступивший в августе 1941 г. в дивизию народного ополчения Ленинграда. А в октябре 1941 г. он принял боевое крещение. В ночь с 10 на 11 апреля 1943 г. он с группой разведчиков проникает на немецкие позиции; во время боя группа захватывает «языка». Особо отличился в этой операции младший сержант Валентин Цой. За эту операцию он был награжден орденом Красной Звезды.

В 18 лет встретил войну студент Московского института химического машиностроения Степан Николаевич Тэн. В октябре 1941 г. он добровольцем вступил в армию и через несколько дней отправился на фронт. Воевал в разведке. Вскоре он был награжден медалью «За отвагу» и послан в офицерское училище. Закончив его, Степан возвращается на фронт. Командует взводом, потом ротой. В январе 1944 г. гвардии капитан Тэн назначается командиром батальона в одной из частей 2-го Прибалтийского фронта. 18 марта 1944 г. он пал смертью храбрых.

На Западном фронте в частях генерала Голубева против немецких оккупантов сражался пулеметчик Михаил Тэн. Вот что сообщалось в корреспонденции ТАСС от 13 января 1942 г. о подвиге Михаила Тэна: «Во время последнего боя тов. Тэн со своим станковым пулеметом незаметно для врага пробрался на его территорию, замаскировался на крыше одного здания и стал поливать свинцом разбегавшихся в па-

¹²⁷ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 84.

¹²⁸ Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. – Тараз, 2005. – С. 190.

¹²⁹ Без гнева и печали ... – С. 84.

нике фашистов. Когда селение перешло в наши руки, около дома, где укрепился пулеметчик Тэн, валялось больше 100 трупов фашистских бандитов»¹³⁰.

11 корейских юношей ушли добровольцами на фронт из казахстанского города Гурьев. Домой возвратились лишь трое. Из них старший сержант Пак Тхя Гир, командир отделения понтонного полка – позже доцент Ташкентского государственного университета. Он участвовал в прорыве Ленинградской блокады, освобождении Прибалтики, Польши. Войну закончил в Германии. За ратный труд награжден орденами Славы 3-й степени и Отечественной войны 2-й степени, многими медалями, включая польскую медаль «За Варшаву»¹³¹.

С 1943 г. на фронте Герман Сергеевич Хан, воевавший в зенитно-артиллерийском полку на 1-м Прибалтийском фронте. Войну Г. С. Хан закончил в Кенигсберге¹³².

Неувядаемой славой покрыл себя Александр Мин, удостоенный высшей награды Родины за боевые заслуги – звания Героя Советского Союза.

Перед войной Александр Мин учился в планово-кредитном институте в Саратове. В начале войны он добровольцем вступил в армию и через несколько дней отправился на фронт.

Как смелого, находчивого солдата его зачисляют слушателем военного училища. В 1942 г., в чине лейтенанта, он вновь прибыл на фронт, командовал сначала взводом, потом батальоном. Александр Мин участвовал в боях на Западном, Центральном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. В июне 1943 г. он был награжден орденом Красной Звезды, в ноябре этого же года – орденом Отечественной войны 2-й степени, а в феврале 1944 г. – орденом Александра Невского. Незадолго до дня победы Александр Мин пал смертью храбрых. 25 марта 1945 г. Указом Президиума Верховного

¹³⁰ *Ким Сын Хаа*. Указ. соч. – С. 230–232.

¹³¹ *Ким Брутт*. Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Ташкент, 1991. – С. 30–31; *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент, 1999. – С. 91.

¹³² *Корейцы Казахстана: кто есть кто*. – Алматы, 2005. – С. 482.

Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно¹³³. Именем Александра Мина названа одна из улиц г. Ташкента и назван парк в г. Аккургане (Узбекистан)¹³⁴.

Был на фронте и мой дядя – брат мамы – Ким Са Ен (Ким Николай). В 1941 г., после окончания летной школы, он вместе с другими выпускниками был отправлен на фронт. В одном из боевых вылетов он и его командир оказались в окружении 4-х немецких самолетов. Приняли решение – идти на таран. Протаранив вражеский самолет, на выведенной из строя машине, под обстрелом преследующих немцев, они стали уходить из боя. Их, чудом оставшихся в живых, подобрали тяжелоранеными. За фронтовые заслуги Ким Са Ен был награжден 4-мя боевыми наградами.

Корейцы воевали не только на западном направлении (в войне с Германией), но и восточном – в войне с Японией. Юрий Данилович Тен по личной просьбе был призван в Советскую Армию в марте 1945 г., служил в Тихоокеанском флоте, участвовал в войне с Японией, освобождал Корею; награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней¹³⁵.

Была еще группа корейцев, воевавших в секретной разведке против Японии. Все они давали подписку о неразглашении тайны и никогда не носили наград. Лишь когда их дела были рассекречены, стала известной их деятельность в годы войны. По данным Кзыл-Ординского военкомата, только из этой области таких было 7 корейцев. Кан Бон Ен был призван в 1943 г. и направлен в школу военной разведки на Дальнем Востоке. По заданию командования он проникал через границу в Северную Корею и собирал информацию об японцах, в том числе и об японских военных частях. Не раз выполнял задания на территории Северной Кореи и Ким Ен Нам, награжденный орденом Красного Знамени и медалью

¹³³ *Ким Сын Хаа*. Указ. соч. – С. 229–230.

¹³⁴ *Ким В. Д.* Эшелон–58. – Ташкент, 1995. – С. 74–75.

¹³⁵ Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата, 1992. – С. 11.

«За победу над Японией»¹³⁶. Дё Ман Гын в 1941 г. был призван из Кызыл-Ординской области Казахстана и прослужил один год лейтенантом в политуправлении Дальневосточного фронта, который удерживал нападение Японии на СССР. В 1942 г. был демобилизован, а в конце войны снова призван и направлен преподавателем восточных языков в Канскую школу военных переводчиков, где проходили профессиональную подготовку разведчики, которых забрасывали в тылы Квантунской армии – Корею и Китай¹³⁷. Ю Сен Чер, с 1941 г. был призван в армию, учился в военной спецшколе, отправлялся на задания в Маньчжурию, работал военным переводчиком; награжден орденом Отечественной войны 2-степени, а также орденом Красного знамени Монголии¹³⁸.

В последние годы стала известной информация и об участии женщин-кореенок на фронтах войны. Так, Анастасия Ивановна Ким была зенитчицей, Евгения Николаевна Люгай служила в эвакуационном пункте¹³⁹, а сержант медицинской службы В. Лим спасла не один десяток солдатских жизней¹⁴⁰.

В настоящее время известно 372 советских корейца, воювавших на фронтах Второй мировой войны¹⁴¹.

3.2.2. В «трудовой армии»

Одной из наиболее малоизученных тем истории корейцев является участие корейцев в «трудовой армии» (строительных и рабочих колоннах) в годы Второй мировой войны. Работ, в которых затрагивается тема корейцев-тру-

¹³⁶ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 83–84.

¹³⁷ Там же. – С. 87.

¹³⁸ *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент, 1999. – С. 131.

¹³⁹ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 84.

¹⁴⁰ *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области. – Костанай, 2000. – С. 150.

¹⁴¹ *Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В.В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2011.

дармейцев, немного¹⁴². В большинстве из них сама *тема корейского участия в трудармии* занимает лишь незначительную часть: две строчки (Г. Н. Ким, Д. В. Мен), полстраницы (Б. И. Ким), одну страницу (Г. В. Кан), несколько страниц (Л. Б. Хван). Если же говорить о прорыве в научном освещении обсуждаемой темы, то он связан с работами российского историка Н. Ф. Бугая.

О методологии подходов. Имеющиеся по теме работы можно разделить на две группы. Первая является строго академической – это публикации историков (Н. Ф. Бугай, Г. В. Кан), опирающиеся на архивные материалы и академические стандарты изложения. Вторая категория работ написана в публицистическом ключе (Б. Ким, Г. М. Ким, Л. Б. Хван). В качестве основного источника в них фигурируют либо сами личные воспоминания бывших трудармейцев, либо их запись в виде интервью.

Если говорить о личных воспоминаниях в целом, то относительно них всегда существует проблема верификации, что диктует взвешенный и осторожный подход к ним. При реконструкции исторических феноменов воспоминания не являются абсолютно достоверным источником («истиной в последней инстанции»), поскольку в них присутствует существенная доля субъективности: они персонифицированы, окрашены в эмоциональные тона; аксиологические установки зачастую доминируют над гносеологическими принципами. Некоторые детали в них забываются или сознательно

¹⁴² Ким Б. Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Ташкент, 1991; Ким Г. Н. и Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. М. Корейцы-трудармейцы в годы Великой Отечественной войны // Известия корееведения Казахстана. – 1999. – Вып. 6; Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004; Уэй Ч. Корейцы России в годы войны 1941–1945 гг. // War and Overseas Koreans. – Seoul: HUFUS, 2004; Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; Он же. Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (депортация). – М., 2004; Khan V. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // International Journal of Central Asian Studies. – 2006. – Vol. 11.

опускаются, а некоторые – гипертрофируются. Кроме того, нередко случаи, когда «единичное» и «особенное» обобщается до «общего», а ситуативное – до закономерного.

Поэтому для воссоздания исторической правды необходим комплексный подход:

– сопоставительный анализ воспоминаний ряда свидетелей/участников (в зависимости от определения этого ряда могут быть получены и различные результаты); причем сбор и расшифровка устных историй должны осуществляться по научным методикам;

– соотнесение результатов полевой работы с документально-архивными источниками.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме *заданности*, когда аксиологические установки начинают определять конструирование эмпирической базы и соответствующих выводов. Наиболее рельефно такого рода заданные установки выражены в работах Л. Б. Хван (а точнее, это одна работа, с небольшими вариациями). В условиях дефицита литературы по теме и ученого статуса автора, эти работы могут создать впечатление, что они выражают современные научно-исторические взгляды по данному вопросу. Поэтому остановимся на них подробнее.

Обратимся к интерпретации документов. Приводя поддержку из письма каменноугольного треста «Коспашуголь» о том, что он получил из Каракалпакской АССР 700 человек рабочей силы (достаточно нейтральный текст, характерный для производственной переписки), автор восклицает: *«вдумайтесь: трудоармейцев «получали» как железнодорожный груз, а не «принимали как людей»*¹⁴³.

Что же оскорбительного в термине «получать»? Он вполне употребим не только в отношении грузов, но и людей – особенно в сводках, отчетах и деловой переписке, для которых характерны сухость, лаконичность и емкость используемой терминологии. В комментарии очевидна

¹⁴³ Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

предвзятость: найти в сообщениях, касающихся «трудармии» (даже нейтральных), негативный подтекст.

В этом же документе, в связи с прибытием новых рабочих, содержится просьба о выделении продовольствия: «...В ближайшее время ожидаем дополнительно 300 человек – всего 1000 человек. В связи с этим просим прислать следующие продукты: рис, пшено, консервы, сухие овощи»¹⁴⁴. По этому поводу автор пишет: «Бесплатных трудовых ресурсов Трудармии было мало. Она хотела, чтобы тягловая «рабочая сила» везла с собой и прокорм. По смыслу документа можно уяснить, что даже вопросы организации питания для прибывших трудармейцев лежали на их отправителях. И можно представить, какую скудную пищу им выделяли из не предусмотренных для них продуктовых резервов»¹⁴⁵.

Что означает «она хотела» применительно к «трудармии»? Подобная антропоморфизация социальных институтов в науке недопустима, т.к. выводит проблему организации дистрибутивных сетей в советском обществе 40-х годов как некоторой *объективной реальности* за пределы научного анализа в сферу каких-то призрачных *фантомов* типа одушевленной «Трудармии», обладающей человеческими желаниями.

Непозволительными также являются отождествление *просьбы с решением* и экстраполяция *конкретной* ситуации на *систему* продовольственного обеспечения трудармейцев. Как известно, в военное время управленческая структура, в том числе и в сфере распределения, носила двойственный характер. С одной стороны, вся полнота власти на период войны была сконцентрирована в руках ГКО. А с другой стороны, резко увеличились права наркоматов, в том числе в сфере распределения ресурсов. Поэтому решение вопроса о снабжении рабочих и строительных колонн осуществля-

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

лось не по линии «трудовая армия – отправители»¹⁴⁶, а по линии вертикального соподчинения (союзные, республиканские, областные, районные органы) и горизонтальной координации (межреспубликанской и межведомственной). В силу этого, обеспечение трудармейцев осуществлялось из различных источников: из союзных фондов, по решению обкомов принимающих областей, по решению правительства Узбекистана и т. д.¹⁴⁷ Если обратить внимание на то, кто отправитель письма (трест «Коспашуголь») и кто – получатель (Каракалпакский обком партии)¹⁴⁸, то видно, что они не находятся в отношениях иерархического подчинения. И в этом случае мы имеем более сложную цепочку решений относительно обеспечения трудармейцев. Говоря же о «непредусмотренных продуктовых резервах» Л. Б. Хван не учитывает централизованную природу системы распределения и перераспределения в СССР, тем более, в военное время.

Автор завершает свой комментарий по поводу просьбы угольного треста о выделении дополнительного продовольствия следующим резюме: «Так средневековый палач требовал у родственников приговоренного к повешению мыло для смазывания веревки, чтобы смерть обреченного была менее мучительной»¹⁴⁹. Для того, чтобы усилить обличительный эффект, Л. Б. Хван использует *аналогию*; при этом нарушает правила ее использования как логической операции. Как известно, в умозаключении по аналогии на основании знания одних сходных свойств и признаков изучаемых объектов делается вывод о возможном сходстве других свойств и признаков этих объектов. Причем общие

¹⁴⁶ Термин «отправитель» не корректен. Каракалпакский обком партии, куда была направлена просьба треста, не является «отправителем», поскольку мобилизация в рабочие и строительные колонны осуществлялась через военкоматы по линии НКО.

¹⁴⁷ Дядюра Л. П. Труженники Узбекистана на предприятиях и стройках РСФСР в дни войны // Общественные науки в Узбекистане. – 1985. – № 5. – С. 21–24.

¹⁴⁸ Хван Л. Б. Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам (по материалам истории корейцев Каракалпакстана) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml

¹⁴⁹ Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

сходные свойства и признаки должны быть того же типа¹⁵⁰. Но в данной «анalogии» нет ни одного сходного признака, а тем более, одного и того же типа.

Об оправданности трудовой мобилизации корейцев в годы войны. Мне представляется, что необходимо различать два аспекта данной проблемы. Первый аспект связан с вопросом о трудовой мобилизации в период Великой Отечественной войны вообще, а второй – с мобилизацией собственно корейцев. Данное различие принципиально, т. к. эти два аспекта иногда смешиваются, и в равной мере рассматриваются как проявление репрессивной политики сталинизма.

Если говорить о трудовой мобилизации корейцев, то она, безусловно, явилась по отношению к ним актом политического недоверия со стороны властей. Корейцы готовы были защищать Родину с оружием в руках, так же, как они это делали в случае иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Однако Сталин видел в них «пятую колонну», как и в некоторых других этнических группах. Тотальная мобилизация в «трудармию» по этническому признаку фактически означала дискриминацию – отказ представителям некоторых этнических групп в праве носить оружие и сражаться на фронте. Она принципиально являлась незаконной, т. к. нарушала статью 123 Конституции, которая гласила: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или националь-

¹⁵⁰ См.: Новик И. Б., Уёмов А. И. Моделирование и аналогия // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М., 1968. – С. 290; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 38.

ной исключительности, или ненависти и пренебрежения, караются законом»¹⁵¹.

Однако политическая дискриминация корейцев как защитников Отечества не означает, что в годы войны они не могли быть использованы в качестве трудовых ресурсов, как и другие советские народы. Говоря о мобилизации корейцев в «трудовую армию», Л. Б. Хван пишет: «Их отрывали от семей ...и бросали на ликвидацию «узких мест» – на рудники, на строительство оборонных объектов, на предприятия, производящие стратегическую продукцию»¹⁵². Критический пафос данного предложения трудно понять, поскольку сотни тысяч представителей других народов центрально-азиатского региона (узбеков, каракалпаков, таджиков и др.), также «отрывали от семей»¹⁵³ и бросали на те же рудники и стройки. Так, к концу 1943 г. на оборонные предприятия и стройки РСФСР было мобилизовано более 155 000 жителей Узбекистана¹⁵⁴.

И здесь встает вопрос о трудовой мобилизации *вообще*. В условиях войны она была единственным условием победы¹⁵⁵. В связи с этим, нам представляется принципиально неверной ее интегральная трактовка некоторыми авторами как «карательной» политики, которая следила за тем, чтобы никто «не уклонился»¹⁵⁶, без учета конкретно-исторического контекста.

Так, Л. Б. Хван приводит Циркулярное письмо Наркомюста СССР, Прокурора СССР и Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР от 5 марта 1942 года, предписывающее принять меры против уклоне-

¹⁵¹ Конституция (Основной Закон) СССР. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>

¹⁵² Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

¹⁵³ А как быть с десятками миллионов солдат, которые также были «оторваны от семей» и брошены в пекло смертельных боев, откуда миллионы живыми не вернулись?

¹⁵⁴ История рабочего класса Узбекистана. – Т. II. – Ташкент, 1965. – С. 96.

¹⁵⁵ Правда, можно и нужно обсуждать вопрос о том, как она проводилась; насколько продуманы были условия труда и быта мобилизованных и т. д.

¹⁵⁶ См.: Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 16.

ния граждан от мобилизации для работы на производстве и строительстве. Согласно письму, материалы об уклоняющихся должны передаваться в суд, по решению которого эти граждане направлялись на принудительные работы. Предваряя данное письмо, автор пишет: «Уклониться, избежать этой участи было невозможно. Государственная карательная машина зорко следила за тем, чтобы ни один трудоспособный, не призванный в действующую армию гражданин ее не избежал»¹⁵⁷. А в опубликованной в Интернете версии статьи она называет поступивший в Каракалпакскую АССР циркуляр «черным письмом»¹⁵⁸.

«Черным письмом» (вероятно, по аналогии с «черной меткой», уведомлением о смертном приговоре среди пиратов и криминальных кругов) называется циркуляр военного времени, когда необходимо было мобилизовать все материальные и трудовые ресурсы, чтобы остановить и отбросить врага. Был ли данный циркуляр «черным письмом карательной машины» или вынужденной и оправданной мерой?

Как известно, экономические потери, понесенные СССР в первый год войны, были огромны. На территории, оккупированной к ноябрю 1941 г., до войны проживало 45% населения страны, добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 50% стали и 60% алюминия. В результате оккупации и эвакуации промышленности выбыло из строя 303 предприятия, изготовлявших боеприпасы. Ежемесячные потери от их остановки были колоссальными: 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн. корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, 7,9 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат, 7 800 т пороха, 3 000 т тротила и 16 100 т аммиачной селитры. В ноябре и декабре 1941 г. народное хозяйство СССР не получило ни одной тонны угля из Донецкого и Подмосковского бассейнов. К декабрю 1941 г. катастрофически сократилось производство черных и цветных металлов, шарикоподшипников – основы военной промышленности: проката черных

¹⁵⁷ Там же. – С. 16.

¹⁵⁸ Хван Л. Б. Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам...

металлов – в 3,1 раза, шарикоподшипников – в 21 раз, проката цветных металлов – в 430 раз¹⁵⁹.

Мобилизация в ряды Красной Армии резко уменьшила число рабочих и служащих. Их численность сократилась с 31,5 млн. к началу 1941 года до 18,5 млн. к концу года. С июля по ноябрь 1941 г. было эвакуировано на восток страны свыше 10 млн. человек, более 1360 крупных предприятий¹⁶⁰.

В этих тяжелейших условиях каждая пара рук была на вес золота. Люди работали на износ, порой по 13–14 часов в сутки. На предприятия возвращались пенсионеры, за станки вставляли подростки. В деревнях женщины впрягались вместо быков и лошадей, они стали основной рабочей силой в шахтах и на лесоповалах. Были отменены трудовые отпуска, увеличен рабочий день, введены сверхурочные обязательные работы. К выполнению сельскохозяйственных работ привлекались служащие, трудоспособное население, не работающее на предприятиях промышленности и транспорта, студенты, школьники 6–10 классов¹⁶¹. С осени 1942 г. к работе вынуждены были привлекать инвалидов 3-й группы, а также беременных женщин до 5 месяцев беременности.

Благодаря этим чрезвычайным мерам и титаническому труду всего народа «военная промышленность уже в первой половине 1942 г. не только восстановила потерянные мощности, но значительно перекрыла их»¹⁶². Перевод всей экономики огромной страны на военные рельсы был осуществлен в течение года, в то время как Германии на это потребовалось 7 лет. В кратчайшие сроки была решена задача, позволившая ликвидировать отставание топливно-энергетической и металлургической базы, обеспечить превосход-

¹⁵⁹ См.: Вознесенский Н. А. Избранные произведения, 1931–1947. – М., 1979. – С. 505–506; Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тошев В. А. Экономическая история СССР. – М., 1987. – С. 251–252.

¹⁶⁰ Петров Г. И. Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. – № 3. – 1975. – С. 18, 22; История КПСС. 6-е изд. – М., 1982. – С. 456.

¹⁶¹ Петров Г. И. Указ. соч. – С. 18–24.

¹⁶² Вознесенский Н. А. Указ. соч. – С. 506.

ство в вооружении, что в конечном счете обусловило коренной перелом на карте военных действий и стало залогом победы над фашизмом. Называть эти меры «карательными» и оправдывать «уклоняющихся», в то время как миллионы людей на фронтах и в тылу жертвовали всем, чтобы переломить ход войны – значит, либо не понимать, что происходило в эти годы, либо сознательно стоять *a priori* на позициях нигилизма относительно всего того, что имело место в 40-е годы.

Как и кем проводилась мобилизация корейцев в «трудоармию»? Мобилизация корейцев в трудовую армию, как и мобилизация в действующую армию, производилась военкоматами.

До недавнего времени не было ясно, на основе каких решений производилась мобилизация корейцев. В связи с этим высказывались самые различные мнения.

Так, с точки зрения Г. М. Кима, проведшего 3 года в «трудоармии» (в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР), таким документом явилось Постановление Государственного Комитета Обороны¹⁶³ СССР № 2409 от 14 октября 1942 г., согласно которому на *корейцев* распространялись Постановления ГКО СССР о порядке использования *немцев* призывного возраста от 17 до 50 лет¹⁶⁴.

Здесь имеет место ошибка. Дело в том, что в данном постановлении корейцы *не упоминаются*. Полное название Постановления № 2409сс – «О распространении постановлений ГОКО № 1123сс и № 1281сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран». Япония, объявившая корейцев после аннексии Кореи в 1910 г. японскими подданными, на время принятия постановления не находилась в состоянии войны с СССР, хотя и являлась союзником Германии. Отношения между Японией и СССР регулировались подписанным 13 апреля 1941 г. договором о нейтралитете, который был денонсирован советским правительством лишь 5 апреля 1945 г. Не случайно, что в тек-

¹⁶³ В дальнейшем ГКО.

¹⁶⁴ Ким Г. М. Корейцы-трудоармейцы в годы Великой Отечественной войны // Известия корееведения Казахстана. – 1999. – Вып. 6. – С. 42.

сте постановления указываются национальности *только* тех стран, кто официально был в состоянии войны с СССР. Читаем: «Распространить действие постановлений ГОКО ... о мобилизации в рабочие колонны НКВД немцев-мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет – на граждан других национальностей воюющих с СССР стран – румын, венгров, итальянцев, финнов»¹⁶⁵. В постановлении не указаны национальности других стран – сателлитов Германии, но не находившихся в состоянии войны с СССР: Болгарии, не объявившей войну СССР, хотя 1 марта 1941 г. она присоединилась к Берлинскому пакту; Турции, подтвердившей в марте 1941 г. свой нейтралитет относительно военных действий против СССР.

О том, что граждане национальностей воюющих и не воюющих с СССР стран четко различались с точки зрения проводимых по отношению к ним мероприятий, говорят и другие документы. Так, в Приказе наркома обороны СССР № 0974 от 21 декабря 1942 г. в пункте 9 специально оговаривается: «Призывников по национальности немцев, румын, венгров, итальянцев, финнов в армию не призывать, а использовать в соответствии с Постановлением ГОКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. (директива № М/5/4652 от 12 октября 1942 г.) и № 2409 от 14 октября 1942 г. (директива № М/5/4666 от 17 октября 1942 г.). Призывников по национальности болгар, китайцев, турок, корейцев, работающих в промышленности и на транспорте, оставить на месте, а остальных направить по нарядам Главупраформа для работы в промышленности и на строительство»¹⁶⁶.

С точки зрения Л. Б. Хван из Нукуса (Узбекистан), основным документом, связанным с мобилизацией корейцев в «трудармию» был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского на-

¹⁶⁵ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), ф. 644, оп. 1, д. 64, л. 24.

¹⁶⁶ Приказы НКО СССР за 1942 г. // <http://www.soldat.ru/doc/nko/text/1942-0974.html>

селения для работы на производстве и строительстве»¹⁶⁷. Действительно, по данному Указу на работы – в авиационной, танковой, металлургической, химической и топливной промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов – были мобилизованы большие слои населения, но не все¹⁶⁸. Во-первых, в нем речь идет о *городском* населении, в то время как абсолютное большинство корейцев проживало в сельской местности. Во-вторых, согласно Указу мобилизация должна осуществляться «для работы по месту жительства»¹⁶⁹. А ведь многие корейцы попали на объекты, расположенные не по месту жительства – как в Узбекистане, так и в Казахстане, не говоря уже о РСФСР и Украине. В-третьих, в развитие этого Указа, СНК СССР в тот же день издал постановление, согласно которому мобилизация населения производится *исполкомами областных и городских Советов* по решению СНК¹⁷⁰, в то время как мобилизация корейцев осуществлялась через *военкоматы*.

Поскольку корейцев в основном не брали в армию и они находились на особом учете, наряду с общими постановлениями по трудовой мобилизации, должны были быть директивы, непосредственно предписывающие, что с ними делать; чтобы военкоматы знали, кого отправлять на фронт, а кого – в строительные и рабочие колонны.

И такого рода постановления и распоряжения были.

Во-первых, еще осенью 1940 г. Главный военный совет при Народном Комиссариате Обороны¹⁷¹ в постановлении по призыву в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию предписал призвать, но не направлять в армию, а зачислять в ра-

¹⁶⁷ Надо отметить, что автор настоящей статьи ранее также придерживался данной точки зрения. – *Valeriy S. Khan. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // International Journal of Central Asian Studies. – Seoul, 2006. – Vol. 11. – p. 59.*

¹⁶⁸ Кроме данного Указа выходили и другие решения по мобилизации.

¹⁶⁹ Ведомости Верховного Совета СССР.– 1942. – № 6.

¹⁷⁰ *Петров Г. И.* Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 23.

¹⁷¹ В дальнейшем – НКО.

бочие батальоны призывников из лиц турецкой, японской, корейской, китайской и румынской национальностей¹⁷².

Во-вторых, если говорить о военном времени, то, судя по всему, документов, регулирующих трудовую мобилизацию корейцев, было *несколько*. Важнейший из них – Постановление ГОКО № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и промышленных предприятий». Отдельной строкой в данном Постановлении в пункте 1 записано: «В том числе мобилизовать всех корейцев призывного возраста»¹⁷³. Из мобилизованных должны были быть сформированы рабочие колонны, распределявшиеся по различным наркоматам. Мобилизация возлагалась на НКО через местные военкоматы¹⁷⁴. Постановление предусматривало при распределении мобилизованных «частичную замену ими ныне работающих на строительстве действующих предприятий лагерных контингентов НКВД»¹⁷⁵.

Другими мобилизационными документами являются Постановление ГОКО № 2640 от 20.12.1942 г. и соответствующий Приказ наркома обороны СССР № 0974 от 21.12.1942 г. о мобилизации во всех военных округах, в котором корейцы, за исключением работающих в промышленности и на транспорте, направлялись по нарядам Главупраформа для работы в промышленности и на строительство; Постановление ГКО СССР от 5.12.1942 г. «О мобилизации в Узбекской ССР 2,5 тыс. военнообязанных корейцев и направлении их на строительство Узбекского металлургического комбината» и другие.

Дислокация и численность корейцев-трудармейцев. Введенные на сегодняшний день в оборот архивные документы

¹⁷² Русский архив: Великая Отечественная. – Т. 13 (2-2). – М., 1997. – С. 394.

¹⁷³ РГАСПИ, фонд 644, опись 1, д.64, л. 37.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, л. 38.

не дают полной картины в этом вопросе, хотя и позволяют составить некоторое представление.

Первоначально, видимо, были планы об использовании мобилизованных корейцев только в республиках их проживания. Так, пункт 4 вышеуказанного Постановления ГКО №2414с от 14.10.1942 г. предписывал: «Корейцев всех использовать только в пределах Узбекской и Казахской ССР»¹⁷⁶. Однако известно, что корейцы работали и в РСФСР, и на Украине.

Если говорить о Казахстане, то в годы войны «из 37 544 карагандинских шахтеров различных национальностей добывал уголь 2 141 кореец, часть из которых была призвана в трудовую армию»¹⁷⁷ (по другим документам, на Карагандинских угольных коях в трудовых колоннах работали 2 622 корейца)¹⁷⁸.

Корейцы были задействованы и на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. Об этом свидетельствует распоряжение ГКО от 10 января 1943 г. об оставлении на строительстве железной дороги до 20 февраля 1943 г. 500 корейцев, подлежащих отправке в Подмосковский угольный бассейн¹⁷⁹.

В архивном сборнике «История корейцев Казахстана» приведены 3 именных списка бойцов строительной колонны № 547 стройуправления НКВД СССР, прибывших из Гурьева¹⁸⁰. В первом списке, по состоянию на 5.09.1944 г., было 10 корейцев; во втором, по состоянию на 18.10.1944 г. – 19 корейцев; в третьем, по состоянию на 5.01.1945 г. – 27 корей-

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ *Ким Г. Н. и Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 142; *Базанова Ф. Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (Национальный аспект). – Алма-Ата, 1987. – С. 93.

¹⁷⁸ *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004. – С. 314.

¹⁷⁹ Постановления ГКО за 1943 г. // <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html>

¹⁸⁰ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. – Том 3. – Алматы-Сеул, 2000. – С. 177–182.

цев¹⁸¹. Кроме того, приведены частичные списки корейцев, работавших в нефтяной промышленности¹⁸².

5 декабря 1942 г. вышло Постановление ГКО СССР «О мобилизации в Узбекской ССР 2,5 тыс. военнообязанных корейцев и направлении их на строительство Узбекского металлургического комбината»¹⁸³. А 11 февраля 1943 г. военком ташкентского облвоенкомата дает предписание районным военкоматам о мобилизации на строительство комбината негодных к службе, но годных к физическому труду; выписываемых из госпиталей военнослужащих; военнообязанных, эвакуированных из западных областей; и «не явившихся на медосвидетельствование по приказу НКО № 882 корейцев, в возрасте от 18–50 лет»¹⁸⁴. В октябре 1943 года секретарь ЦК КП (б) УзССР У. Юсупов дает распоряжение в ЦК КП (б) и СНК УзССР: «Прошу срочно дать указание Военкомату Республики и военному отделу ЦК о мобилизации корейцев призывного возраста, прежде всего квалифицированных плотников, каменщиков для металлостроения»¹⁸⁵.

Из этого же письма мы узнаем, что корейцы работали на строительстве театра на Беш-Агаче в Ташкенте.

Мобилизованные корейцы работали и на строительстве электромеханического завода в Чирчике. По состоянию на 5 октября 1942 г. сюда были направлены из «корейских» колхозов «Красный Восток», «Новая жизнь», «Восточный партизан», им. Буденного и им. Стаханова по 20 человек и из колхозов им. Димитрова и им. ОГПУ – по 15 человек¹⁸⁶.

Документы говорят об участии корейцев на строительстве Нижне-Бозсуйской ГЭС, в карьерах Джизака, на шахтах и строительстве цементного завода в Ангрене.

В России корейцы-трудоармейцы работали от Подмосковья до Коми АССР.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. – С. 186–187, 189–192.

¹⁸³ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 181, л. 164.

¹⁸⁴ ГАТО (Государственный архив Ташкентской области), ф. 652, оп. 1, д. 367, л. 3.

¹⁸⁵ Там же, д. 6, л. 56.

¹⁸⁶ Там же, ф. 652, оп. 1, д. 367, л. 132.

В марте 1943 г. 5135 корейцев были направлены в Подмосквовный угольный бассейн в Тульской области¹⁸⁷. На апрель 1945 г. в Тульской области насчитывалось 844 корейца, а во втором квартале 1945 г. – 1027¹⁸⁸. Данное увеличение численности корейцев связывается «с разрешением воссоединения разрозненных корейских семей, мобилизованных в рабочие колонны и батальоны, а также с прибытием демобилизованных корейцев-красноармейцев»¹⁸⁹. В 1945 г. руководство НКВД СССР приняло решение все образовавшиеся корейские семьи вернуть назад в Казахстан и Узбекистан.

В последние годы приводятся архивные данные по корейцам, очутившимся по мобилизации в исправительно-трудовых лагерях НКВД в Коми АССР. Согласно письму НКВД Коми АССР на имя наркома внутренних дел СССР Л. Берии «в республике имеются мобилизованных корейцев, немцев и болгар в лагерях – 13810 чел., а в шести исправительно-трудовых лагерях корейцев и болгар насчитывается 1564 чел.»¹⁹⁰. Н. Ф. Бугай дает также справку, что: «В информационных документах НКВД Союза ССР той поры ... указывалось, что на правах участников рабочих колонн и рабочих батальонов было занято 1500 граждан корейской национальности в Ухтинском лагере НКВД Союза ССР»¹⁹¹. Также указывается, что в 1945 г. 1500 корейцев срочно были переселены из Коми АССР в Казахстан и Среднюю Азию¹⁹².

Есть данные, что корейцы-трудоармейцы работали на Алтае (на лесоповале), на строительстве оборонительных сооружений под Сталинградом, оборонных объектов под Казанью, на шахтах Воркуты и Ленинградской области, в Пермской области, а также на Украине, на рытье окопов под

¹⁸⁷ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 314.

¹⁸⁸ Там же. – С. 316.

¹⁸⁹ Там же. – С. 315–316.

¹⁹⁰ Хроника политических репрессий в Коми крае. 1918–1960 гг. // <http://www.pokaianie-komi.ru/>; Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316; Он же. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. – Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 92.

¹⁹¹ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316.

¹⁹² Бугай Н. Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов ... – С. 92.

Харьковом и строительстве стратегической железнодорожной ветки.

Режим пребывания трудмобилизованных корейцев.

В этом вопросе сложилась противоречивая ситуация. Из одних воспоминаний трудармейцев следует вывод, что «трудармия» это работа под конвоем, в зонах, огороженных колючей проволокой¹⁹³, а по воспоминаниям других, этого не было¹⁹⁴.

Так, Л. Б. Хван определяет трудовую армию как «запроволочную жизнь», приводя фразы Кима Петра (*или* их авторскую версию): «Жизнь в зонах, бараках, огражденных и охраняемых с утра до вечера» и Ким Хак Сена: «Недалеко от нас в бараке жили женщины-немки. Они работали, как и мы, с утра до вечера под конвоем»¹⁹⁵.

Итак, была ли «трудармия» для мобилизованных корейцев зоной за колючей проволокой и работой под конвоем? И если да, то был ли подобный режим универсальным, или он был локальным? Чтобы ответить на данный вопрос, обратим внимание на следующих три обстоятельства.

Во-первых, корейцы работали как на «обычных» объектах, так и в исправительно-трудовых лагерях НКВД; как вместе с «обычными» гражданами, так и с заключенными и «спецконтингентом», что могло породить и разные условия их быта и труда.

Во-вторых, наряду с общими положениями о режиме пребывания в строительно-рабочих колоннах, существовали и конкретные предписания по поводу отдельных категорий трудармейцев. К первой группе документов можно отнести инструкцию НКВД СССР от 24.12.1942 г. и директивное письмо, направленное в ноябре 1943 г. наркомом внутренних дел республик, начальникам управлений НКВД СССР¹⁹⁶; Положение о строительных колоннах

¹⁹³ См.: *Ким Г. М.* Указ. соч. – С. 41; *Хван Л. Б.* Указ. соч. – С. 19–20.

¹⁹⁴ Полевые записи, Ташкент, 2004 (интервью с Ч. Угаем, С. И. Хегаем, А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом); *Чжен Ин-Су.* На лесоповале... – С. 29–30.

¹⁹⁵ *Хван Л. Б.* Указ. соч. – С. 19–20.

¹⁹⁶ *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»... – С. 315.

Наркомстрой¹⁹⁷ и др. аналогичные документы. Примером второй группы документов является «Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев»¹⁹⁸. В связи с этим необходимо изучить вопрос: были ли предписывающие документы относительно корейцев, или на них распространялись только общие положения?

В-третьих, в данной ситуации мы также сталкиваемся с проблемой соотношения нормативных предписаний и практики. С одной стороны, есть положения о пребывании в рабочих и строительных колоннах. А с другой стороны, существовала практика на местах, которая могла и не соответствовать нормативным предписаниям.

В 2004 г. мною были проведены интервью с 6-ю бывшими трудармейцами (Ч. Угаем, С. И. Хегаем, А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом), проживавшими в г. Ташкенте. Никто из 4-х трудармейцев, проработавших, как и информанты Л. Б. Хван, в Ухто-Ижемском лагере, не подтвердил факта «особого режима».

Угай Черсик, ученый-историк, сообщил, что по прибытии в г. Ухту, перед распределением по местам дислокации, корейцы действительно провели двое суток в лагере с заграждениями из колючей проволоки и с вышками с часовыми. Но данный лагерь был перевалочным пунктом. Затем всех распределили по участкам. Сам Ч. Угай попал на буровую, где было 2 жилых барака и служебное здание. Все трудармейцы и даже жившие рядом заключенные, были «вольнохожденцами», т. е. не охранялись. Так, они ходили в лес по грибы и ягоды, совершали «набеги» на соседние картофельные поля. И только уголовники-рецидивисты работали в сопровождении конвоя¹⁹⁹.

С. И. Хегай, проработавший на различных участках того же лагеря, также не подтверждает наличие каких-ли-

¹⁹⁷ ГАТО, ф. 657, оп. 1, д. 9, л. 9.

¹⁹⁸ Трудармейцы – депортация немцев Поволжья // <http://www.karlag.kz/art.php?id=76>

¹⁹⁹ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

бо ограждений и охраны: «Территория не охранялась, так как бежать было некуда – везде лес»²⁰⁰. В. Г. Пак, также попавший в Ухто-Ижемский лагерь, пишет, что на его участке проживало 200 человек: 20 заключенных, 50 немцев и 130 корейцев. «Руководили работами заключенные. И начальник участка, и прораб отработывали свой срок. Из охраны был только один сержант с погонями НКВД»²⁰¹.

Аналогичную информацию дают трудармейцы, очутившиеся в других регионах. Так, Чжен Ин-Су из Самаркандской области попал по мобилизации в деревню Новая Бровячиха Алтайского края, где корейцы работали с заключенными грузинами на лесозаготовке. Начальником бригад (двух грузинских и одной корейской) был некто Ульфамов, заключенный. Как вспоминает Чжен Ин-Су: «Никаких других начальников мы не знали. Был оперуполномоченный, но в лесу он никогда не появлялся, жил в деревне, куда с отчетом о работе ездил Ульфамов». Иначе говоря, и здесь корейцы работали без охраны. Не было и колючих заграждений, т. к. бригады жили и работали в лесу: «Жили мы в землянках, которые сами и рыли. С каждым днем мы все дальше уходили в лес. И когда от землянок удалялись на приличное расстояние, то рыли новые. Туда же перевозился и вагончик, в котором жил Ульфамов и где готовилась еда»²⁰².

Как известно, трудмобилизованные корейцы работали и в самом Узбекистане. Как утверждает Е. Н. Тянь, в Ангрене, где корейцы работали на шахте и строительстве цементного завода, они жили без охраны. Об этом говорит и тот факт, что они беспрепятственно сбегали в свои колхозы. Их находили и отправляли обратно в Ангрэн²⁰³. К. А. Ким был отправлен в Джизак, где корейцы работали с узбеками в ка-

²⁰⁰ В процессе написания данной статьи, 29.01.2008 я позвонил С. И. Хегаю, чтобы еще раз уточнить вопрос о военизированной охране и заграждениях на участках Ухто-Ижемского лагеря, где работали корейцы. Его ответ был категоричен: «Где мы работали, не было такого. Зачем придумывать? Чего не было, того не было».

²⁰¹ Пак В. Г. Узбекистан стал родиной // Чен Н. Дети своего народа... – С. 33.

²⁰² Чжен Ин-Су. На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа... – С. 29–30.

²⁰³ По словам Е. Тяня, руководители колхозов часто прикрывали самовольных возвращенцев, поскольку сами были заинтересованы в дополнительных рабочих руках.

рьере. Он также свидетельствует, что охраны и ограждений не было. И здесь корейцы без разрешения возвращались в свои колхозы, где их находили и отправляли назад на работы. О свободе их передвижения говорит и тот факт, что по ночам они совершали рейды к близлежащим селениям и отлавливали собак и ишаков, поскольку выдаваемого рациона им не хватало²⁰⁴.

Введенные в оборот архивные документы также говорят о том, что в местах, описываемых в данных документах, корейцы не работали в режиме особого контроля. Так, Н. Бугай приводит докладную записку замнаркома юстиции СССР Г. Пуговкина, в которой описывается порядок пребывания трудмобилизованных корейцев, немцев, финнов и др. в Тульском угольном бассейне: «При проверке работы судебных органов Тульской области по делам о нарушениях трудовой дисциплины в предприятиях Подмосковского угольного бассейна установлено, что *особый режим содержания для работающих в шахтах не соблюдался...*» (*курсив наш – В. Хан*)²⁰⁵.

Или, в приказе от 12.07.1943 г. по СУ № 2 ОСМЧ «Строитель» (г. Беговат, строительство металлургического завода), куда были мобилизованы корейцы, отмечается дезертирство, а также тот факт, что «начальники колонн, командиры отрядов, в обязанности которых входит постоянно бывать с трудармейцами, даже не знают, когда целые взводы у них внезапно исчезают»²⁰⁶. Конечно, в условиях колючей проволоки и охраны исчезновение целых взводов было бы невозможным.

Еще раз оговоримся, что условия пребывания корейцев в различных рабочих и строительных колоннах могли быть *разными*. Поэтому выработка более полных представлений о них нуждается в дальнейшей работе, как с документами, так и с информантами – бывшими трудармейцами.

²⁰⁴ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

²⁰⁵ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 315.

²⁰⁶ ГАТО, ф. 657, оп. 1, д. 13, л. 5.

Условия труда и быта. Большинство трудармейцев жило в бараках с нарами, землянках, кибитках или вагончиках. Питались они крайне скудно. Небольшим подспорьем был привезенный с собой рис, овес из конюшни (в обмен на деньги или вещи), грибы и ягоды летом, редкие посылки и денежные переводы из дома. Конечно, все это носило эпизодический характер. Поскольку нормы питания были крайне малыми, многие корейцы находились на грани истощения.

В методологическом отношении низкие нормы питания трудармейцев нельзя рассматривать как изолированное явление, вне контекста военно-ориентированной экономики, а также потерь 62%–63% валовой продукции сельского хозяйства в 1941–1942 гг. (по сравнению с 1940 г.)²⁰⁷, в результате чего были введены лимитированные нормы потребления продуктов питания. На нормированном снабжении в годы войны находилось 77 млн. человек²⁰⁸.

Из опубликованной литературы, а также воспоминаний трудармейцев можно вывести, что они работали на строительстве заводов различного профиля, ГЭС, автомобильных и железных дорог, оборонительных сооружений и объектов культурного назначения; на рубке и сплаве леса, заготовке корма скоту, в каменоломнях и шахтах, на нефтяных буровых, на заготовке древесного угля и т. д.

Работали трудармейцы по 11–12 часов в сутки. Рядом с трудармейцами работали не только заключенные и «спецконтингент», но и местные жители. Так, Чжен Ин-су, работавший на лесоповале в Алтайском крае, пишет: «Валили лес в основном местные жители, большинство из которых были женщины. Среди них были и подростки»²⁰⁹.

По воспоминаниям бывших трудармейцев Ухто-Ижемского лагеря Коми АССР, многие из них из-за постоянного голодания и тяжелой работы находились на грани выживания. Известны жалобы на имя начальника лагеря, генерал-лейтенанта С. Бурдакова, на тяжелые условия. По до-

²⁰⁷ БСЭ. Т. 4. – М., 1971. – С. 402.

²⁰⁸ Там же. – С. 258.

²⁰⁹ Чжен Ин-су. На лесоповале... – С. 30.

кументам архивов Коми, в январе 1944 г. корейцы устроили забастовку. В течение двух дней до 200 человек не выходили на работу из-за ненормальных жилищно-бытовых условий. После ареста 7 руководителей забастовки работа была возобновлена²¹⁰.

3.2.3. Корейские колхозы в годы войны

Во время войны в корейских колхозах, как и в других, резко увеличились посевные площади и плановые задания. Так, с 1941 по 1945 гг. корейским колхозам «Авангард», «Большевик», «Гигант» (Казахстан) более чем в 3,5 раза увеличили посевные площади, «3-й Интернационал» (Казахстан), «Северный маяк» и «Политотдел» (Узбекистан) – более чем в 4 раза, а колхозу «Полярная звезда» и «имени Ленина» (Узбекистан) – более чем в 5 раз. За 4 года войны колхоз «Полярная звезда» поднял 1080 га целины²¹¹.

Благодаря самоотверженному труду колхозников были значительно увеличены прежние показатели по валовому сбору и урожайности. Если в 1941–1943 гг. колхоз «Полярная звезда» с каждого гектара сдавал в среднем по 23,6 центнера хлопка, то в 1944–1946 гг. – 39,4 центнера²¹².

На всю страну прославился рисовод из колхоза «Авангард» Кзыл-Ординской области Ким Ман Сам, который в 1942 г. достиг мирового рекорда урожайности риса – свыше 150 центнеров с гектара. Такого урожая в последующие годы никто больше не получал. За внедрение передовых методов агротехники, обеспечивающих высокую урожайность риса, ему в 1946 г. была присуждена Государственная премия СССР, а в 1948 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда – высшая награда в СССР за трудовые достижения.

В Каратальском районе Казахстана из 3 861 награжденных в 1946–1947 гг. медалью «За доблестный труд в

²¹⁰ КРГАОПДФ (Коми республиканский архив общественно-политических движений и формирований), ф. 1, оп. 3, д. 1079, л. 118.

²¹¹ *Ким Сын Ха.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

²¹² Экономика передового колхоза «Полярная звезда» – Ташкент, 1954. – С. 44.

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было свыше 1000 корейцев²¹³.

Вклад корейцев в дело победы проявлялся многообразно. Организация массовых воскресников, взносы в фонд обороны страны, сбор средств на постройку самолетов, танков и бронепоездов, подарки для фронтовиков, помощь семьям советских воинов и многое другое – все это свидетельствует о патриотизме корейцев и их горячем желании внести свой вклад в защиту Родины.

Так, только 4 корейских колхоза Кзыл-Ординской области Казахстана («Большевик», «Гигант», «Кантонская коммуна» и «Авангард») в течение двух-трех дней после обсуждения призыва москвичей и ленинградцев о помощи фронту внесли более 350 000 рублей деньгами и на 105 000 рублей облигаций и сдали в фонд обороны 6000 пудов риса и 18 000 штук различных вещей. Председатель колхоза «Дальний Восток» Каратальского района Казахстана Шин Хен Мун внес в фонд обороны 120 000 рублей.

В 1943 г. пять корейских колхозов Узбекистана – «Полярная звезда», им. Ленина, «Правда», им. Свердлова и «Северный маяк» – внесли в фонд Советской Армии 6 миллионов рублей и отправили в подарок Советской Армии 695 посылок. Председатель колхоза «Северный маяк» Чирчикского района Ташкентской области С. Г. Цой вместе со своей семьей внес на строительство самолета 1 миллион рублей²¹⁴.

Период войны – особое время в истории нашей страны. Весь народ от мала до велика поднялся на борьбу с захватчиком. Каждый считал своим долгом внести свой вклад в дело победы. И эта победа добывалась не только на фронтах войны, она ковалась и в тылу, в шахтах, в научных лабораториях, на заводах и колхозных полях. Это время отмечено особым массовым трудовым героизмом. Достаточно ска-

²¹³ Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. – Ответственные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 31.

²¹⁴ Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965. – С. 235–236.

зять, что с 1942 по 1945 г. производительность труда в стране выросла в среднем более чем на 40%. Трудились не покладая рук, до изнеможения, практически все, в том числе и корейцы. Такой моральный подъем и такой трудовой героизм сохранился и в послевоенное время, когда нужно было страну возрождать из пепла.

В трудные для Родины годы корейцы сумели забыть и подавить в себе чувство унижения и обиды. Это очень важно для понимания самоотверженного труда корейцев. Подобное стало возможным потому, что в своей массе корейцы связывали случившееся с ними с недоразумением, ошибкой, а порой даже пытались оправдать целесообразность жестких мер, так как находились в плену сталинских домыслов о притаившихся повсюду врагах социализма. Они по-прежнему верили в незапятнанность Сталина и в то, что живут в самой справедливой стране.

Кроме того, для корейцев, лишенных возможности воевать на фронте, их труд на земле был единственной возможностью реализовать себя и добиться общественного признания. И они полностью отдавали себя этому труду.

§3. Корейские хозяйства в послевоенный период

Вторая мировая война. СССР одержал победу в ней, но был вынужден заплатить за это слишком дорогую цену – более чем 20 миллионов жизней. Такое количество погибших привело к резкому уменьшению трудовых ресурсов в промышленности и сельском хозяйстве. По статистическим данным 1951 года, производство пшеницы составляло всего лишь 82%, семян подсолнуха – 65%, картофеля – 77%, овощей – 69% по сравнению с довоенным 1940 годом²¹⁵. В этой ситуации правительство для пополнения скудных финансов пошло на такие меры, как увеличение налога на сельскохозяйственную деятельность, уменьшение дотаций и отмена

²¹⁵ СССР и холодная война / под ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. – М., 1995. – С. 158.

льгот. Так, в 1952 году налоги по сравнению с предыдущим годом увеличились в 1,5 или 2 раза, а предоставлявшиеся учителям, врачам, сельскохозяйственным и горным специалистам льготы исчезли совсем²¹⁶.

Эти непопулярные в народе меры не привели к прорыву в сельском хозяйстве, а, наоборот, стали усугублять и так непростое положение в отрасли. Необходимость реформ в сельском хозяйстве становилась все более очевидной. Реорганизация в этой сфере означала изменения в советской системе сельского хозяйства, являвшейся результатом коллективизации прежних лет. Проводимая с конца 1928 года коллективизация возникла из логики возможности социалистического крупномасштабного планового управления в сфере сельского хозяйства, так же как и в промышленности. В результате к середине 30-х годов российские деревенские хозяйства (сельская община) были реорганизованы в колхозы и совхозы.

В процессе коллективизации сельского хозяйства была установлена модель в форме машинного производства на селе, а также централизованного планирования и управления с целью увеличения производительности аграрного сектора. Таким образом, внутри колхозов были резко сокращены мелкие и частные подсобные хозяйства. Типичным явлением 1930-х годов были машинно-тракторные станции (МТС). МТС занимались не только предоставлением требуемых колхозами близлежащих районов сельскохозяйственной техники, оборудования и специалистов, но также отчасти организационным управлением производственной деятельности колхозов и функцией контроля над общей работой. В этом процессе политотделы МТС также исполняли роль борьбы с факторами, вредившими коллективизации, тем самым допуская подмену изначальной функции МТС, для которой они были основаны. Послевоенный курс советского правительства на восстановление и развитие села, пережившего трагедию мировой войны, в основном заклю-

²¹⁶ Там же. – С. 156.

чался в слиянии (укрупнении) колхозов или трансформации их в совхозы. Укрупнение колхозов было направлено на улучшение финансового состояния сельских производителей, увеличение посевных площадей, укрепление материально-технической базы и увеличение находящегося в общей собственности поголовья рогатого скота²¹⁷.

Укрупнение колхозов привело к росту многонациональных сельскохозяйственных коллективов в Средней Азии. Данный результат, с одной стороны, ставил своей целью претворение национальной политики по сплочению многонационального и поликультурного общества (переселенцев и коренных жителей), а с другой стороны, тем самым была достигнута специализация производственной деятельности между различными этническими группами. Большая часть местных колхозов не смогли избежать убыточного управления, и было много случаев, когда благодаря слиянию с корейскими колхозами большую часть их долга брали на себя корейцы.

Даже в условиях реорганизации сельского хозяйства коллективизация продолжалась в некоторых колхозах, например, в Кызыл-Ординской и Талды-Курганской областях Казахской ССР, вплоть до середины 60-х годов. Необходимо отметить, что в этих областях процентное количество проживавших в колхозах корейцев было довольно значительным, что привело в районах их проживания к расширению ирригационного сельского хозяйства по сравнению с другими традиционными видами деятельности.

Для увеличения производительности колхозы активно приступили к расширению сельскохозяйственных земель посредством освоения степей. В северной и центральной части Казахстана были освоены целинные земли, и на протяжении нескольких лет подряд здесь культивировалась сахарная свекла, обладавшая высоким свойством уничтожения сорняков, а в южной части, на землях с большим содержанием соли из-за пустынного климата, был посажен высо-

²¹⁷ Туптебаев Б. А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. – М., 1984.

коурожайный рис, эффективно удалявший соль из почвы²¹⁸. Естественно, что корейские посевы риса сыграли огромную роль в освоении пустынных земель южного и юго-восточного Казахстана, ранее ненужных по причине их солёности.

Освоенные под рисоводство земли Казахстана были в основном сконцентрированы в Кызыл-Ординской, Алма-Атинской, Чимкентской, Талды-Курганской областях. В частности, кзыл-ординский рис составлял 75% от общего урожая риса во всем Казахстане.

В Узбекистане культивация риса осуществлялась в южном Приарале и по берегу реки Сырдарья. Каракалпакская АССР и Хорезмская область также были рисоводческими ареалами. Можно видеть, что все они сконцентрированы в пустынной зоне. Как и в случае с Казахстаном, корейцы сыграли большую роль в освоении этих, ранее непригодных земель.

Надо отметить, что рис был не единственным занятием корейских переселенцев, где они достигли высоких показателей. В 50-х и последующих годах они добились значительных успехов и в производстве таких экономически выгодных культур, как хлопок, сахарная свекла, лук, арбуз, кукуруза. Проявившие выдающиеся качества в производстве сельскохозяйственной продукции корейцы получали звания Героев Социалистического Труда, различные ордена и медали. Их успехи стали движущей силой повышения производительности труда практически во всех отраслях сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана. Подвергнутые под вывеской государственных интересов таким испытаниям, как насильственная депортация, борьба за выживание в новых условиях, ограничения на передвижение, лишение основных гражданских прав, корейцы сумели не только выстоять, но и завоевать достойное место среди других народов СССР. Несмотря на все трудности, корейцы состоялись, прежде всего, за счет трудолюбия и результатов своей деятельности в различных сферах народного хозяйства. Эти достижения

²¹⁸ 고송무, 『쏘련의 한인들』, 서울, 1990. P. 83 (Ko Song Mu. Советские корейцы. – Сеул, 1990).

являются заслугой корейской диаспоры Центральной Азии и справедливо высоко оценены.

Корейцы, будучи депортированным, непривилегированным этническим меньшинством, имевшим ограничения на передвижения (они могли жить только в сельских регионах Средней Азии; практически невозможно было покинуть колхоз), психологически должны были находиться в напряжении, ситуации мощного стресса. Проявленные корейцами способности и их экономические достижения в 40-е годы, в период «хрущевской оттепели» и реформы сельского хозяйства, были достигнуты, прежде всего, благодаря таким качествам, как трудолюбие и честность. Экономические успехи корейских колхозов повысили авторитет корейской диаспоры в многонациональном обществе. Достижение высокой урожайности, выращивание хлопка на рисоводческих землях с удаленной соленостью, поставка кормов на пастбища при выращивании кукурузы имели распространяющийся эффект увеличения производительности и видов хозяйственной деятельности для других народов. Сельскохозяйственный труд корейских бригад («кобонди») показал возможности арендного сельского хозяйства в социалистическом обществе и повысил возможности и шансы трансформации системы постсоветского общества после перестройки.

Возможно, являвшаяся насилием со стороны государства депортация корейцев пробудила в загнанных в колхоз корейских переселенцах потенциал к выживанию и стала основой для экономических достижений, уважения и высокого социального статуса. Тем самым советские корейцы (коре сарам) дают ценный исторический урок достижения не «дарованного», а «добытого» своим трудом освобождения от предопределенного сталинской депортацией недоверия к депортированным спецпереселенцам.

§ 4. Коре сарам как новая субэтническая общность

3.4.1. Общая характеристика

В конце 30-х годов корейские национальные школы были реорганизованы в школы общесоветского типа с преподаванием на русском языке; на русский язык перешел и корейский педагогический институт в Кзыл-Орде. После смерти Сталина в 1953 г. негласно снимаются ограничения на передвижение корейцев; корейцы устремляются в города, поступают в средние специальные и высшие учебные заведения, учатся и работают в интернациональных коллективах. Конечно, в условиях иноэтнического окружения и отсутствия контактов с исторической родиной неизбежно происходит трансформация или утеря многих компонентов культуры, которые сохраняются в гомогенном корейском окружении. Этнокультурная идентичность корейцев становится все более смешанной, включающая в себя компоненты традиционно корейской, русской, европейской и центрально-азиатской культур. Кроме того, она подвергается все большей советизации. Облик *советских корейцев* как *новой субэтнической общности* становится все более определенным.

Конечно, некоторые черты новой субэтнической общности стали формироваться еще в царской России. Это касается частичного овладения русским языком, принятия частью корейского населения православия и русских имен, изменения профессиональных занятий, материальной культуры (одежды, типа жилища, отчасти кухни), опыта проживания в иноэтнической среде. Однако большинство корейцев еще проживает компактно, тем самым сохраняя основные компоненты традиционной идентичности. Кроме того, вплоть до установления Советской власти (и даже включая 20-е годы) идет постоянная миграция корейцев из Корейского полуострова на российский Дальний Восток. Если в 1864 г. в России насчитывалось 140 корейцев, то в 1866 г. – 999,

в 1879 г. – 6 766, в 1895 г. – 18 400, в 1911 г. – 62 529, в 1915 г. – 72 600, в 1917 г. – 84 678²¹⁹. Иначе говоря, несмотря на определенный культурный адаптационный процесс корейцев-старожилов, большую часть корейского сообщества на Дальнем Востоке составляли люди, прибывшие после 1900 г., особенно после оккупации Кореи Японией (1910 г.), и являющиеся носителями традиционной корейской идентичности и традиционного корейского образа жизни. Таким образом, в отношении новой субэтнической идентичности (например, российских корейцев) можно говорить лишь о *некоторых* ее чертах, причем в терминах *начальных этапов становления*.

Этот процесс становления не был завершен в рамках *царской* России, поскольку с 1917 г. он уже протекал в условиях *советской* России и, конечно же, обрел новые черты. Принадлежность к православию перестала быть адаптационной необходимостью; мало того, религиозность уже не приветствовалась новой властью. Стремительно растет и меняется политическое сознание, новое содержание и широту охвата получают образовательные программы, меняется возрастной ценз вступления в брак, меняются поведенческие модели и ценностные ориентации и т. д. и т. п.

В царской России корейцы использовали в качестве этнонима «корё сарам» (человек страны Корё) и «чосон сарам» (человек страны Чосон)²²⁰.

С образованием СССР, наряду с этими этнонимами, все чаще начинает употребляться понятие «советские корейцы». Однако само по себе рождение нового государства, являющееся политико-юридическим актом, еще не означает смену этнокультурной идентичности. Иначе говоря, понятие «советские корейцы» в первые годы Советского государства для абсолютного большинства корейцев означало только одно – юридическую принадлежность к данному государству и политическую лояльность к целям данного государ-

²¹⁹ Рассчитано по: Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. – Москва, 1993; Ким Г. Н. История иммиграции корейцев. – Алматы, 1999.

²²⁰ Корё, Чосон – названия корейских государств, сарам – человек.

ства. И должны были пройти годы, прежде чем данное понятие стало отражать новую субэтническую общность – новый тип корейцев. Дело в том, что корейцы первого поколения, мигрировавшие на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой четверти XX в. г. и составлявшие львиную долю корейцев в 1917 г., были *непосредственными* выходцами из Кореи и являлись носителями традиционной корейской культуры.

По *объему* и *содержанию* понятия «коре сарам» и «советские корейцы» пересекаются. По объему, умершие до 1917 г. коре сарам не входят в объем понятия «советские корейцы», в то время как сахалинские корейцы (прежде всего, первое поколение) и бывшие граждане КНДР не входят в объем понятия «коре сарам»²²¹. То же самое можно сказать и о содержании данных понятий²²².

С 1937 г. начинается новый этап в трансформации идентичности коре сарам. Именно с депортацией связано окончательное становление коре сарам как советских корейцев. Важнейшими факторами этого процесса стали:

- полная реорганизация национальных школ и корейского пединститута в учреждения общесоветского типа с русским языком обучения, включенность в систему советско-европейского образования;

²²¹ Во второй половине 40-х – 50-е гг. в группу «советские корейцы» вошли: а) корейцы, вывезенные японцами из южных провинций Кореи в 1939–1945 гг. для принудительных работ на Южном Сахалине, и оставшиеся по окончании войны на острове, ставшим полностью советским (принявшие советское гражданство); и б) бывшие граждане КНДР, также оставшиеся в СССР. Однако, как и в случае с «коре сарам», на протяжении ряда лет слово «советские» применительно к новым группам корейцев означало только советское гражданство или проживание на территории Советского Союза (часть корейцев из обеих групп имела статус «лиц без гражданства»).

²²² В силу этого, нам представляется неверным утверждение казахстанского историка Г. Н. Кима, что «семантика «коре сарам» уже, чем у понятия «советские корейцы»». – *Ким Г. Н.* Вечные странники или перманентная мобильность коре сарам (постсоветских корейцев) // *История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.* – Бишкек, 2003. – С. 36.

Если следовать данной позиции, то тогда *коре сарам* – это какая-то группа внутри советских корейцев. В таком случае в этом этнониме следует отказать корейцам царской России и корейцам СНГ, поскольку они не входят в общность советских корейцев, что противоречит работам самого Г. Н. Кима, в которых досоветские и постсоветские корейцы именуются *коре сарам*.

- резко возросший уровень образования (почти поголовное среднее и неполное среднее образование, появление прослойки с высшим и средним специальным образованием);
- полная включенность в советское информационное пространство;
- появление нового поколения, родившегося или сформировавшегося уже в советской системе, для которого русский язык стал родным, а советские ценности - доминирующими над традиционными корейскими ценностями;
- сильная мотивация к интегрированности в советское общество;
- урбанизация;
- постепенное дисперсное расселение по всему СССР и новый опыт иноэтнического окружения;
- трансформация образа жизни и быта;
- естественная убыль первого поколения.

В результате этих процессов и формируется новое поколение корё сарам – советские корейцы, обладающее качественно новыми социокультурными чертами. В понятии «советские корейцы» отражены:

- их *диаспоральная* характеристика;
- их *постоянная локализация* на территории СССР, а в большинстве случаев и советское *гражданство*;
- *синтез корейской и советской культур*, как и *советское мировоззрение* в целом, поскольку «советское» относится не только к названию государства, но и к таким феноменам, как «советская культура» и «советская идеология».

Для становления коре сарам в качестве новой субэтнической общности были характерны следующие особенности:

- существенная трансформация традиционного культурного генетического фонда (исходных этнических характеристик);

- протекание этого процесса в полиэтническом и ином конфессиональном окружении;
- адаптация к культурам, существенно отличных от традиционной корейской культуры, и выход за рамки мононационального (восточного) сознания;
- высокий уровень ассимиляции;
- динамизм и интенсивность этих процессов;
- высокий уровень достижений в различных областях жизни или феномен “model minority”²²³.

Данные особенности характерны и для корейских диаспор Северной Америки и Западной Европы. Что касается Китая и Японии, где также имеются большие корейские диаспоры, то корейская культура родственна китайской и японской. Кроме того, исторически сложные отношения между этими странами (дух соперничества, длительная аннексия территорий и т.д.) оставили отпечаток на особенностях данных корейских диаспор и их взаимоотношениях с местным населением в этих странах.

Конечно, в местах компактного проживания корейцев, например, в «корейских» колхозах Узбекистана и Казахстана, формы и темпы ассимиляции, сохранение традиционных обычаев, появление инноваций, трансформация этнического сознания и моделей поведения отличались от того, как эти процессы протекали в городах, где корейцы расселялись дисперсно. В урбанизированной среде трансформационные процессы происходили более динамично, глубже и шире.

Коре сарам, прожившие в изоляции от Кореи в течение жизни 4–6 поколений, в большей степени, чем корейские диаспоры других стран, отличны от корейцев полуострова по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям, традициям. Однако в Западной Европе и Северной Америке уже на уровне 1,5 и 2-го поколения

²²³ Khan V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 3. – Seoul: IACD, 1998. – P. 66–77.

корейских иммигрантов сегодня наблюдаются те же процессы, через которые коре сарам прошли намного раньше²²⁴.

Степень различия между корейцами из Кореи и диаспорными корейцами на территории бывшего СССР столь велика, что стала основанием для выделения *нового субэтнического образования* – «корё сарам» или «советских корейцев», «корейцев СНГ», «постсоветских корейцев»²²⁵ (как и других субэтнических общностей – корейцев Китая, Японии, США и т. д.).

В связи с выше обозначенными процессами, в Корею нередко выражается обеспокоенность тем, что этнокультурная идентичность зарубежных корейцев, в том числе и коре сарам, испытывает «серьёзный кризис». Часто корейцы СНГ слышат упреки в том, что у них недостаточно «корейского», что у них язык не тот, обычаи и манеры поведения не те.

Особенности культуры корейских диаспор – это исторически сформированная реальность, и её надо воспринимать и уважать такой, какая она есть. К тому же, с точки зрения общемировых тенденций развития культуры, равно как и с точки зрения диаспорных корейцев, выход за рамки моноэтнического и монокультурного сознания – не недостаток, а достоинство, открывающее иные горизонты сознания и видения мира и дающее возможность не только строить отношения с «иным» (иной культурой), но и включать «иное» как собственный органичный элемент, тем самым делая сознание открытым, обращенным вовне. Именно на взаимодействии и взаимопроникновении культур зиждется одна из ведущих тенденций современного мира. Трансформация

²²⁴ Подытоживая описание ситуаций, порой драматических, среди американских корейцев различных поколений, У. Паттерсон заключает: «В конфликте между соблюдением корейских ценностей или принятием американских ценностей первое поколение в целом не добилось успеха в том, чтобы их дети – второе поколение – следовали корейским ценностям». Цит. по: To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903–1945. – Paper for presentation. “Korean Identity in the New Millennium”. June 27–29. 2000. – Pundang, Academy of Korean Studies. – Panel 6. – P. 29.

²²⁵ Данные понятия взаимосвязаны, но не эквивалентны, но в субэтническом аспекте (аспекте различения от корейцев Севера, Юга и других корейских диаспор) это несущественно.

традиционной этнической культуры и сознания – объективный процесс. Всякая этническая культура не стоит на одном месте. Она развивается, испытывает влияние других культур, особенно в условиях их интенсивного взаимодействия, порождаемого индустриализмом, мультикультуризмом, информационной революцией и глобализацией²²⁶. Все эти факторы, в том или ином объеме, в той или иной форме, присутствовали в СССР.

Действительно, корейцы СНГ утратили многое из культуры предков. Но они создали свою, неповторимую *культуру евразийских корейцев*, которой могут по праву гордиться.

3.4.2. Демографическая и миграционная характеристика

Корейцев с полным правом можно отнести к этническим группам с высоким уровнем миграционной мобильности. Это проявлялось как в царской России, так и в последующие периоды. Даже в первые годы после депортации, несмотря на запреты административных органов, корейцы самовольно переселялись из безводных ареалов Казахстана в Узбекистан и Киргизию – на орошаемые, пригодные для рисоводства и растениеводства, земли.

После смерти Сталина десятки тысяч корейцев стали возвращаться на Дальний Восток. Параллельно идет расселение корейцев по всему СССР. Наблюдается рост поступления корейской молодежи в российские вузы.

Наряду с межреспубликанской миграцией происходит и интенсивная внутриреспубликанская миграция коре сарам: из одних колхозов в другие, а также в города.

²²⁶ В самой Южной Корее процесс американского влияния зашел настолько глубоко, что вопрос о наличии у южнокорейцев, особенно молодежи, «традиционной корейской идентичности» является также не однозначным. Исключение составляет изоляционизм, который был характерен для Кореи до XIX века и сегодня – для Северной Кореи. В этой связи наибольшее количество элементов «традиционной идентичности» либо их новых версий, вероятно, сохранено в КНДР, чьи внешние культурные контакты сведены к минимуму. Хотя, если южнокорейская культура испытала влияние вестернизации, северокорейская культура находится под влиянием новой идеологии – чучхе.

Одним из факторов миграции корейцев из корейских колхозов стала советская политика в области сельского хозяйства, направленная на укрупнение (объединение) колхозов. Если в 1940 г. в СССР было 235,5 тысячи колхозов (без учета рыболовецких), то в 1950 г. их стало 121,4 тысячи, в 1960 – 44 тысячи, а в 1971 – 32,3 тысячи²²⁷. Объединение колхозов происходило, как правило, по принципу: богатые, благополучные колхозы объединяли с менее благополучными. Корейские колхозы, считавшиеся благополучными, объединяли с местными, более бедными колхозами.

Корейские колхозы, бывшие в этническом отношении гомогенными, стали многонациональными по своему составу. Мало того, в ряде колхозов корейское население из большинства превратилось в меньшинство. Ощущение собственного «корейского» дома стало размываться. По мере того, как корейские колхозы стали превращаться в *полукорейские*, а затем и в *некорейские* колхозы, они переставали быть для корейцев той «малой родиной», которая удерживает человека. Корейцы начинают покидать эти колхозы. Изменение этнического состава корейских колхозов сделало более слабой связь между корейцами и этими колхозами, что, в свою очередь, стало фактором миграции корейцев, в том числе и в поисках заработков за пределами этих колхозов.

По мере того, как корейцы все больше осваивают помимо сельского хозяйства другие трудовые ниши – в промышленности, науке, образовании, культуре и в других областях, они все более оседают в городах. Причем рост корейского городского населения значительно превышает рост горожан из коренных жителей центрально-азиатских республик. Так, если взять корейское городское население Узбекистана, то в 60-х годах оно составило уже большинство, а в 1989 г. – 79,8% корейского населения республики против 15,4% в 1939 г. Для сравнения: в общей численности населения Узбекистана доля городских жителей за эти годы вы-

²²⁷ Колхозы. – Большая Советская Энциклопедия. – Т. 12. – М., 1973. – С. 475.

росла с 23,1% до 40,7%²²⁸. Со временем корейцы постепенно концентрируются в столицах республик.

Имели место и факты внешней миграции – в КНДР. Эта миграция делится на два типа. Первый тип связан с тем, что после того как большинство советских корейцев, направленных в КНДР в разные годы, в 1958–1961 гг. покинуло страну, незначительная часть осталась в Северной Корее²²⁹. Второй тип – это принудительное выдворение в КНДР сахалинских корейцев, добивавшихся разрешения выехать на постоянное место жительства в Японию или Южную Корею (известны 2 случая, коснувшихся 5 семей численностью в 40 человек)²³⁰.

С распадом СССР наблюдается значительная миграция корейцев из стран Центральной Азии в Россию. Имеют место факты миграции корейцев в Южную Корею (женщины, вышедшие замуж за южнокорейцев; репатриация сахалинских корейцев), США, Канаду и Западную Европу.

Демографическая динамика по материалам переписей населения в советский период выглядит следующим образом.

Таблица 7.

Численность корейцев в СССР и союзных республиках, чел.
(по данным переписей населения)²³¹

	1939	1959	1970	1979	1989
СССР	182 339	313 735	357 507	388 926	438 650
Азербайджанская ССР	14	90	139	130	94
Армянская ССР	4	34	45	30	29
Белорусская ССР	15	115	277	478	638
Грузинская ССР	11	115	231	129	242

²²⁸ *Ким Мен Гир.* Демографические особенности корейского населения Узбекистана // Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 1999. – Приложение 1. – С. 139.

²²⁹ *Ланьков А. Н.* КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М., 2005. – С. 199.

²³⁰ *Кузин А. Т.* Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 253–256.

²³¹ *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 годы. – Часть 2. – Алматы, 2006. – С. 243.

Таблица 7 (продолжение)

	1939	1959	1970	1979	1989
Казахская ССР	96 453	74 019	78 078	91 984	103 315
Киргизская ССР	508	3,622	9,404	14,481	18,355
Латвийская ССР	–	49	166	183	248
Литовская ССР	–	29	75	140	119
Молдавская ССР	–	99	106	212	269
РСФСР	11 462	91 445	101 369	97 649	107 051
Таджикская ССР	43	2 365	8 490	11 179	13 431
Туркменская ССР	40	1 919	3 493	3 105	2 848
Узбекская ССР	72 944	138 453	151 058	163 062	183 140
Украинская ССР	845	1 341	4 480	6 061	8 669
Эстонская ССР	–	40	96	103	202

Общая численность корейцев СНГ сегодня, с учетом роста населения с момента проведения последних переписей и иных статистических данных, составляет около 500 000 человек.

По данным переписи 2002 г., в Российской Федерации проживали 148 556 корейцев²³². По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России зафиксировано 153 156 корейцев²³³.

Если в России количество корейцев увеличивается, то в Центральной Азии оно уменьшается. Например, в Казахстане с 1989 по 1999 годы число корейцев не только не увеличилось, но и снизилось, с 100 739 человек до 99 662²³⁴. По данным переписи 2009 г., количество корейцев в Казахстане составило 100,4 тыс. человек.

²³² <http://www.perepis2002.ru/> В графе «корейцы» учитывались как собственно коре сарам, так и чосон сарам – северокорейцы и хангук сарам – южнокорейцы.

²³³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

²³⁴ Пак А. Д. Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002.

В Узбекистане, по состоянию на 1 января 2001 г., проживали 172 384 корейца²³⁵. В последующие годы численность корейцев продолжает уменьшаться. По данным Государственного комитета Узбекистана по статистике, в 2002 году она составила 169,6 тыс. человек, в 2003 г. – 166,1 тыс., в 2004 г. – 161,7 тыс., в 2005 г. – 157,3 тыс., в 2006 г. – 153,0 тыс., в 2007 г. – 150,1 тыс., в 2008 г. – 147,7 тысячи²³⁶.

По данным переписи 1999 г., в Кыргызстане проживали 19 764 корейца²³⁷. В 2009 г. их число составило 17,3 тыс. человек, а в 2013 г. – 16,8 тыс.²³⁸ В Таджикистане в 2000 г. в республике проживали 1 696 корейцев, а в 2010 г. – всего лишь 634²³⁹. В Туркменистане по переписи 1995 проживали 3 159 корейцев²⁴⁰, хотя можно встретить информацию, что на самом деле речь должна идти о сотнях²⁴¹.

Корейцы также проживают на Украине – 12 711 человек (по данным Всеукраинской переписи 2001 г.)²⁴², около 1200 корейцев проживают в Беларуси (по данным «Ассоциации белорусских корейцев»²⁴³, небольшие корейские общины имеются в Прибалтике и на Кавказе. Как и в советский период, наибольшая часть корейцев проживает в Центральной Азии и России.

²³⁵ Данные Управления статистики Ташкентской области Государственного департамента статистики при Министерстве макроэкономики и статистики Республики Узбекистан от 27.03.2002 за № 74-16-7. – Цит. по: *Ким В. Д.* Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 46–47.

²³⁶ По запросу М. Козьминой.

²³⁷ <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/population/sostav/>; Ли Г. Н. Вклад корейской диаспоры в развитие Кыргызской Республики в постсоветское время // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 49.

²³⁸ http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=101

²³⁹ Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. – Том 3. – Душанбе, 2012. – С. 7.

²⁴⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Туркмении

²⁴¹ [http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan\(rus\).doc](http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan(rus).doc)

²⁴² http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/select_51/?botton=cens_db&box=5.1W&k_t=00&p=50&rз=1_1&rз_b=2_1%20&n_page=3

²⁴³ http://belarus21.by/gazeta/article_browse.php?id=3357

3.4.3. Классификация групп советских/постсоветских корейцев

Будучи субэтнической группой, сами советские корейцы, как и постсоветские корейцы, *не гомогенны*.

Так, по происхождению (территории исхода, времени и историческим обстоятельствам миграции) и этнокультурному основанию в них можно выделить следующие группы: собственно коре сарам²⁴⁴, сахалинских корейцев и бывших граждан КНДР.

К **первой группе**, самой большой по численности, относятся потомки переселенцев на русский Дальний Восток второй половины XIX – начала тридцатых годов XX вв., в основном, из северной части Кореи. Эта группа представлена 2–6 поколениями. Ко **второй группе** относятся сахалинские корейцы. Как известно, десятки тысяч корейцев были вывезены японцами из южных провинций Кореи в 1939–1945 гг. для принудительных работ на Карафуто (японское название Южного Сахалина). По окончании войны часть из них репатриировалась в Японию и Корею, но большая часть осталась на Сахалине. Некоторые из них приняли советское гражданство, но значительная часть на протяжении всей жизни оставалась «лицами без гражданства». По данным первой всеобщей переписи Российской Федерации 2002 года, численность корейского населения Сахалинской области составляла 29 592 человека²⁴⁵, а по данным переписи 2010 г., – 24 993 человека²⁴⁶. **Третья группа** – это бывшие граждане КНДР, приехавшие в СССР на учебу, на работу или нелегально перешедшие границу. Большинство из них после XX съезда КПСС, на котором был раскритикован культ личности Сталина и после которого отношения между Москвой и Пхеньяном ухудшились, остались в СССР. Эта группа, в свою очередь, также неоднородна, т. к.

²⁴⁴ Сюда не входят российские корейцы, умершие до 1917 г., поскольку они не могут быть отнесены к советским/постсоветским корейцам

²⁴⁵ http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_14_25.htm

²⁴⁶ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf

в ней представлены лица, получившие гражданство СССР и стран СНГ, граждане КНДР с визой на постоянное место жительства и лица без гражданства. Число корейцев третьей группы исчисляется несколькими десятками²⁴⁷.

По принадлежности к государству корейцев можно подразделить на корейцев России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и других стран СНГ (и не только). Однако данная классификация не совпадает с делением корейцев по этнокультурному основанию, связанному с территориальной принадлежностью группы исхода, а также времени и исторических обстоятельств появления на российской/советской территории. Так, сахалинские корейцы относятся к российским корейцам. Однако несахалинские российские корейцы в культурном отношении ближе к центрально-азиатским корейцам, поскольку принадлежат к потомкам общих, более ранних переселенцев из северных провинций Кореи, имеют общую историческую судьбу в царской России и СССР (включая депортацию), опыт проживания и родственные связи в Центральной Азии.

Соответственно, между различными группами корейцев есть свои отличия – вариации в области языка, обрядности, заимствований со стороны иноэтнического окружения и т. д., в связи с чем можно говорить не только о советских корейцах как о *субэтнической* общности, но и об *этнографических группах* внутри нее. Надо отметить, что сами корейцы из вышеотмеченных групп всегда идентифицировали себя именно с *определенной* группой, противопоставляя себя другим, что порождало непростой тип взаимоотношений между ними. Так, после освобождения южного Сахалина от японцев туда были отправлены сотни корейцев из Казахстана и Узбекистана, где они стали «руководить» сахалинскими корейцами, которые не знали русского языка и, как считалось, были инфицированы японским духом и нуждались в скорейшей советизации. Среднеазиатские корейцы

²⁴⁷ Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 5. – Seoul: IASD, 2000. – P. 45–8.

возглавили на Сахалине колхозы, заводы, фабрики, школы, больницы, почту и т.д., подчеркивая свое превосходство в социальном положении и знании русского языка. Привилегированный статус континентальных корейцев породил и натянутость отношений между ними и «островитянами». «Они не воспринимали нас как настоящих корейцев, – вспоминает Х. Г. Тегай, один из тех, кто был командирован на Сахалин, – относились весьма настороженно. Конечно, явного противодействия не было, но, тем не менее, на контакты с нами они шли неохотно»²⁴⁸. «Кхынтанбьянджя», так презрительно континентальных корейцев называли сахалинцы. Отзвуки тех отношений можно услышать и сейчас. «Да за что мы должны были их любить? – вспоминает одна из сахалинских кореянок Т. Тё. – Они были наймитами государства. Следили за нами, докладывали обо всем властям. Некоторых из наших сажали в тюрьмы по наговору приезжих из Средней Азии корейцев. Мы не просто не ладили с ними, а ненавидели их. Они приехали откуда-то, пытались учить нас уму-разуму»²⁴⁹.

Чувствуя себя, как в резервации, многие сахалинские корейцы стремились перебраться на материк, но зачастую встречали настороженное отношение со стороны континентальных корейцев. После того, как отношения между странами СНГ и Республикой Корея обрели динамичное развитие, рейтинг сахалинских корейцев изменился. Благодаря знанию языка (близкого к сеульскому стандарту²⁵⁰) они получили возможность работать в южнокорейских компаниях (как в Корее, так и на Сахалине), представительствах,

²⁴⁸ Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Ташкент, 2003. – С. 127.

²⁴⁹ Там же. – С. 128.

²⁵⁰ Когда центрально-азиатские корейцы приехали на Сахалин, обнаружилось, что язык сахалинских корейцев отличен от *коре мар*, диалекта, на котором говорили коре сарам. Корейцы Центральной Азии стали говорить, что сахалинские корейцы «не настоящие», они японизированы и их язык полукорейский-полуяпонский. Это стало одной из причин пренебрежительного отношения к ним. Когда двери между Центральной Азией и Республикой Корея открылись, обнаружилось, что так называемый «полуяпонский» корейский язык сахалинцев мало чем отличается от сеульского стандартного языка.

церквях. У представителей первого поколения появилась возможность репатриироваться в Южную Корею, где они находятся на полном государственном обеспечении. Конечно, в связи с этим у корейцев первой группы не могло не возникнуть чувство ревности.

Аналогичная ситуация и с бывшими северными корейцами. До недавнего времени они воспринимались как иностранцы, не имевшие советского гражданства и политических прав. Отношение корейцев первой группы к ним всегда было иным, нежели к себе подобным. Да и сами северо-корейцы, в силу своего статуса, не чувствовали себя вполне уверенно. В большинстве своем они не стремились раскрываться перед другими, были везде и во всем осторожны, за что получили среди корейцев первой группы характеристику «скрытных», а иногда и «шпионов». Но сейчас они стали важным каналом, через который осуществляются контакты с исторической родиной и имеется шанс репатриироваться в Корею²⁵¹.

3.4.4. Динамика изменений и структура этнокультурной идентичности различных групп советских/постсоветских корейцев

Если говорить о собственно культурных отличиях различных групп советских корейцев, то корейский компонент культуры корейцев, мигрировавших в Россию во второй половине XIX – первой четверти XX вв., и их потомков основан на культуре *северных* провинций Кореи. И к этому компоненту в результате проживания на территории России стал добавляться русский компонент (до 1937 г.). Таким образом, стал возникать *северокорейско-русский* культурный симбиоз. А у сахалинских корейцев, вошедших в советское пространство после Второй мировой войны, корейский компонент основан на культуре *южных* провинций Кореи. Надо

²⁵¹ Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 5. – Seoul: IASD, 2000. – P. 48.

иметь также в виду, что с 1910 г. Корея была аннексирована Японией, которая проводила насильственную политику японизации, а также то, что вывезенные на Карафуто (южную часть Сахалина) корейцы проживали рядом с японским населением и работали на острове под японским началом. Таким образом, в культурном генофонде сахалинских корейцев начинают переплетаться корейское (*южнокорейское*) и японское начала.

С депортацией дальневосточных корейцев в Центральную Азию у них образуется *северокорейско-русско-центральноазиатский* культурный симбиоз, в то время как у сахалинских корейцев, по мере их интеграции в российское общество, он обретает характер синтеза *южнокорейской, японской и русской* культур. Конечно, первое поколение сахалинских «советских» корейцев существенно отличалось от корейцев, мигрировавших из Северной Кореи на российский Дальний Восток и их потомков. Последние к тому времени осознавали себя уже *советскими* корейцами, включая старшее поколение. Дело в том, что к середине 1945 г., когда сахалинские корейцы становятся частью населения СССР, советские корейцы, находящиеся к тому времени в Центральной Азии, уже были представлены 1–3 поколениями, если исходить из того, что первые корейцы появляются на дальневосточных территориях Российской империи с 1860–1863 гг. XIX в. Это более 80 лет проживания за пределами Кореи. Это многолетняя адаптация к различным политико-экономическим строям (до 1917 г. в царской России и после в СССР) и культурным средам (до 1937 г. к русской культуре и образу жизни, а после депортации – к центрально-азиатской).

После 1953 г., смерти Сталина, часть корейцев вернулась из Центральной Азии на Дальний Восток. Для них и тех, кто после снятия ограничений корейцев на передвижение осел в России в 50-е годы (преимущественно после окончания российских вузов), а также их потомков центрально-азиатский культурный компонент для их культурного генофон-

да не сыграл важной роли. А для тех, кто длительное время прожил в Центральной Азии, он стал существенным и органичным элементом. Если учесть, что длительное время корейцам прожили в СССР, а многие родились и умерли в нем, к вышеотмеченным симбиозам добавился и *советский* культурный, а точнее, культурно-идеологический компонент, который не сводим к той или иной национальной культуре.

Часто, когда обсуждается вопрос о поколенных этнокультурных особенностях советских/постсоветских корейцев, например, 1-го, 2-го или 3-го поколений, не оговаривается, о каких региональных группах идет речь. Но то, что здесь опускается, является принципиально важным, и именно для прояснения вопроса о поколенных этнокультурных особенностях. Ведь дело в том, что *классификация поколений* у различных групп корейцев также различна.

Если взять **центрально-азиатских** корейцев, то здесь важна не просто нумерация поколений. Миграция корейцев из северных провинций на российский Дальний Восток происходила с 60-х гг. XIX в по начало 30-х годов XX в. Среди депортированных в Центральную Азию можно найти людей самых разных возрастов, начиная от тех, кто родился в 40-х и 50-х годах XIX века²⁵², и кончая теми, кому в год депортации было лишь несколько месяцев от роду. Потомки тех, кто приехал в Россию в 60-х – 80-х годах XIX века в молодом возрасте (в 20–30 лет), к 1937 г. являлись уже представителями 2-го, 3-го, а в некоторых случаях и 4-го поколения. В силу компактного проживания корейцев на Дальнем Востоке и обучения в корейских школах, во многих случаях даже представители 2-го и 3-го поколений являлись носителями традиционной корейской культуры. Совершенно иная ситуация у тех, кто мигрировал уже в XX в. Возьмем ситуацию, когда человек, который мигрировал в Россию в 1920-е годы в молодом возрасте, женился здесь и в 30-х годах обзавелся детьми. Его дети, хотя и являются представителями

²⁵² Например, Гу Энира, 1841 г. р., Ким Сен Бе, 1852 г. р., Им Бамии, 1852 г. р., Ким Топ Ко, 1853 г. р., Хан Си, 1856 г. р. – См.: Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г. – Часть 1. – М., 1997. – С. 50, 70, 73, 74, 178.

лишь 2-го поколения, уже обучались только в русских школах, поскольку после депортации все корейские национальные школы были ликвидированы в 1938 г.

Иначе говоря, в одних случаях представители даже 3-го поколения могли быть более корейскоязычными, нежели русскоязычными, в то время как в других случаях представители 2-го поколения могли быть более русскоязычными, нежели корейскоязычными. А иногда в рамках даже одного поколения одной и той же семьи могла происходить культурная дивергенция. Так случилось с семьей автора. Наш дед Хан Ен Дюн мигрировал в Россию в 1916 г. в возрасте 19 лет. В 1919 г. он женился. Если взять его 7 детей, то в 1937 г. двое были в возрасте 17 и 14 лет и закончили корейские начальные школы, двое были в возрасте 7 и 4 лет, а остальные родились уже в Узбекистане. За исключением старших детей все остальные закончили русские школы. Самая старшая дочь на протяжении всей жизни говорила в основном на корейском языке, русский знала в пассивной форме и очень фрагментарно. Следующий сын также в основном говорил на корейском языке, но русский знал лучше, хотя его речь изобиловала многочисленными грамматическими и стилистическими ошибками. Следующий сын (мой отец) был билингвом со знанием корейского письма, но русский язык по уровню владения был уже доминантным. Две последующие дочери были в той или иной степени билингвами, но уже не знающие корейского письма. А двое последних – понимали корейский, могли говорить какие-то фразы, но предпочитали общаться на русском.

На культурном генофонде всех корейцев, ныне проживающих в Центральной Азии, сказалось влияние культуры местных народов. Поэтому есть смысл говорить не только о поколенных трансмиссиях и трансформациях коре сарам в целом, но и собственно центрально-азиатских корейцев. То есть можно говорить о 1-м поколении центрально-азиатских корейцев, 2-м поколении и т. д.

Что касается нынешних **российских корейцев**, то наряду с общими с центрально-азиатскими корейцами поколенными социокультурными особенностями, им присущи и некоторые отличия. Так, среди них есть те, кто, попав в 1937 г. в Центральную Азию, уже в 50-х годах вернулся в Россию. Эти люди практически не испытали влияния центрально-азиатской культуры, а их дети тем более. Но среди них есть и те, кто мигрировал в Россию сравнительно недавно, прожив всю прежнюю жизнь в Центральной Азии. И речь идет не только о региональных особенностях в оппозиции «российское – центрально-азиатское». Дело в том, что многие корейцы Центральной Азии до сих пор живут в так называемых «корейских» колхозах, то есть в местах компактного проживания корейцев, где сохранились очаги корейской культуры. В Москве же или Санкт-Петербурге контакты между корейцами не столь интенсивны. Таким образом, представители одних и тех же поколений коре сарам, имеющих сегодня российское гражданство, могут быть носителями культур, имеющих различия не только в оппозиции «российское – центрально-азиатское», но и в отношении «село – город», «корейская окружение – инокорейское окружение», «традиционная культура – трансформированная культура».

Если говорить, о **сахалинских корейцах**, то их поколенная градация стоит особняком. Их можно условно поделить на три поколения, для которых характерны различные социокультурные идентичности.

Первое поколение – это те, кто прибыл на остров до 1945 г. Для большей части из них этот переезд был связан с японской политикой переселения корейской рабочей силы на южный Сахалин. Представители первого поколения, в основном, *корейско-японские* билингвы и носители традиционной корейской культуры. Большинство из них, особенно те, кто не был занят в советское время в общественном производстве, очень плохо владело русским языком.

Второе поколение можно условно определить как тех, кто закончил корейские школы или значительное время обучался в них, которые существовали на Сахалине до 1966 г.²⁵³ Хотя в общении между собой по-прежнему преобладал корейский язык, для них уже характерен высокий уровень *корейско-русского* билингвизма. По данным Всесоюзной переписи 1970 г., к началу 70-х годов уровень билингвизма на Сахалине (59,5 %) уже намного превышал соответствующий уровень в Хабаровском крае (12 %). Американские ученые Дж. и Г. Гинзбурги данный факт связывают с особой политикой интенсивной русификации корейцев Сахалина, связанной с интеграцией значительного по численности «чуждого» («иностранного») элемента в приграничной зоне в советское общество²⁵⁴.

Представители этого поколения читали и читают корейскую прессу, знают корейские песни, посещают корейские спектакли. Однако их ментальность и поведенческие модели уже претерпевают существенные изменения. Традиционная культура и семейная обрядность также подвергаются трансформации. Матрицы воспроизводства идентичности начинают включать в себя не только традиционный корейский менталитет и обряды, но и *советскую* культуру, психологию и модели поведения. Важным компонентом этой идентичности становится советская идеология.

Третье поколение, это те, кто закончил русские школы, для которых родным языком становится русский. Корейская культура для них больше носит характер фольклора, не имеющего актуального значения в повседневной жизни. И это третье поколение уже почти неотличимо от молодежных поколений остальных российских корейцев.

²⁵³ Ланьков А. Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Сеульский вестник, 29 июня 2002 г.

²⁵⁴ Ginsburgs G. & Ginsburgs H. A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // Asian Survey. – Vol. XVII. – № 1. – 1977. – P. 964–965.

Рис. 3.17. Корейская газета в Узбекистане.

Рис. 3.18. Корейская передача в Казахстане («Коре сарам»).

Рис. 3.19. Корейская передача в Узбекистане («Чинсэн»).

Рис. 3.20. Тээквондо.

Если говорить о **северокорейцах**, то в этнокультурном смысле они представлены единственным поколением – первым. Все они женились на советских женщинах, преимущественно, кореянках. И в этих семьях не их жены подверглись влиянию северокорейской культуры, а наоборот. Языком общения был русский, кухня – интернациональная, а если говорить о корейской кухне, то это та, что распространена среди коре сарам, а не северокорейская. Их дети являются полностью продуктом культуры коре сарам и ничем не отличаются от своих сверстников. Иначе говоря, здесь нет той поколенной трансмиссии, которая бы позволяла говорить о втором поколении северокорейцев. Принадлежность детей этих смешанных браков к определенному поколению фактически определяется по линии матери, то есть в рамках поколений коре сарам.

3.4.5. Трансформация и особенности этнокультурной идентичности

Будучи субэтнической группой, советские корейцы Центральной Азии существенно отличаются как от северных, так и южных корейцев по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям, традициям, кухне и т. д. Их культурный генетический фонд представляет синтез различных культур – традиционной корейской, русской, европейской, советской и центрально-азиатской.

Языковая идентичность. Все Всесоюзные переписи фиксируют разнообразие языков, которые корейцы называют родными. Основными в них фигурируют корейский и русский.

Таблица 8.

Распределение корейского населения в Узбекистане по возрасту, родному языку²⁵⁵, чел.

(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Возраст	Всего	Корейский язык	Русский язык	Узбекский язык	Другие языки
До 6 лет	23 049	10 413	12 528	73	35
6–9 лет	15 613	6 219	9 338	35	21
10–14	18 158	7 407	10 671	55	25
15–19	13 644	6 160	7 378	76	29
20–24	11 048	5 974	5 016	39	20
25–29	14 945	8 603	6 279	35	26
30–34	18 732	10 824	7 854	24	31
35–39	18 356	10 301	7 997	37	21
40–44	10 920	6 185	4 695	17	23
45–49	7 017	4 348	2 640	16	18
50–54	6 683	4 624	2 030	19	11
55–59	7 597	5 788	1 789	9	11
60–64	6 573	5 521	1 032	13	7
65–69	4 681	4 135	540	3	4
70 и старше	6 118	5 668	430	17	4
не указан возраст	6	5	1	–	1
Всего	183140	102175	80218	468	279

Согласно этим данным 55,8% корейцев Узбекистана называли родным корейский язык, 43,8% – русский, 0,3% – узбекский, 0,6% – другие языки. Означают ли эти они, что для большинства корейцев Узбекистана корейский язык в 80-х годах действительно был родным, т.е. они на нём думали, говорили и писали? Конечно, нет.

Во-первых, когда узбекистанские корейцы говорят, что знают корейский язык, под последним подразумевается

²⁵⁵ Рассчитано по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу, состоянию в браке, уровню образования, родному языку и второму языку народов СССР по Республике Узбекистан». Ташкент, 1991, С. 26. По вопросу распределения корейцев по языку известна таблица, приведенная в книге: П. Ким. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент, 1993. С. 126, где автор ссылается на итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Однако в этой таблице много ошибок. По сравнению с итогами Всесоюзной переписи в колонке «все-го» разница в 2 человека, в колонке «корейский язык» – в 2053 человека, в колонке «русский язык» – в 26 человек, в колонке «узбекский язык» – в 32 человека, в колонке «другие языки» – в 5 человек.

«*коре мар*» – разновидность диалекта Юкчин (Северный Хамгён)²⁵⁶. *Коре мар* – язык, на котором сегодня говорят наиболее пожилые корейцы (как правило, представители первого и второго поколений), существующий, в основном, в устной форме, использующийся лишь в семейно-бытовой сфере и подвергшийся влияниям русского и центрально-азиатских языков. *Росс Кинг* указывает на то, что в результате влияния русского языка, в произношении речи на *коре мар* появились звуки, окончания и архаизмы, не имеющиеся в стандартном корейском языке²⁵⁷. *Ко Сонг Му* приводит многочисленные примеры пополнения лексического фонда *коре мар* заимствованиями из русского и тюркских языков²⁵⁸. Кроме того, он пишет: «Влияние русского языка не ограничивается только словарем, оно может наблюдаться в различных выражениях, особенно в использовании глаголов. Во многих случаях выражения образуются путём непосредственного перевода с русского на корейский»²⁵⁹. Узбекистанский филолог О. Ким, ещё в 60-х годах привлекая внимание к своеобразию языка советских корейцев, писала: «Мы сталкиваемся здесь с фактами смешения языков, достигающими до парадокса, но обычными в речи корейцев. Особенно это бросается в глаза, когда разговаривают корейцы между собой»²⁶⁰. Советские корейцы, общавшиеся между собой на *коре мар*, при встрече с корейцами из Кореи обнаружили, что практически не понимают корейский литературный язык, который оказался для них как иностранный.

Во-вторых, многие узбекистанские корейцы, называя корейский язык родным, подразумевают, что это родной язык корейской нации, хотя сами они, может быть, знают его гораздо хуже русского или узбекского, или вообще не

²⁵⁶ *King J. P. R. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. – Vol. 23. № 2. – June 1987. – P. 236; Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki: Studia Orientalia, 1987. – P. 102.*

²⁵⁷ *King J. P. R. Op. cit. – P. 238, 243–271.*

²⁵⁸ *Kho Songmoo. Op. cit. – P. 115–124.*

²⁵⁹ *Ibid. – P. 120–121.*

²⁶⁰ *Ким О. О языке корейцев СССР // Ученые записки Ташкентского государственного университета. – 1962. – Вып. 202. – С. 89.*

знают. Например, из таблицы следует, что для более чем 75 000 корейцев, родившихся после 1937 г., то есть окончивших русские школы, корейский язык – родной. В это трудно поверить. По крайней мере, в своей жизни я не встречал таковых; а если учесть столь внушительную выше приведенную цифру, то они должны были встречаться на каждом шагу. Поэтому, и это – *в-третьих*, нужно учесть категорию корейцев, которые признают все «корейское» родным только из духа патриотизма, независимо от того, насколько это «родное» реально присутствует в их жизни.

Если мы ещё примем во внимание год проведения переписи – 1989 год, когда стало зарождаться корейское движение, вызвавшее всплеск этнического самосознания среди корейцев, то можно понять желание узбекистанских корейцев подчеркнуть свою этничность. Однако назвать язык родным и объективный родной язык – две разные вещи.

В последние годы языковая ситуация начинает меняться. Появилась прослойка корейцев, прошедшая длительное языковое обучение, окончившая корейские вузы и имеющая опыт работы в Корее, для которой корейский язык наряду с русским языком становится родным.

Кухня. Абсолютное большинство в своем рационе использует корейскую кухню. Однако следует отметить, что *корейская кухня* коре сарам не идентична кухне современной Кореи.

Частично это точно такая же кухня (например, «паб», «тубу», «конгнамуль», «кандян», «двенчан», «сокоги кук», «печу кимчи», «сундэ»), частично – похожая («куксу», «кекоги», «ои кимчи», «му кимчи»), а частично – вообще не имеет аналогов в кухне корейцев полуострова (например, «морковь ча» – салат из маринованной моркови, «пигодя» – паровые пирожки и другие), хотя среди корейцев СНГ, а также окружающих их народов, считается «корейской». И она действительно является таковой, если за понятием «корейское» признавать не только образцы культуры Корейского полуострова, но и диаспорных корейцев.

Рис. 3.1. Год ребенка.

Рис. 3.2. Свадьба.

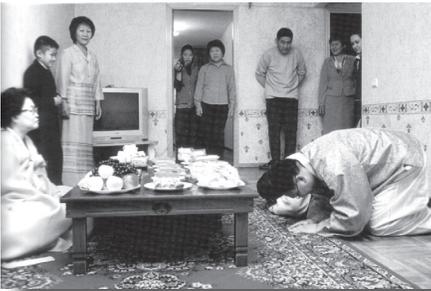

Рис. 3.3 и 3.4. Хангаб – 60-летний юбилей.

Рис. 3.5. Поминки.

Рис. 3.6. Поминки.

*Рис. 3.7. Корейский ряд
на рынке в Ташкенте.*

*Рис. 3.8. Чапсаль
на Куйлюкском базаре
в Ташкенте.*

Рис. 3.9. Приготовление кимчи.

*Рис. 3.10. Карточная игра
хато.*

Рис. 3.11. Ансамбль «Чен-Чун» в Москве.

Рис. 3.13. Танцевальный фольклорный коллектив «Нанчо» (Узбекистан).

Рис. 3.12. Хор корейской песни в колхозе Дуслик (Узбекистан).

Рис. 3.14. Корейские барабаны (ансамбль «Корё», Узбекистан).

Рис. 3.15. и 3.16. Корейский театр (Казахстан).

Рис. 3.17. Корейская газета в Узбекистане.

Рис. 3.18. Корейская передача в Казахстане («Коре сарам»).

Рис. 3.19. Корейская передача в Узбекистане («Чинсэн»).

Рис. 3.20. Тээквондо.

Духовная культура. Кухня относится к устойчивым компонентам культуры. При обращении же к духовной культуре коре сарам обнаруживается её большее отдаление от традиционной корейской культуры.

Василиса Прекрасная и Иван-дурачок из **русской** сказки, Ходжа Насреддин из **среднеазиатского** устного творчества, **русская** и **советская** поэзия (*Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Крылов, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадуллина, Чуковский, Маршак* и др.) и **проза** (*Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Чехов, Булгаков, Зоценко, Куприн, Бунин, Островский, Шолохов, Симонов, Ян, Пикуль, Айтматов* и др.), зарубежная литература – **французская** (*Мольер, Дюма, Бальзак, Гюго, Флобер, Стендаль, Мериме, Жюль Верн, Мопассан, Золя, Экзюпери*), **английская** (*Шекспир, Дефо, Свифт, Диккенс, сестры Бронте, Стивенсон, Скотт, Конан Дойль, Киплинг, Кэрролл, Уэллс*), **американская** (*Твен, Лондон, По, О’Генри, Драйзер, Рид, Хемингуэй, Брэдбери, Апдайк, Стейнбек, Сэллинджер, Войнич*), **испанская** (*Сервантес, Лопе де Вега*), **немецкая** (*братья Гримм, Гофман, Гёте, Гейне, Фейхтвангер*), **скандинавская** (*Линдгрэн*) и многие **другие** художественные произведения писателей различных стран мира более знакомы и близки советским корейцам, нежели образы Чхун Нян или Хон Иль Дона.

То же самое можно сказать о кинематографе, танцах, песнях, шутках, поговорках и т. д.

Показательными в этом отношении являются праздники. В праздничном календаре советских корейцев прочное место заняли Новый год по солнечному календарю (Рождество и Новый год по лунному календарю советские корейцы не праздновали); 8 Марта, или Женский день, праздник, отсутствующий в Южной Корее; 9 Мая, или День победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, праздник, который также отсутствует в Южной Корее; 1 мая – День солидарности трудящихся; 23 февраля – День

Советской армии (или Мужской день), профессиональные праздники, дни рождения.

Антропонимия. Одним из показателей трансформации этнического сознания коре сарам являются антропонимические процессы, описанные *Р. Ш. Джарылгасиновой*. Для них характерны: массовое использование русских и международных имён, появление фамилий с образовательным суффиксом – гай (например, Ю + гай, О + гай и т. д.), отчества, состоящие из корейских имён отцов + суффиксы отчеств из русского языка, - ович (- евич), - овна (- евна), (например, отец – Ким Дядюн, сын – Ким Лаврентий Дядюнович; отец – Сон Индэк, дочь – Сон Людмила Индэковна)²⁶¹. Интересен тот факт, что, проживая в Узбекистане, узбекистанские корейцы, тем не менее, дают своим детям русские имена, так же поступают и другие корейцы Центральной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Антропологическая идентичность. Говоря о трансформации корейской идентичности, мы должны учитывать не только культурную идентичность, но и антропологическую. С ростом межнациональных браков в корейском обществе все больше появляются «тягубя» – детей от этих браков, которые антропологически и генетически отличаются от детей гомогенных корейских семей. В основном они себя считают корейцами, вероятно, в силу выделяющейся внешности (как правило, тягубя больше похожи на корейцев, нежели славян), стойкости использования корейской кухни и традиционных компонентов в семейной обрядности.

3.4.6. Образ корейца в иноэтническом окружении

Известно, что корейцы Севера и Юга проживают в *гомогенном моноэтническом* (корейском) окружении, где абсолютное большинство жителей – корейцы. В Китае и Японии,

²⁶¹ *Джарылгасинова Р. Ш.* Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. – М., 1970. – С. 139–149.

где имеются большие корейские диаспоры, с известными оговорками можно сказать, что в этих странах процесс адаптации происходил в *гомогенном*, но *иноэтническом* (китайском или японском) окружении. В бывшем СССР, как и в Северной Америке и Западной Европе, процесс ассимиляции корейцев происходил в *гетерогенном иноэтническом* окружении. Так, жизнь советских корейцев протекала в постоянных контактах с представителями десятков народов (всего в СССР проживало более 120 народов): русскими, немцами, евреями, армянами, татарами, узбеками, казахами, киргизами, таджиками, украинцами, грузинами, азербайджанцами и другими. И это определило гибкие и во многом позитивные *психологические установки* коре сарам по отношению к этническому разнообразию вокруг себя и *гибкие модели* поведения в полиэтническом окружении.

Однако мы понимаем, что той или иной этнической группе трудно добиться каких-либо достижений, если в стране/республике реципиенте о ней складывается негативный стереотип. В Центральной Азии, где проживает большинство корейцев СНГ (и в советский период, и сегодня), в целом можно говорить о высоком их рейтинге в глазах различных этнических групп.

Рассмотрим это на примере Узбекистана.

В Узбекистане проживают представители около 100 национальностей. Их можно разделить на две крупные группы: коренные народы и народы, сравнительно недавно мигрировавшие на территорию Узбекистана. Первая группа включает в себя титульный этнос (узбеки) и другие родственные народы, веками проживающие на данной территории (казахи, киргизы, таджики, каракалпаки, уйгуры и др.). Вторая группа включает в себя наиболее крупный и имеющий, в силу исторических причин, особое влияние этнос – русских, а также другие этнические группы – украинцев, белорусов, корейцев, евреев, поляков, азербайджанцев, грузин, армян, татар и других.

Межэтнические отношения в Узбекистане и их отражение в этнических стереотипах складывались под воздействием целого ряда обстоятельств.

Титульный этнос и другие коренные народы Узбекистана. Коренные народы Узбекистана, как и Центральной Азии в целом, объединяет очень многое: этногенез, общее историческое прошлое, религия, обряды и обычаи и т. д. Не случайно на официальном уровне руководителями Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменинии постоянно декларируется «дружба братских народов». Однако межэтнические отношения между этими народами отнюдь не так идеальны. В данном случае мы имеем дело с известным феноменом соперничества, а порой и противостояния, характерным для многих пограничных и зачастую родственных народов. Достаточно сослаться на корейско-японские, абхазо-грузинские, осетино-грузинские, русско-украинские, армяно-азербайджанские, иракско-иранские, курдо-турецкие, сербо-хорватские, сербо-албанские и другие отношения. Близость территорий и общее прошлое – не только основа формирования единой или близкой ареальной культуры, но и почва для соперничества и конфликтов, и даже войн.

Историческое прошлое, которое сближает коренные народы Центральной Азии, одновременно становится и яблоком раздора. Одни и те же государства древней и средневековой истории Центральной Азии являются предметом «научных» споров: по таджикским источникам они являются историческими формами таджикской государственности, а по узбекским – формами узбекской государственности. Такая же участь постигла великих среднеазиатских мыслителей (аль-Фараби, Ибн-Сина и др.). Причем речь идет не только о разногласиях между учеными, которые велись еще в советское время. В обоснование того, что великие цивилизации прошлого являются наследием того или иного народа, сегодня включились первые лица государств (например, президенты Таджикистана и Туркменистана). В

силу того, что в Туркменистане реализуется, прежде всего, туркмено-центристская модель истории Центральной Азии, она скептически воспринимается другими коренными народами региона. Такая же ситуация складывается с таджико-центристской и другими аналогичными моделями.

Другими вопросами, влияющими на межэтнические отношения коренных народов региона, являются споры о роли кочевого и оседло-урбанизированного компонентов в истории, древности того или иного народа, наличии у него письменности, его роли в этногенезе и этнической истории региона, вкладе в мировую культуру, победах и поражениях в тех или иных битвах и т. д.

Титульный этнос и славянские народы. Хотя славяне представлены в Центральной Азии рядом наций (белорусы, украинцы, болгары, поляки и др.), они ассоциируются с самым крупным славянским народом – русскими. Да и сами они идентифицируют себя в качестве русскоязычных.

Взаимоотношения русских и коренных народов региона обусловлены завоеванием Центральной Азии царской Россией и проводимой национальной политикой в СССР. Сформировавшиеся этнические стереотипы русских о среднеазиатских народах и наоборот касаются различных сторон: истории, семьи, быта, трудовых наклонностей, воспитания и т. д. Если в советский период «взаимные претензии» высказывались лишь на бытовом уровне, то с периода перестройки они озвучиваются на академическом и политическом уровнях.

Большинство русских считает, что их миссия в Центральной Азии носила цивилизаторский характер и с их приходом в регионе возникла промышленность, современные научные и образовательные учреждения, европейская культура, освобождение женщины и моногамная семья, светские институты и т. д., – всё то, что характеризует современную цивилизацию. Как пишут британские исследователи Х. Пилкингтон и М. Флинн, «русские за пределами РСФСР идентифицировали себя не в этнических категориях..., а в социокультурных – считая себя самыми лучши-

ми, самыми достойными для того, чтобы просвещать и развивать «отсталые» окраины СССР»²⁶².

Однако сегодня многие узбеки, включая ученых и официальные лица, рассматривают деятельность Российской империи и Советского государства по отношению к коренным народам Центральной Азии как колониально-репрессивную, приведшую к забвению традиционных ценностей и исторической памяти, однобоко ориентированной экономике, экологической катастрофе, утрате национальной гордости.

Существует конфликт и между стереотипами образов узбеков у русских и наоборот. Как пишет российская исследовательница О. Брусина: «У русских стереотипный образ узбеков ассоциируется с невысокими профессиональными качествами и традиционной склонностью к торговле»²⁶³.

И далее, расхожее мнение среди русских: «вместо того, чтобы заниматься «серьезным делом», к примеру, работать на заводе (что, впрочем, менее доходно, но заслуживает уважения, так как полезно для общества), узбеки, торгуя, заботятся прежде всего о собственном достатке»²⁶⁴. Аналогичный стереотип в сознании русских в отношении коренных народов Центральной Азии отмечен и британскими исследователями. Они пишут, что «русские оценивали себя как квалифицированных, ответственных, добросовестных работников, в отличие от представителей титульных этнических групп, не способных к нормальному труду на производстве, которым бы «только портфели носить» или торговать»²⁶⁵. Узбеки, в свою очередь, считают, что «у русских не хватает «патриотизма», чтобы работать на хлопчатнике, что они не стремятся к почетному и желательному для корен-

²⁶² Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование диаспоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев // Диаспоры. – № 2–3. – М., 2001. – С. 16.

²⁶³ Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. – М., 2001. – С. 180.

²⁶⁴ Там же. – С. 180.

²⁶⁵ Х. Пилкингтон, М. Флинн. Указ. соч. – С. 16.

ного жителя земледельческому труду, а стремятся к лёгкой жизни в городе»²⁶⁶.

Негативные этнические стереотипы в оппозиции «титульный этнос – русские» можно обнаружить и по вопросам быта, отношениям в семье, воспитания, культуры поведения и т. п.

Корейцы и титульный этнос. В целом отношения в паре «титульный этнос – корейцы» можно охарактеризовать как положительные. Положительный имидж корейцев в глазах местного населения обусловлен следующими факторами.

Во-первых, корейцы прибыли не как завоеватели, а в качестве депортированного и репрессированного народа, что вызывало у местного населения чувства жалости и сострадания.

Во-вторых, некоторые другие народы, либо депортированные (крымские татары, турки-месхетинцы и др.), либо вынужденно мигрировавшие (греки), постоянно давали знать, что они временные гости на этой земле, что отражалось на их моделях поведения. Корейцы же с самого начала восприняли Центральную Азию как свою новую родину.

В-третьих, корейцы никогда не претендовали на более развитую или более древнюю культуру. Первое поколение коре сарам – в большинстве своем крестьяне – смутно представляло свое далекое историческое прошлое. А второе и последующие поколения уже идентифицировали себя не с Кореей, а с СССР. Темы «превосходства» культуры в отношениях корейцев и узбеков просто не существовало. Но даже если бы она и была, она не носила бы острый характер, как в случаях с другими коренными народами и русскими. В ней принципиально отсутствовал болезненный вопрос: кто принес развитую культуру в Центральную Азию?

В-четвертых, обычаи и кодекс поведения корейцев как носителей восточной культуры во многом совпадал с традициями узбеков.

²⁶⁶ Брусина О. И. Указ. соч. – С. 180.

В-пятых, большинство корейцев Центральной Азии были заняты сельскохозяйственным трудом, как и основное местное население. Благодаря корейцам были освоены большие залежи непригодных для сельского хозяйства земель, повышена урожайность многих сельскохозяйственных культур, что не могло не вызывать уважения со стороны узбеков, знающих цену тяжелому сельскохозяйственному труду.

В-шестых, будучи репрессированными и будучи народом-мигрантом, не имея статуса «титупной нации», как узбеки, или «старшего брата», как русские, корейцы в короткие сроки добились высочайших достижений в самых различных областях жизни, что также способствовало их имиджу. Профессионализм и трудолюбие стали как бы визитной имиджевой карточкой корейцев. В последнее время, когда население Узбекистана открыло для себя Южную Корею и её достижения, это мнение укрепилось.

В-седьмых, коре сарам сыграли и играют важную роль в налаживании контактов по привлечению южнокорейского бизнеса в Узбекистан и его адаптации.

Корейцы и русские. Корейцы имеют также высокий рейтинговый имидж и в оценках европейского населения. Как и в случае с узбеками, он обусловлен вышеперечисленными достижениями корейцев. Наряду с этим, он имеет и другие факторы.

Во-первых, корейцы являются русскоязычной группой. Иначе говоря, у русских и корейцев один и тот же родной язык. И речь идёт не только об идентичности средства мышления и коммуникации. Это означает обучение в русскоязычных учебных заведениях, где уровень выше, чем в узбекоязычных заведениях. Это доступ к русскоязычной научной, технической и художественной литературе, которая одновременно даёт доступ к мировым достижениям человечества.

Во-вторых, с усвоением европейской культуры ослабилась роль коллективного начала, характерного для

традиционной корейской семьи. Это сказалось на росте европейско-корейских браков. Так, количество корейско-смешанных браков в начале 80-х годов в Алма-Ате достигло почти 40%, и «особенно большую долю составляют межнациональные браки с участием русского населения»²⁶⁷. Причина заключается в том, что, русифицируясь, корейцы все меньше начинают зависеть от общественной корейской среды. Для большинства же семей коренных народов региона характерен примат коллективного над индивидуальным. Н. Ем пишет: «Наиболее характерная черта традиционной системы межличностных отношений – зависимость отдельного человека от родственных и соседских связей, имеющих как социально-психологическое, так и экономическое выражение»²⁶⁸. Применительно к бракам это означает значительное вмешательство родственников, особенно старшего поколения, в жизнь молодой семьи. В русских (европейских) семьях отношения между брачными партнерами более независимы от внешней среды. Будучи русскоязычной группой и погружаясь в европейскую культуру, корейцы перенимают ее коды.

Поэтому удельный вес браков русских с представителями коренных народов Центральной Азии – незначителен. В корейско-смешанных семьях отношения брачных партнеров все больше начинают строиться на индивидуальных, межличностных (связанных с европейским кодом поведения), нежели коллективных началах, что делает корейцев более привлекательными в качестве брачных партнеров в глазах русских.

В-третьих, оценки традиционной дальневосточной культуры (индийской, китайской, японской) всегда были высоки в русской среде. В ней можно найти много сторонников восточных единоборств, философии буддизма и конфуцианства, йоги, медитаций, даосских систем питания,

²⁶⁷ Ем Н. К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 2. – Алматы, 1997. – С. 42.

²⁶⁸ Там же. – С. 45–46.

искусства восточного дизайна окружающей среды, акупунктурной медицины и т. д. Корейская культура относится европейским населением к тому же исторически-культурному ареальному феномену.

Корейцы и малочисленные этнические группы. Рейтинг корейцев среди других этнических групп (евреи, армяне и др.) также носит положительный характер. Во всех полиэтнических обществах, даже в странах с развитой демократией, малочисленные этнические группы ощущают себя менее комфортно, чем крупные этносы. Поэтому естественно, что они противопоставляют себя титульному этносу, привилегированным и крупным этносам, имеющим реальное влияние на политическую и межэтническую атмосферу в стране. Узбекистан здесь не является исключением. В бинарной оппозиции «мы – они» этнические группы, которые ощущают себя недостаточно комфортно, как правило, включают в категорию «мы» и корейцев. Другим основанием положительного имиджа корейцев среди этих групп являются ранее уже упомянутые достижения корейцев.

Таким образом, в имеющихся межэтнических оппозициях «титульный этнос – другие этносы», «русские – другие этносы», «крупные этносы – малые этносы», корейцы занимают устойчивый положительный рейтинг, в основе которого немалую роль играет симбиозный характер новой культуры коре сарам. Смешанный характер этой культуры не противопоставляет исламское христианскому, азиатское европейскому, тюркское славянскому и т. п., а включает всё это в себя в качестве компонентов *евразийского*. Это, в свою очередь, позволяет продуцировать *высоко адаптивные* модели поведения.

В следующем параграфе мы покажем достижения корейцев в различных областях (экономике, науке, образовании, культуре и искусстве, спорте). Это было бы невозможно без толерантного отношения к корейцам.

Мало того, это было бы невозможно без положительного образа корейцев, как трудолюбивых, профессионально грамотных и ответственных. Приведу один пример. Мой отец, Хан Сергей Михайлович, в 1985–1989 гг. работал проректором, а затем назначен ректором Ташкентского государственного института культуры. Но институт культуры это не авиационный институт и не институт железнодорожного транспорта, где знание предмета специализации не связано с национальностью. Специфика институтов культуры в национальных республиках заключалась в том, что они во многом были связаны с национальной культурой (национальными песнями и танцами, обучением игры на национальных инструментах и т. д.), в данном случае – с узбекской культурой. Чтобы назначить корейца руководителем высшего учебного заведения, подготавливающего кадры в области узбекской культуры, нужно очень большое доверие. Прежде чем получить назначение, отец должен был пройти собеседование в трех ведомствах (ЦК Компартии, Министерство высшего и среднего специального образования, Министерство культуры) на двух уровнях – республиканском и союзном. В итоге на всех уровнях он получил рекомендации и был назначен ректором института.

Одним из показателей адаптации к иноэтническому окружению является уже упоминавшееся все возрастающее число межэтнических браков в корейской среде. Об этом можно судить по следующим данным ЗАГС г. Алматы: 1940–1941 годы – 80% браков с не корейцами, 1950–1951 гг. – 28,6%, 1962–1963 гг. – 35,5%, 1972–1973 гг. – 30%, 1981–1982 гг. – 39,2%²⁶⁹.

²⁶⁹ Ем Н. К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей городского архива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 2. – 1997. – С. 43.

§ 5. Вклад корейцев в социальное, экономическое и культурное развитие Центральной Азии

3.5.1. Кобонди – образ рыночника в рыночной экономике

Справка

Кобонди – специфическая форма арендного (полулегального) бригадного подряда в сельском хозяйстве СССР, внедренного корейцами. Будучи **первой** формой частного и на первых порах сугубо корейского предпринимательства в СССР, кобонди было основано на принципах самоуправления, самокупаемости и экономической мотивации. Поскольку оно было нацелено на конечный результат, урожаи бригад кобонди превышали урожаи обычных колхозно-совхозных бригад в несколько раз, что позволило существенно повысить уровень жизни корейцев по сравнению со средним общесоюзным уровнем. В годы перестройки кобонди начинает рассматриваться в качестве образца ведения сельского хозяйства.

Кобондя... Так в Советском Союзе стали называть корейцев, выращивающих на договорных условиях (условиях нелегальной аренды) сельскохозяйственную продукцию на колхозных и государственных землях в разных регионах СССР – в республиках Центральной Азии, России, на Украине. Возникнув в конце 40-х годов, кобонди в СССР стало «фирменным» бизнесом корейцев и охватило самые широкие слои корейской общины. Среди них не только те, кто по профессии и жизни был связан с сельскохозяйственным трудом, но и инженеры, технологи, конструкторы, строители, педагоги, экономисты, журналисты, ученые, обладатели научных степеней и званий. Как пишет узбекистанский статистик Ким Мен Гир: «Обычно рост городов и городского населения сопровождается глубокими сдвигами в сфере занятости и прежде всего оттоком аграрного населения в другие отрасли труда. У корейцев же республики немалая часть сельского населения, переехавшего в города, как и жителей поселений, преобразованных в городские, не оставляет прежней сферы труда, она пополняет прослойку городского аграрного населения, мигрирующего в полевой стан.

... В городах проживает 2 из 3 корейцев республики, занятых в сельском хозяйстве, в том числе за ее пределами»²⁷⁰. И в этом смысле кобонди – уникальное явление, не встречаемое в корейских общинах других стран.

Уникальность кобонди и в том, что для них, по словам Г. Ли, кыргызстанского журналиста, практически не существовало понятия «зоны рискованного земледелия». Даже на бросовых землях кобондя получали урожаи, в несколько раз превышающие урожаи на колхозных и совхозных полях. Они опровергали учебники по овощеводству о невозможности культивации той или иной сельскохозяйственной культуры в определенных регионах. И они стали родоначальниками многих инноваций и технологий, впоследствии получивших высокую научную оценку.

Однако наибольшая историческая значимость кобонди заключалась в том, что в рамках огосударствленной, тотально регламентируемой советской экономики это был один из первых шагов к экономической свободе и независимости, к рыночной системе хозяйствования в сфере сельского хозяйства. И в этом смысле мы можем гордиться тем, что корейцы стояли у истоков модернизации методов хозяйствования в советской экономике. Корейцы показали, как можно не за счет воровства и хищения государственной собственности, не за счет взяток, а трудом – напряженным и рационально организованным – обеспечить уровень жизни, в десятки раз превышающий средний уровень жизни по стране. Этот пример имел большое значение с точки зрения формирования оптимистично ориентированных мотиваций в общественном сознании. В сознании советского обывателя высокие доходы и высокий уровень жизни были связаны с высоким статусом в социальной иерархии. Обладателями этого статуса были либо высокопоставленные чиновники (партийные функционеры, министры), либо чрезвычайно талантливые люди, достигшие неординарных успехов – из-

²⁷⁰ *Ким Мен Гир*. Демографические особенности корейского населения Узбекистана // Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 1999. – Приложение 1. – С. 139.

вестные писатели, чьи книги расходились миллионными тиражами, олимпийские и мировые чемпионы, звезды кино и эстрады, крупные ученые, космонавты, создатели высоких технологий. Но эти высоты были недостижимы для обычного человека – не всем быть покорителем космоса или мировых достижений в спорте. Значение опыта кобонди в том, что рядовой обыватель увидел – даже в сельском хозяйстве, которое считалось в стране наименее престижной и наименее оплачиваемой сферой труда, можно обеспечить уровень жизни, соотносимый с уровнем жизни самых высоких позиций в обществе, и можно обеспечить будущее своих детей.

Экономическая свобода (в той форме, в какой она была возможна в рамках государственной регламентированной экономики), активное (то есть осуществляемое на практике) стремление жить лучше за счет собственного труда и инициативы, готовность жить по законам риска – это то, что характеризует кобонди. Конечно, этим не удивишь читателя, живущего в условиях рыночной экономики. Но это удивительный феномен в рамках административно-командной экономики.

Несмотря на то, что сезонное овощеводство на протяжении более чем 50 лет являлось феноменом, характеризующим массовую трудовую деятельность советских и постсоветских корейцев, тема кобонди – одна из наименее разработанных в исследованиях, посвященных корейской диаспоре СССР и СНГ. До перестройки эта тема в СССР была вообще предметом умолчания. Причины такого умолчания видятся в следующем.

В советских исследованиях доперестроечного периода тема кобонди не вписывалась в существующее проблемное поле обществоведения. Хотя в реальности кобонди являлось формой арендного подряда, формально – как экономическая форма организации труда – она не существовала. Вывозя выращенную на колхозном или совхозном поле продукцию на рынок, кобондя получал справку о том, что данная продукция выращена на личном приусадебном участке.

Иначе говоря, кобондя (вольный арендатор) как субъект экономической деятельности «не существовал» в виртуальной экономике советской политической экономии. А раз его нет, то и нет предмета для анализа.

Тот факт, что советские экономисты «не видели» кобонди, хотя в это движение были вовлечены тысячи людей, был не случайным. Дело в том, что кобондя по своей сути были предпринимателями, а кобонди – формой рыночного подхода и рыночных отношений, что рассматривалось советской политической экономией как то, что должно отсутствовать при социалистическом производстве. Если советские экономисты и признавали необходимость существования рыночной экономики при социализме, то только в качестве временного переходного компонента, например НЭП (новая экономическая политика) в первые годы Советской власти. Разумеется, во второй половине 50-х и первой половине 60-х, когда было объявлено, что к 80-м годам в СССР будет построена материально-техническая база коммунизма (период правления Хрущева), и в 70-е годы, когда было объявлено, что страна вступила в фазу зрелого, развитого социализма (период правления Брежнева), о каких-либо предпринимателях и рыночных отношениях в СССР не могло быть и речи. Понятия «предприниматель», «бизнесмен» были из области негативной лексики как нечто, связанное с отжившим политико-экономическим строем (капитализмом), с индивидуальным эгоизмом, моралью рвачества и алчной наживы, отсутствием духовности. И, конечно же, советская официальная общественная наука не могла допустить признания того, что высокие урожаи «передового социалистического колхозно-совхозного строя» каким-то образом связаны с деятельностью частных предпринимателей, арендным подрядом, рыночными отношениями, то есть всем тем, что «не должно» существовать при социализме.

Важным фактором возникновения кобонди как формы рыночного частного предпринимательства был кризис директивной системы планирования колхозного

производства. Люди стали уходить из обнищавших колхозов, ставших заложниками неэффективной экономической политики. Они своим, уходящим в глубину поколений, крестьянским умом чувствовали: что-то не так в этой колхозной жизни. Ведь работали они от зари до зари, а жили все хуже и хуже. И повсюду они «почему».

Почему государственные и партийные чиновники заставляют сеять именно эту культуру, когда на этих полях выгоднее сеять другую? Почему уборка урожая должна производиться в сроки, устанавливаемые райкомом партии (например, не позднее 10 сентября или 1 октября), разве самому крестьянину не лучше знать, когда начинать и когда заканчивать эту уборку? Почему, выращивая год от года богатые урожаи, колхозы все больше погружаются в долги? Почему колхозники лишены возможности распоряжаться тем продуктом, который они вырастили?

Уходя в кобонди, корейцы уходили от крупного государственного производства, где они были винтиками, в мелкий частный бизнес, где они сами хозяева, от централизованной административной системы в область свободного предпринимательства, где они сами принимали решение, где сеять, сколько сеять, как сеять, когда производить полив и прополку, когда снимать урожай, где, кому и по какой цене продавать сверхплановую продукцию.

Правовой основы для существования арендного или семейного подряда до конца 80-х годов как таковой не было. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 года «О воспрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения» аренда земли в Советском Союзе была полностью запрещена. Иные формы, нежели общенародная и колхозно-кооперативная, записанные в Конституции СССР, не допускались, хотя сегодня очевидно, что по существу в СССР не было ни общенародной, ни кооперативной собственности. Поэтому

быть кобондя – это означало постоянно балансировать на грани закона. В любую минуту кобондя можно было обвинить в деятельности (аренде), запрещенной законодательством. По архивным документам дела о нелегальной аренде периодически передавались в прокуратуру. Так, Постановлением Коллегии Министерства сельского хозяйства Узбекской ССР «О состоянии работы в колхозе им. Энгельса Средне-Чирчикского района Ташкентской области» в августе 1955 г. отмечалось: «Широкое распространение получила в колхозе практика обработки общественных посевов риса колхозниками на издольных началах. 59 колхозников обрабатывали 89,7 гектара общественных посевов шалы на условиях сдачи колхозу с каждого гектара по ___ центнеров. Полученная сверх этого урожайность остается в собственности колхозников, обрабатывающих эти посевы»²⁷¹. Коллегия приняла следующие пункты постановления:

– Правлению колхоза (Т. Пак) немедленно ликвидировать практику обработки общественных посевов на издольных началах, обеспечить сбор и оприходование всего урожая с этих участков, а работавшим колхозникам произвести начисление трудодней в соответствии с принятыми в колхозе нормами выработки и расценками.

– Облуправлению сельского хозяйства осуществить ревизию хозяйственно-финансовой деятельности колхоза и передать материалы на виновных в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности²⁷².

Позже отношение к кобондя несколько смягчилось, вернее, власти стали смотреть на их деятельность сквозь пальцы. И, конечно же, не из-за любви к этим людям, всей своей практикой бросившим вызов обветшалым и неэффективным формам хозяйствования и организации труда.

²⁷¹ ЦГА РУз, ф. 90, оп. 9, д. 4836, л. 224.

²⁷² Там же, л. 227.

Во-первых, хозяйствам было выгодно иметь дело с кобондя. Даже на бросовых землях эти труженики добились поистине рекордных урожаев, порой в несколько раз превышающих урожаи на самых плодородных колхозных полях. Все эти достижения, конечно же, шли в актив колхозов и совхозов – планы, спускаемые государством, выполнялись и перевыполнялись. Например, при плане в 140 центнеров с гектара корейские бригады в Каратальском районе Казахстана снимали по 440–600 центнеров (колхоз «Ленинский путь», 1960 г.) и даже по 800 центнеров (колхоз им. Абая, 1956 г.)²⁷³. По свидетельству нашего информанта *Хан Алексея*, в 1983 г. Казанский район Кашкадарьинской области Узбекистана оказался без воды, урожайность не превышала 5 центнеров с гектара; район оказался под угрозой срыва плана. В тот год его бригада (30 человек) взяла в аренду 150 гектаров земли и сдала план за весь район.

Большие урожаи кобондя – не только результат земледельческого мастерства. Как уже отмечалось, среди корейцев, занимавшихся кобонди, значительная часть – горожане, не имевшие специальности в сельском хозяйстве. В производительности в кобонди срабатывал рыночный механизм экономической стимуляции. После сдачи оговоренной планом продукции, вся оставшаяся часть оставалась у кобондя, который реализовывал ее по своему усмотрению. Он мог продать ее тому же колхозу, где он работал, или реализовать на рынке. Если учесть, что речь шла о тоннах сельскохозяйственной продукции, которая зачастую вывозилась в Россию, где цены на овощи были значительно выше, чем в Узбекистане или Казахстане, то чем больше был урожай, тем богаче становился кобондя. Возникал мощный экономический интерес, отсутствующий у колхозника или наемного рабочего.

²⁷³ Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 132–133.

Жилья кобондя не требовали, так как жили в землянках на поле. Все необходимое (семена, удобрения, пленку и т. п.) предоставлял колхоз, а если нет – доставали сами. Все нужные работы и услуги оплачивали из собственного кармана. Плюс выполняли так необходимый хозяйствам план. Не трудно понять, что для многих колхозов и совхозов кобондя были настоящей золотой жилой.

Во-вторых, в условиях, когда кобондя находились на полуполюгальном положении, они стали источником легкой наживы для целой армии чиновников всех рангов, от которых зависела судьба арендаторов. Как это часто бывает, там, где есть труд, всегда находятся те, кто на нем паразитирует. Вымогательства, незаконные поборы – все это с лихвой наполняло жизнь кобондя.

Хочешь получить разрешение на аренду земли? Надо «добиться» расположения председателя совхоза. Нужно, чтобы вода на твой участок вовремя поступила? Залезай снова в свой карман. Нет удобрений? Надо снова «договариваться» с председателем, а зачастую и с ответственными «товарищами» из райкома партии или райисполкома, не забыв при этом «отблагодарить» заведующего складом. Хочешь вывезти продукцию за пределы области? Но машины – государственные (колхозные), могут и не дать. Значит, помимо оплаты по накладным, нужно «заинтересовать» директора автобазы, да и шофера. А на дорогах уже тебя с нетерпением поджидает автоинспекция, чтобы урвать свою долю. Хочешь, чтобы тебе разрешили торговать на рынке? Директор рынка не тот человек, который будет отказываться от «благодарности». Санитарная проверка «показала», что твоя продукция не соответствует предъявляемым требованиям? Так сделай так, чтобы она «соответствовала».

Взятки, взятки, взятки. Слишком много было желающих погреть свои руки на доходах кобондя.

Вот и выходило, что кобондя, которых респектабельные партийные и государственные функционеры считали чуть ли не низшей прослойкой, за которыми закрепилась дурная слава «любителей гоняться за длинным рублем», чей труд и форма организации труда квалифицировались дипломированными партийными идеологами как пережиточные, не только вносили мощный вклад в житницу страны, но и служили подпорками для «передового» колхозно-совхозного строя, а также кормушкой для тех же функционеров.

Те принципы, о которых стали говорить в период перестройки – самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление – с самого начала составляли суть кобонди. Доходы кобондя непосредственно зависели от конечных результатов его труда. Поэтому он работал не покладая рук, бережно ухаживал за каждым ростком на грядке, рационализировал производственный процесс, вносил новшества. Так, среди кобондя широкое применение получила система капельного орошения, позволявшая экономить воду и одновременно добиваться распределения воды между растениями. Через желобки с многочисленными отверстиями вода поступала к каждому ростку, чего нельзя добиться орошением с воздуха посредством поливальных машин. Просто и эффективно. Но сколько нужно вложить труда, чтобы на площадях в 10–15 гектаров довести живительную влагу до каждого росточка! Хозяйское, рачительное отношение к земле, воде, посевному материалу, средствам труда было характернейшей чертой корейских арендаторов. А по-иному и не могло быть. Ведь люди работали на себя, рисковали, зачастую платили из своего, а не государственного кармана.

Прошли годы. И лишь с середины 80-х годов советские государственные мужи признались в преимуществах аренды, семейного подряда и других форм организации труда, основанных на хозяйственном расчете, матери-

альной ответственности и заинтересованности. Отдается дань и корейцам-первопроходцам. Вот что сказал в интервью газете «Сельская правда» начальник управления по производству овощебахчевых культур и картофеля объединения «Узбекистан» Госагропрома республики *Б. Я. Липилин*: «Почему с луком не бывает перебоев в последние годы? Да потому, что аренда на его выращивание существует фактически давно, лет двадцать. Корейцы, отличные мастера возделывания этой поистине незаменимой культуры, давно применяли аренду, не дожидаясь указаний, и хорошо преуспели в этом. И если арендная форма организации сельскохозяйственного производства будет внедряться смелее и снимутся пока еще небольшие преграды на этом пути, мы можем добиться роста производства не только лука, а всего, что может расти на нашей щедрой земле»²⁷⁴.

На протяжении всего постдепортационного периода кобонди являлось как важнейшим фактором развития сельского хозяйства в СССР, так и формой самообеспечивающего бизнеса корейского населения. Кроме этого, кобонди было определенным образом жизни корейцев; вне кобонди невозможно корректно понять саму этнокультурную идентичность коре сарам.

Перестройка оказала существенное влияние на жизнь корейцев, формы их трудовой занятости и перспективы дальнейшего существования в новых независимых государствах. Серьезно она сказалась и на кобонди.

Кризис государственных промышленных предприятий (частые простои, задержки заработной платы по несколько месяцев, затоваривание складов неходовой продукцией и т. д.) плюс нарастающая инфляция усилили движение людей из государственного сектора в сектор индивидуального и кооперативного предпринимательства. Отток корейцев в частно-кооперативный бизнес

²⁷⁴ Сельская правда, 25 февраля 1989 г.

(торговый, ресторанный, строительный и др.) произошел не только из государственной экономики, но и из сферы кобонди.

С одной стороны, годы перестройки легализовали аренду. Мало того, она стала одной из наиболее пропагандируемых форм предпринимательской деятельности. Казалось бы, наступает время всеобщего признания и расцвета кобонди. Действительно, кобонди как оправдавшая себя форма предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве начинает признаваться с самых высоких трибун, с которых открыто отдается должное и корейцам. Арендный подряд в сельском хозяйстве на принципах кобонди начинает распространяться среди других народностей, ранее не практиковавших этот вид деятельности. Одна из наших информантов, узбекская женщина, начала заниматься сезонным маятниковым²⁷⁵ арендным подрядом со своей семьей с конца 80-х годов, в период легализации кобонди.

Однако легализация аренды не привела к расширению кобонди в корейской среде. За десятки лет существования кобонди корейцы приспособились к нелегальной аренде и отсутствие «Закона об аренде» не являлось для них каким-либо препятствием для осуществления кобонди. Все, кто хотел заниматься кобонди, занимались им. Кроме того, к кобонди не были устремлены помыслы всего корейского населения. Корейцы образовали серьезные прослойки в промышленности, строительстве, науке, здравоохранении и других отраслях народного хозяйства. Иначе говоря, к моменту легализации аренды в СССР уже сложилась определенная более или менее устойчивая структура занятости корейского населения. Это можно увидеть на примере корейцев Узбекистана.

²⁷⁵ Проживала она в Наманганской области, а поле арендовала в Ташкентской области, рядом с полями корейских бригад.

Таблица 9

**Распределение корейского населения Узбекистана
по отраслям труда в 1989 г.²⁷⁶**

Все народное хозяйство	Численность, (тыс. чел.)	%
Сельское и лесное хозяйство	22,7	26,3
Промышленность	17,2	19,9
Строительство	10,5	12,2
Народное образование	8,7	10,1
Транспорт и связь	4,9	5,7
Торговля, снабжение, заготовка сельхозпродукции	4,6	5,3
Здравоохранение и физкультура	4,4	5,1
Органы управления и общественные организации	3,6	4,1
Жилищно-коммунальное хозяйство, служба быта	3,1	3,6
Наука и научное обслуживание	2,5	2,8
Культура и искусство	1,1	1,4
Прочие отрасли производства и услуг	3,0	3,5
Итого	86,4	100

Как уже отмечалось, перестройка открыла дорогу в новые виды бизнеса. Поэтому мы наблюдаем не только отсутствие роста занятиями кобонди среди корейцев, но и определенный отток их из этой традиционной сферы корейского предпринимательства в другие сферы частного бизнеса. Почему корейцы стали уходить из кобонди? *Во-первых*, новые виды бизнеса не уступали по прибыльности кобонди, а в ряде случаев и превосходили его. *Во-вторых*, по сравнению с кобонди многие новые виды бизнеса выглядели более мобильными. В кобонди финансовый результат становился известным только после реализации урожая; кроме того, в случае неудачи изменить ситуацию кобондя мог лишь

²⁷⁶ *Ким Мен Гир*. Демографические особенности корейского населения Узбекистана // Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 2000. – Приложение 1. – С. 144.

спустя год, на следующий сезон. В то время как во многих других видах бизнеса возможности для наращивания прибыли или изменения тактики бизнеса не были ограничены сезонно-полевыми рамками. *В-третьих*, новые виды бизнеса не были такими трудоемкими, как полеводство, и не всегда были связаны с тяжелым физическим трудом. Мало того, они давали возможность часто ездить в зарубежные страны, как в случае торгового бизнеса, или использовать в бизнесе свою прямую профессиональную квалификацию. *В-четвертых*, кобонди, как и сельский труд вообще, даже в таком аграрном регионе, как Центральная Азия, перестал быть престижным в общественном мнении, в том числе и среди корейцев. Не случайно часто корейцы, работающие в государственном секторе, называли своих соплеменников-арендаторов не «кобондя», а высокомерно – «кобондяшник» или «лукодяшник», в которых в концентрированной форме отражены и презрительное отношение к сельскому физическому труду и кочевому образу жизни, и констатация низкого уровня духовного развития кобондя, и отсутствие воспитания и соответствующих манер, и т. д. Поэтому, если появлялась возможность достойно зарабатывать за пределами лукового или арбузного поля, корейцы не жалели с тем, что расстанутся с делом всей прежней жизни. В советский период дипломированные корейцы, занимавшиеся кобонди, не стремились бросать этот вид бизнеса, несмотря на его низкий социальный статус, поскольку он давал возможность получать больше, чем работа по специальности. После того, как открылись другие возможности высокого заработка, нежели в сельском хозяйстве, и особенно, если это было связано с полученной профессией, корейцы старались воспользоваться данной возможностью. Например, одна из наших информантов Лигай В., закончившая в 1990 г. Ташкентский экономический университет, после выхода замуж два раза ездила с мужем на Кавказ на кобонди. Они купили машину, квартиру. Но, как она признавалась, несмотря на заработок, ее тяготил труд кобондя и беспокоило будущее

детей. И когда открылись другие возможности, связанные с более широким развитием рыночных отношений в различных сферах и возникла потребность в профессиональных экономистах, она настояла на прекращении кобонди и начала карьеру по полученной специальности: экономиста по маркетингу – в консалтинговой и аудиторской компании, на бирже ценных бумаг, затем – главного бухгалтера в ряде частных фирм, специалиста – в агентстве по оценке имущества, методиста-менеджера в международной корпорации.

3.5.2. Достижения корейцев в различных областях деятельности²⁷⁷

Еще малоизученным и ярким феноменом современной центрально-азиатской истории и истории корейских диаспор являются выдающиеся достижения советских корейцев. Известно, что в результате депортации 1937 года корейцы были ограничены в своих правах. Коре сарам не являлись коренными народами ни России, ни Центральной Азии; мало того, они относились к недавно прибывшим мигрантам, не знакомым большинству населения центрально-азиатского региона. Если учесть сталинскую политику в отношении корейцев и их статус «непривилегированного» этнического меньшинства в СССР, данный феномен столь значительных достижений, несмотря на все препятствия, становится особенно удивительным и не может не вызывать восхищения. Ни одна из корейских диаспор в мире (например, Японии, Китая, США, Канады и других стран) не смогла достигнуть *такого* высокого статуса в социальной иерархии своих стран, как это сделали коре сарам в Центральной Азии.

Достаточно упомянуть, что более чем 200 советских корейцев стали обладателями самого высокого в СССР

²⁷⁷ Данные по персоналиям взяты из справочников: Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата, 1992; Ли Г. Н. Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998; Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 1999; Корейцы Казахстана: кто есть кто. – Алматы, 2005.

звания “Герой Социалистического Труда” за выдающиеся достижения в области сельского хозяйства. Но коре сарам могут гордиться не только успехами в области земледелия. Как мы уже писали, среди них есть государственные деятели, известные политики, ученые, бизнесмены, спортсмены, деятели культуры.

Такое стало возможным благодаря советской национальной политике в постсталинский период, трудолюбию самих корейцев и благожелательному отношению к ним окружавшего их населения.

Вклад корейцев в развитие сельского хозяйства Средней Азии. После депортации корейцев в Казахстан и Узбекистан в 1937 г. абсолютное большинство корейцев были сконцентрированы в колхозах и совхозах и заняты сельскохозяйственной деятельностью. Одной из причин такого распределения новых трудовых ресурсов было то обстоятельство, что в силу форсированного характера депортации и соответствующего характера расселения многие корейцы, занятые на Дальнем Востоке в рыболовстве, добыче ископаемых, интеллектуально-технологической или других сферах, не смогли найти работу по своей специальности. Немаловажной причиной было и то, что «первые авансы в виде зерна в марте 1938 г. выдавались только колхозникам»²⁷⁸.

Несмотря на весьма сложное критическое положение корейских колхозов с точки зрения их необустроенности, технической оснащенности и незнакомства со среднеазиатскими природно-климатическими и зонально-почвенными условиями, корейские земледельцы уже в первые годы своего обустройства демонстрируют успехи в получении высоких урожаев. Вот что, в частности, писал заведующий сельхозотделом ЦК ВКП (б) Узбекистана в ЦК ВКП (б)²⁷⁹: «В колхозах основных районов вселения Ташкентской области отмечается высокое знание агротехнических приемов возделывания культуры риса, в силу чего переселенческие

²⁷⁸ Ким П. Г. О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. – Вып. 6. – 1999. – С. 48.

²⁷⁹ Там же. – С. 49.

корейские хозяйства на отдельных землях ... показали весьма высокую урожайность, достигнутую от 20 до 40, а отдельные бригады – 70 центнеров при высокой стоимости трудодня».

В Казахстане, при плане 25–40 центнеров с одного гектара земли, корейцы получали урожай втрое больше – от 80 до 120 центнеров. Корейские производители риса достигли рекордных урожаев не только в отношении СССР, но и в глобальном масштабе. Например, в 1942 г. Ким Ман Сам из казахстанского колхоза «Авангард» получил 150 центнеров риса с одного гектара. Это был мировой рекорд.

Высокие урожаи достигались корейскими колхозниками не только в традиционных для них культурах (рис, бобовые и др.), но и в хлопководстве. Например, колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Узбекистана начинает заниматься хлопководством с 1941 г. В то время средняя урожайность хлопчатника по колхозам Средне-Чирчикского района составляла 21,8 центнера с гектара. Корейские земледельцы уже в первый год получили 38,7 центнера с гектара²⁸⁰. В 1944–1946 гг. они собрали 39,4 центнера. В 1949 г. в казахстанском колхозе «3-й Интернационал» были собраны 44,6 центнера хлопка с одного гектара.

Корейцы также добились рекордных урожаев пшеницы, сахарной свеклы, картофеля, кенафа, лука, бахчевых и т. д. Например, в Казахстане при плане урожая пшеницы в 9–11 центнеров с гектара корейцы собирали 30–38 центнеров. При плане сахарной свеклы в 250–260 центнеров с гектара корейцы собирали 500–800 центнеров, а при плане картофельного урожая в 40–45 центнеров с гектара, они собрали 150–500 центнеров.

Не удивительно, что, несмотря на свой статус «депортированных» и недоверие со стороны властей, с конца 40-ых по 70-ые годы за высокие достижения в сельском хозяйстве больше чем 200 корейцев получили звание «Героя Социалистического Труда», не говоря о том, что тысячи получили

²⁸⁰ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Ташкент, 1954. – С. 12.

разного рода ордена, медали и почетные звания. Если мы сравним число корейских «Героев» к численности корейцев, то советские корейцы среди других народов СССР будут занимать одно из высших мест по процентному соотношению численности награжденных к численности представителей данного этноса.

Признанием *организационных* способностей корейцев в аграрном секторе стал тот факт, что десятки колхозов и совхозов в республиках Центральной Азии было доверено руководить корейцам. Корейцы также занимали высокие должностные посты в сфере сельского хозяйства на районном, областном, республиканском и всесоюзных уровнях. Это такие высокие посты, как председатель Государственного комитета по рыбному хозяйству Узбекистана (*Х. Т. Тен*), заместитель министра мясомолочной промышленности Казахстана (*В. И. Хван*), заместитель министра хлебопродуктов Узбекистана (*Н. Д. Тен*), заместитель министра плодово-овощного хозяйства Узбекистана (*Х. Т. Тен*), председатель Республиканской Ассоциации пчеловодства Узбекистана (*М. И. Юн*), начальник отдела зерновых культур Министерства сельского хозяйства Каракалпакстана (*Н. Н. М. Тян*) и другие.

О том, какую роль в развитии сельского хозяйства сыграло кобонди, мы уже писали.

Вклад корейцев в развитие промышленности, финансовой и других сфер экономики. Наряду с сельскохозяйственными достижениями, корейцы внесли существенный вклад и в другие сферы экономики республик Центральной Азии. Они возглавляли промышленные ассоциации республиканского значения и занимали высокие посты в различных секторах государственных структур. Например, на республиканском уровне корейцы **Узбекистана** занимали (или занимают) следующие посты: генеральный директор «UzAutoSanoatTrans» (*Е. Х. Ким*), генеральный директор Ассоциации «UzTransGas» (*В. И. Тё*), генеральный директор Национальной авиакомпании “Uzbekiston Havо Yullari”

(*В. Н. Тян*), заместитель председателя правления Ассоциации легкой промышленности «UzLegProm» (*Ф. Н. Ким*), заместитель председателя Ассоциации машиностроения «UzMachProm» (*А. М. Хан*), заместитель Председателя Ассоциации транспортного строительства, «UzTransStroy» (*Л. П. Ким*), председатель правления Совета директоров Узбекского межотраслевого объединения «Shodlik» (*В. В. Огай*) и другие.

В **Узбекистане** корейцы также занимали (занимают) посты *директоров* многих промышленных предприятий: Алмалыкского завода металлических конструкций (*Ф. М. Ким*), Андижанского завода «IgMach» (*В. Г. Пак*), Ахангаранского завода строительной пластмассы (*Л. Х. Пяк*), Маргиланского завода металлоизделий (*М. Ч. Ким*), Нукусского завода безалкогольных напитков и пива (*В. М. Ким*), Ташкентского агрегатного завода (*Э. В. Тен*), Ташкентской фабрики спортивных товаров (*Тян Хак Пон*), Тахиаташского ремонтно-механического завода строительных конструкций (*Н. Д. Цхай*), Той-Тепинского завода металлоконструкций (*В. В. Шин*), Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов (*В. И. Пак*), завода «Хлопкомаш» (*В. А. Чжен*) и другие.

В **Казахстане** корейцы – *директора*: Карагандинского литейно-машиностроительного завода (*Г. П. Лу*), экспериментального завода коммунального оборудования (*Г. Н. Лу*), Джекказганского медеплавильного комбината (*И. Е. Лу*), Риддерского рудника (*Н. Д. Цой*), а также председатель Совета директоров строительной корпорации «КУАТ» (*О. Ю. Нам*), вице-президент промышленно-строительной телефонной компании «В-Telecom» (*К. П. Лим*) и другие.

Корейцы занимают высокие посты в сфере *финансов, налогов и страхования*. В **Казахстане** это – заместитель начальника Главного Управления Государственного страхового комитета Казахстана (*Г. В. Ким*), заведующий финансовым отделом Мангышлакской области (*А. П. Пак*), председатель правления страховой компании (*Е. П. Кан*) и

другие. В **Узбекистане** это – заместитель Начальника Главного управления Национального инвестиционного фонда приватизации Узбекистана (*Г. С. Ким*), главный инспектор Комитета Госконтроля при президенте Республики Узбекистана (*А. В. Ким*), начальник отдела Государственного комитета по ценам Узбекистана (*Т. А. Пан*) и другие.

С развитием банковской системы в годы перестройки и последующей независимости корейцы начали занимать высокие посты и в этом секторе. В **Узбекистане** корейцы занимают (или занимали) такие посты, как заместитель председателя Национального Банка Республики Узбекистана (*А. Т. Пак*), президент «Траст Банка» (*В. Н. Пак*), председатель правления «Инвест Банка» (*В. В. Дигай*), председатель правления «UzLegCom Bank» (*А. К. Ким*), председатель правления «Алока Банка» (*К. А. Ким*), заместитель председателя правления «Инвест Банка» (*Т. А. Пан, В. В. Дигай*), заместитель председателя правления «Асака Банка» (*А. К. Ким*). Аналогично в **Казахстане** корейцами являются (или являлись) председатель Совета директоров банка «Каспийский» (*Ю. А. Цхай*), заместитель председателя Казахского филиала Стройбанка СССР (*К. А. Цай*), заместитель председателя правления Казахского республиканского банка «Промстройбанк» СССР (*К. А. Цай*) и другие.

Наука, образование и культура. Первые корейские диссертации появляются уже в начале 1950-х. Корейцы защищают диссертации на степени кандидатов и докторов наук в области физики, математики, геологии, инженерии, сельского хозяйства, ветеринарных наук, географии, химии, биологии, медицины, фармацевтики, философии, истории, экономики, политологии, права, филологии, педагогики и искусствоведения. Всего корейцы Казахстана защитили приблизительно 500 диссертаций, и корейцы Узбекистана, согласно справочнику корейских ученых Узбекистана, – больше чем 300 диссертаций.

Среди корейских ученых **Узбекистана** один член Академии наук Узбекистана, 2 ректора и 8 проректоров универ-

ситетов, 1 заместитель директора академических научно-исследовательских институтов, десятки деканов, заведующих кафедрами и лабораториями в университетах, исследовательских и проектных институтов.

Занятые корейцами позиции в системе вузов **Казахстана** включают посты: 2 ректоров университетов, 11 проректоров и 38 заведующих кафедрами; в научных научно-исследовательских институтах и научных центрах – 2 директоров, 14 заместителей директоров, 2 заведующих отделениями, 10 заведующих отделами, 2 заведующих секторами и 15 заведующих лабораториями. Среди корейцев Казахстана 2 члена Академии наук Казахстана и 1 член-корреспондент.

В системе школьного образования корейцы широко представлены от преподавателей до директоров школ.

В культуре и искусстве корейцы также известны в различных областях. В **Узбекистане** они представлены: в балете (*В. Эгай, К. Н. Ким*), поп-музыке (*Г. Шин, О. Н. Когай*), классической музыке (*А. Б. Ким, Н. Х. Ли, С. Тен*), народном танце (*Е. Н. Ким, Хван Ден Ук*), классическом танце (*Р. Кан*); живописи (*В. Ан, Г. Н. Кан, Е. Ли, Б. А. Ким, Г. Н. Ким, А. В. Ли, Н. С. Пак, Н. С. Шин, И. Шин* и других); композиторском искусстве (*Д. Н. Ли, Пак Ен Дин, Е. Пак, Тен Ин Мук*), прозе и поэзии (*Тё Мен Хи, Угай Де Гук, В. Ли, Б. Пак, М. Ким* и др.), режиссуре кино и телевидения (*Ким Г. Н., Эгай С. В.*) и т.д. Ряд корейских деятелей культуры удостоены звания «Заслуженный артист Узбекистана», «Заслуженный деятель культуры Узбекистана», «Заслуженный деятель искусств Узбекистана». Подобный список деятелей культуры может быть составлен и по отношению к другим центрально-азиатским республикам.

Спорт. Корейцы также внесли существенный вклад в развитие спорта республик центрально-азиатского региона. Среди коре сарам такие великие спортсмены, как *Нелли Ким* (абсолютная чемпионка Олимпийских Игр по спортивной гимнастике) и *Константин Цзю* (абсолютный чемпион мира в профессиональном боксе).

В **Узбекистане** корейские спортсмены завоевывали следующие титулы:

в **тяжелой атлетике** – чемпионов республики (*В. А. Лигай*); призеров чемпионата СССР (*В. И. Ан и В. А. Лигай*); призера чемпионата Узбекистана (*Д. Ф. Ким*);

в **дзюдо** – чемпионов Узбекистана и чемпионов чемпионата СССР (*Н. Р. Ан*);

в **борьбе самбо** – чемпионов Узбекистана (*Г. Г. Ким, В. А. Ким, Р. М. Ким, Ю. С. Ким, М. Д. Ли*), чемпиона Казахстана (*В. А. Ким*), чемпионов молодежного чемпионата СССР (*Г. Г. Ким, Р. М. Ким*), призера чемпионатов СССР (*М. Ф. Ан*), чемпиона Европы (*М. Ф. Ан*), чемпиона малого чемпионата мира (*М. Ф. Ан*), призера молодежного чемпионата мира (*Р. М. Ким*), призера чемпионата мира (*Р. М. Ким*);

в **борьбе кураш** – чемпиона Узбекистана (*И. О. Нугай*);

в **боксе** – чемпиона Узбекистана (*А. Д. Цой*), призеров чемпионата Узбекистана (*А. Д. Дин, А. П. Ян*), чемпиона СССР (*Ф. Ф. Пак*), обладателя Кубка СССР (*Ф. Ф. Пак*), призеров чемпионата СССР (*Ф. Ф. Пак, В. Н. Шин*), чемпионов Вооруженных Сил СССР (*Г. Б. Тен, В. Н. Шин*), призеров чемпионата Вооруженных Сил СССР (*Лем Р. А.*), чемпиона молодежного чемпионата Европы (*Ф. Ф. Пак*), призера чемпионата мира (*В. Н. Шин*), обладателя Кубка мира (*В. Н. Шин*);

в **греко-римской борьбе** – чемпионов Узбекистана (*М. Н. Ли, О. Л. Пяк*), призера чемпионата СССР (*М. Н. Ли*);

в **карате** – чемпионов Узбекистана (*А. Ф. Ли, А. В. Ли, М. Н. Ли, В. В. Лигай, О. Л. Пяк*), чемпионов СССР (*М. Н. Ли, Э. Н. Ли, Н. А. Югай*); призеров чемпионата СССР (*А. В. Ли, О. Л. Пяк*); чемпиона молодежного чемпионата СССР (*А. В. Ли*);

в **таеквондо** – чемпионов Узбекистана (*А. Э. Ким, А. В. Ли, А. А. Ни, А. Тен*); чемпиона Европы (*Э. Н. Ли*), призеров чемпионата Европы (*А. Э. Ким, О. В. Ким*), призеров чемпионата мира (*О. В. Ким, Л. Ю. Ли*), чемпионов молодежного чемпионата мира (*Л. Ю. Ли*);

в **футболе** – чемпиона Узбекистана (*С. В. Ни*), чемпиона молодежного чемпионата Европы (*М. И. Ан*);

в **гандболе** – призера чемпионата Узбекистана (*А. Е. Хам*);

в **баскетболе** – призера молодежного чемпионата Узбекистана (*А. Р. Ким*);

в **хоккее на траве** – чемпионов Узбекистана, призеров чемпионата СССР, призеров Кубка чемпионов Азии (*А. А. Ким, И. Эм*), чемпионов СССР (*А. Е. Хам*), призера чемпионата мира (*Л. Лу*), призера Олимпийских Игр (*А. Е. Хам*);

в **фехтовании** – призера чемпионата Казахстана (*М. Н. Ким*);

в **настольном теннисе** – чемпиона Узбекистана (*В. А. Шин*);

в **шахматах** – чемпионов Узбекистана (*О. С. Ким, А. Ч. Хегай*).

В **Казахстане** корейцы завоевывали титулы: в **гимнастике** – абсолютного чемпиона Олимпийских игр (*Н. Ким*); в **плавании** – абсолютного чемпиона республики (*В. Хан*); в **таеквондо** – чемпиона мира (*Э. Нем*); в **боксе** – чемпиона Казахстана (*И. Ким*), чемпиона Азии (*П. Ни*), призера мирового чемпионата (*А. Цой*);

В **Кыргызстане** в **тяжелой атлетике** корейцы завоевывали титулы призера чемпионата СССР (*В. Е. Лу*); чемпиона Кыргызстана, СССР, Европы и мира (*С. В. Лу*); в **шахматах** – чемпиона республики (*В. А. Магай*).

Наряду с личными достижениями в спорте, корейцы сыграли огромную роль в подготовке спортсменов. Достаточно сказать, что главными тренерами национальных команд **Узбекистана** были: в **дзюдо** – *М. Ф. Ан*, в **таеквондо** – *Э. Н. Ли, О. Л. Пяк*, в **боксе** – *В. Н. Шин*, в **тяжелой атлетике** – *Д. Ф. Ким*, в **фигурном катании** – *И. А. Хван*, в **хоккее на траве** (женская команда) – *И. А. Хван*; главным тренером национальной команды Каракалпакстана в **тяжелой атлетике** – *В. А. Пак*; главным тренером национальной команды

СССР в **таеквондо** – *О. Л. Пяк*, а женской команды по хоккею на траве – *М. Д. Ким*.

В **Казахстане** главными и старшими тренерами национальных команд были: в **таеквондо** – *Э. Нем*, в **тяжелой атлетике** – *А. Г. Ни*, в **боксе** – *Ю. А. Цхай*; в **конькобежном спорте** – *М. У. Хван*; в **велосипедном спорте** – *М. У. Хван*.

В **Кыргызстане** старшим тренером национальной команды **тяжелой атлетики** был *В. Е. Ли*.

Кроме того, в **Узбекистане** корейцы занимали (или занимают) такие высокие административные спортивные посты, как генеральный секретарь Национального Олимпийского Комитета Узбекистана (*В. В. Лигай*), вице-президент Государственного комитета по спорту Узбекистана (*В. В. Фен*), генеральный секретарь Азиатского Союза борьбы кураш (*В. В. Лигай*), генеральный секретарь Федерации дзюдо Узбекистана (*Ю. С. Ким*), генеральный секретарь и исполнительный директор Федерации шахмат Узбекистана (*Р. Б. Ким*), президент Азиатской Федерации таеквондо (ITF) (*В. В. Лигай*); президент Ассоциации Таеквондо (WTF) Узбекистана (*О. Л. Пяк*, *А. В. Ли*); вице-президент Федерации дзюдо Узбекистана (*М. Ф. Ан*); вице-президент Федерации сирым Узбекистана (*Н. А. Югай*).

В **Казахстане** корейцы занимали (или занимают) такие посты как генеральный директор Олимпийского Комитета Казахстана (*А. Г. Ким*), председатель Главного тренерского Совета Казахстана (*М. У. Хван*), генеральный секретарь Евразийского Союза Всемирной Федерации Кектуги (по боям без правил) (*С. О. Кан*), генеральный секретарь Федерации волейбола Казахстана (*Ю. П. Кан*), президент Федерации Шинкиокушин-карате Казахстана (*В. А. Ким*), председатель Федерации конькобежного спорта Казахстана (*М. У. Хван*), председатель Федерации спортивных и классических танцев Казахстана (*А. Г. Ким*), председатель Федерации спортивного кино и телевидения Казахстана (*В. Г. Ким*), председатель Федерации керлинга Казахстана (*В. Г. Ким*).

В **Кыргызстане** президент Ассоциации Таеквондо (WTF) Кыргызстана – *Д. Д. Цой*.

Органы государственной власти. Корейцы были также широко представлены во властях различных уровней. Если говорить о высших правительственных структурах, то корейцы занимали следующие посты:

в **Узбекистане**: вице-премьер-министр Республики Узбекистана (*В. А. Чжен*); председатель Государственного комитета по управлению государственным имуществом и приватизацией (*В. А. Чжен*), министр местной промышленности (*В. А. Чжен*), председатель Государственного комитета по рыбному хозяйству (*Х. Т. Тен*); заместитель министра строительства (*Н. Д. Тен*), заместитель министра хлебопродуктов (*Н. Л. Тен*), заместитель министра плодоовощного хозяйства (*Х. Т. Тен*), заместитель Государственного комитета по геологии и минеральным ресурсам (*Р. В. Цой*), заместитель министра труда Республики Каракалпакстан (*Р. М. Ли*), заместитель министра образования Республики Каракалпакстан (*А. А. Пак*).

в **Казахстане**: председатель Конституционного Совета (*Ю. А. Ким*), министр (*Г. В. Ким*), заместитель министра юстиции (*Ю. А. Ким*), заместитель министра мясомолочной промышленности (*В. И. Хван*), заместитель министра автомобильных дорог (*А. Ю. Хегай*), заместитель председателя Государственного комитета по использованию и охране водных ресурсов (*А. Ю. Хегай*), заместитель Генерального прокурора (*Г. В. Ким*).

в **Кыргызстане**: министр сельского строительства (*Н. Л. Ким*), министр юстиции (*Н. Н. Бейшеналиева-Ким*), председатель Верховного суда (*Н. Н. Бейшеналиева-Ким*), заместитель председателя Государственного Контроля республики (*Л. П. Цой*).

На уровне районов и городов корейцы также занимали руководящие посты в областных, районных и городских исполнительных органах власти: в Верхне-Чирчикском районе, в городах Чирчик, Янгиер, Нукус, Фергана (Узбеки-

стан); в Каратальском районе, в городах Усть-Каменогорск, Чимкент, Кзыл-Орда, Текели (Казахстан).

Корейцы также избирались депутатами выборных органов различных уровней.

В **Узбекистане** они избирались:

- на городском уровне – в Советы Андижана, Ангрена, Алмалыка, Ахангарана, Бекабада, Коканда, Маргилана, Навои, Нукуса, Самарканда, Ташкента, Талимаржана, Тахиаташа, Термеза, Ферганы, Чирчика;
- на районном уровне – в Советы Средне-Чирчикского и Верхне-Чирчикского районов;
- на областном уровне – в Советы Андижанской, Бухарской, Самаркандской, Сырдарьинской, Ташкентской, Ферганской и Хорезмской областей.

Депутатами Верховного Совета Узбекистана неоднократно избирались *Ким Пен Хва, Хван Ман Гым, Шин Ден Дик, Тен Хайгюн, Н. В. Ким*. Узбекистанские корейцы также были представлены в высшем законодательном органе СССР – в Верховном Совете СССР (*А. Кан, Л. Ли и В. И. Цо*). В независимом Узбекистане корейцы также избирались в нижнюю палату (Олий Мажлис) парламента страны (*С. С. Ким*) и сенат (*В. Б. Пак*).

В **Казахстане**, согласно справочнику «Советские корейцы Казахстана», среди казахстанских корейцев были 1 депутат Верховного Совета СССР, 14 депутатов Верховного Совета Казахстана; 1 депутат областного, 10 депутатов городских и 10 депутатов районных Советов²⁸¹. В период независимости корейцы избирались в Верховный Совет Казахстана (*Ю. А. Ким*), нижнюю палату парламента (*Ким Р. У.*), сенат (*Г. В. Ким, Ю. А. Цхай*), в выборные органы власти городов Алматы, Каратау, Талдыкурган, Акмола, Шымкент, Тараз, Сатпаев, а также районных органов власти.

В **Кыргызстане**, в годы независимости, корейцы также избирались в парламент страны (*Шин Р. А., Сан Б. А.*).

²⁸¹ Нам представляется, что данный список не полон.

Рис. 4.1. Алексей Иванович Хегай (Хо Га И), в 1945 г. направлен советским командованием в Северную Корею, стал одним из руководителей КНДР. В 1946–1949 гг. – член Политбюро и зав. орготделом ЦК Трудовой партии Северной Кореи, член Оргкомитета партии, первый зам. председателя и секретаря ЦК ТПСК, председатель Контрольной комиссии. В 1949–1953 гг. – первый секретарь ЦК ТПК (пост Председателя партии занимал Ким Ир Сен), зам. Председателя кабинета министров.

Рис. 4.4. Ким Пен Хва, председатель колхоза «Полярная звезда» (1940–1974), дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Узбекской ССР 2–7 созывов.

Рис. 4.2. Герои Социалистического Труда колхоза им. Свердлова (Узбекистан).

Рис. 4.3. Хван Ман Гым, председатель колхоза «Политотдел» (1953–1985), Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии УзССР, депутат Верховного Совета и член Президиума Верховного Совета УзССР.

Рис. 4.5. Пак Вера Борисовна, Герой Республики Узбекистан (2001), депутат сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан (2004–2009), Заслуженный работник народного образования Республики Узбекистан (1992).

Рис. 4.6. Ким Георгий Владимирович – министр юстиции Республики Казахстан (2002–2003); Советник Президента РК, председатель Комиссии по вопросам борьбы с коррупцией и соблюдения служебной этики государственными служащими при Президенте РК (2003–2004); Заместитель Генерального Прокурора РК (2004–2009). Депутат Сената Парламента Казахстана (1998–1999, с 2013 г.).

Рис. 4.7. Бейшеналиева Нэля Николаевна – министр юстиции Кыргызстана (1998–2001, 2004–2005), председатель Верховного Суда Кыргызстана (2000–2004).

Рис. 4.8. Ким Владимир Сергеевич, один из крупнейших бизнесменов Казахстана, Президент корпорации «Казахмыс», занимающейся добычей и переработкой цветных и драгоценных металлов.

Рис. 4.9. Пак Лев Инсунович, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Ленинской премии (1959).

Рис. 4.10. Ким Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик АН Республики Узбекистан.

Рис. 4.11. Михаил Ан (Узбекистан), член сборной СССР по футболу.

Рис. 4.12. Нелли Ким – пятикратная олимпийская чемпионка (1976, 1980), пятикратная чемпионка мира, двукратная чемпионка Европы и многократная чемпионка СССР.

Рис. 4.13. Мирон Дмитриевич Ким, создатель и тренер «Андижанки», первой в СССР женской команды по хоккею на траве (трехкратного чемпиона СССР, обладателя Кубка СССР и Кубка европейских чемпионов), тренер женской сборной СССР по хоккею на траве. Игроки «Андижанки» - призеры чемпионата Европы, мира и Олимпийских игр. Алина Хам (вторая справа) – призер Олимпийских игр 1980 г.

Рис. 4.14. Николай Сергеевич Шин, заслуженный деятель искусств Узбекистана, почетный академик Академии художеств Узбекистана.

Рис. 4.15. Галина Шин, певица, заслуженная артистка Республики Узбекистан.

Рис. 4.16. Зоя Цой, певица, заслуженная артистка Республики Узбекистан.

Рис. 4.17. Виктор Иванович Ан – фото-публицист, автор фотоальбомов о коре сарам. Член творческого объединения Академии художеств Узбекистана. Член Союза фотохудожников России. Персональные выставки в Японии (1995, 2002), Корее (1996), Казахстане (1997) и Узбекистане (2002).

3.5.3. О причинах феномена “model minority” среди корейцев Центральной Азии

Трудолюбие. Часто в качестве причины объяснения достижений коре сарам называют трудолюбие. Если учесть аналогичные ссылки на достижения корейцев в других странах, то трудолюбие как национальная черта становится главным объяснением успехов коре сарам.

Действительно, эта черта корейцев, которая отмечается всеми исследователями, имеет свое объяснение. Это связано, прежде всего, с ограниченностью пригодных для ведения сельского хозяйства земель (70% Корейского полуострова это горы) и трудоемкостью возделывания риса. Оба этих фактора требовали от корейских земледельцев напряженной работы.

Отношение к работе. Среди качеств корейцев часто отмечаются рациональность и ответственность. Они могут быть объяснены теми же причинами, что и традиционное трудолюбие.

Однако трудолюбием и отношением к работе трудно объяснить феномен уникальных достижений коре сарам. Ведь корейцы США, Канады, Европы, Китая и Японии не имели в XX в. таких достижений. Значит за пределами традиционного трудолюбия и ответственного отношения к труду было нечто такое, что обусловило феномен успехов коре сарам.

Национальная политика. Достижения коре сарам, стали возможны во многом благодаря советской национальной политике, а также национальной политике в ряде центрально-азиатских государств в постсоветский период. Нужно отдавать отчет, что при другой политике, ориентированной на этноцентризм и этническую дискриминацию, среди корейцев не было бы ни Героев Социалистического Труда, ни министров и заместителей министров, ни депутатов Верховного Совета, ни сенаторов и депутатов нынешних парламен-

тов, ни лауреатов Ленинской и Государственных премий, ни миллиардеров и т. д.

Открытые горизонты. Феномен *«model minority»* – интегральное явление, которое не может быть сведено только к получению высоких урожаев. В XX веке, чтобы добиться результатов в науке, медицине, искусстве и т. д. нужно было образование. В самой Корее второй половины XIX в. и начала XX в., когда шел процесс интенсивной эмиграции корейцев, шансы получить даже начальное образование, не говоря уже о среднем или высшем, у большей части «простолюдинов» были минимальны. На Дальнем Востоке, несмотря на серьезные подвижки в деле просвещения среди корейского населения, доля неграмотных корейцев продолжала составлять высокий процент. В СССР ситуация кардинально меняется. В короткие сроки была ликвидирована неграмотность в целом, а затем и решен вопрос о всеобщем неполном, а затем и полном среднем образовании. Кроме того, открылись широкие возможности для получения бесплатного высшего образования и получения научных степеней.

Если брать различные страны мира, включая Корею, то наибольшие возможности для корейцев получить образование любых ступеней (причем, качественное, и что очень важно, бесплатное) оказались в СССР.

Известно, что получить или дать детям образование было традиционной мечтой корейцев. Открывшиеся возможности стали мощным стимулом для реализации этой мечты.

Комплекс инородца. К высокой адаптивности корейцев привела также психологическая ориентация на высоко результативный труд в условиях иноэтнического окружения и отсутствия своего национально-административного образования (данную установку можно назвать выражаясь словами писателя Александра Кана «комплексом инородца»). В конкуренции с титульными нациями и другими коренными народами Центральной Азии, русскими («старшим братом»), представителями других национальных республик,

для того, чтобы добиться признания, корейцам нужно было достигать не одинаковых, а более высоких результатов.

Постдепортационный комплекс. На «комплекс инородца» наложился постдепортационный комплекс. Будучи заподозрены в политической неблагонадежности и подвергнувшись унижительной депортации, корейцам важно было продемонстрировать свою лояльность Советской власти. Поскольку они были ограничены в политических правах, высоко результативный труд был формой демонстрации этой лояльности и способом политического выживания. Одновременно это был и способ создания нормальной системы жизнеобеспечения в сложившихся условиях.

Стратегия индивидуального карьерного роста. Депортация корейцев, как и других «неблагонадежных» народов, продемонстрировала возможность в СССР коллективного наказания – применения мер наказания к целому народу, за этническую принадлежность. Поэтому в отличие от некоторых этнических групп, в которых сильна поддержка друг друга за пределами собственных исторических родин или национально-государственных образований, корейцы стремились «выбиваться» в более высокие эшелоны социальной иерархии индивидуально. На данной стратегии сказались как традиционная разобщенность корейцев, так и боязнь быть обвиненными в кумовстве, а еще хуже – в национализме. Не редки были случаи, когда корейцы, добившиеся карьерного роста в крупных городах, старались дистанцироваться от своих соотечественников.

Чтобы сохранить достигнутые позиции и оправдать доверие власти, корейцы стремились ответственно, честно и креативно исполнять свои обязанности. Помноженная на традиционное трудолюбие эта установка давала результаты.

Позитивный рейтинг в глазах иноэтнического окружения – коренных народов Центральной Азии, славянских народов и др. – о котором уже писалось выше.

3.5.4. Изменения в структуре занятости корейцев и проблема их сбалансированного развития

Перестройка и последующие годы независимости существенно повлияли на жизнь корейцев, формы их трудовой занятости и перспективы дальнейшего существования в новых государствах. Либерализация экономики и введение государственных языков (языков титульных этносов) привели к оттоку корейцев из сферы государственной экономики в сферу частного бизнеса (торговлю, ресторанный бизнес, строительство и ремонтные работы, компьютерный бизнес, медицинские клиники, банковское дело и т.д.). Особенно много корейцев в торговле. Только в городе Алматы, где проживают около 17 тысяч корейцев, в том числе в трудовом активном возрасте около 5,5 тысячи человек, зарегистрировано свыше 350 фирм, принадлежащих корейцам. Тысячи корейцев Казахстана и Узбекистана занимаются мелким бизнесом с частной лицензией предпринимателя или вообще без регистрации. Достаточно пойти на любой рынок, чтобы увидеть массы торгующих корейцев. Не случайно на Ташкентском ипподроме – главном оптовом рынке Узбекистана – есть деление на «узбекский базар» и «корейский базар».

Коммерциализация общественного сознания и сокращения представленности корейцев в государственных структурах привели к определенному нарушению сбалансированной занятости корейцев, как это имело место в советское время. Наблюдается сокращение численности корейского студенчества, творческой, научной и технической интеллигенции. Произошел отток молодых специалистов-корейцев из науки, образования, культуры, здравоохранения и других сфер в бизнес. Уже се-

годня наблюдается разрыв в преемственности. Вслед за пожилыми и зрелого возраста докторами наук, профессорами университетов, численность которых в Казахстане составляет около 350 человек, следуют заметно поредевшие ряды 30–40-летних ученых. Молодых ученых-корейцев, активно занимающихся наукой, насчитывается несколько десятков. Такая же ситуация и в Узбекистане. Хотя эта тенденция касается всех народов СНГ, потери интеллектуального потенциала корейской диаспоры будут гораздо чувствительнее, чем для численно крупных этносов²⁸².

²⁸² Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы корейской диаспоры // International Journal of Central Asian Studies. – Seoul. – Vol. 5.

ГЛАВА 4

КОРЕЙЦЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

§ 1. Корейцы в новых государствах

4.1.1. Проблемы адаптации в новых политико-экономических условиях

Советское общество, заявившее в 70-х годах прошлого столетия о построении развитого социализма и действительно имевшее значительные достижения в различных областях (социальной сфере, образовании, науке, освоении космоса, военной индустрии и др.), в то же самое время таило в себе глубокие социальные противоречия в самих основах конструкции построенного общества. Эти противоречия в 80-х годах привели к осознанию назревших перемен, когда новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выдвинул политику перестройки и реформ, направленную на открытость мировому сообществу. Новая политика, безусловно, была исторически необходимой для укрепления жизнеспособности советского государства и его дальнейшего развития. Однако ослабление сильной централизованной государственной власти (по сравнению с предшествующими периодами), половинчатость реформ, сопровождавшихся противоречивыми реакциями в обществе в результате неоднозначных социально-экономических и политических процессов второй половины 80-х годов и ошибки руководства в конечном счете привели к крушению Советского Союза.

12 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. 20 июня того же года суверенитет провозгласил Узбекистан, в августе – Туркменистан и Таджикистан, в октябре – Казахстан и в декабре – Кыргызстан. А с августа по

декабрь 1991 г. все пять республик Центральной Азии провозгласили независимость.

Слабый Союз республик заменило Содружество независимых государств (СНГ), и каждое из этих государств попыталось поменять призрачную советскую экономику на капиталистический курс рыночных отношений. Выражаясь образно, государства пошли «вразрез с традициями, по пути модернизации». Наряду с этим, будучи в советский период под влиянием русской культуры и советской идеологии, коренные народы независимых республик Центральной Азии начали возрождение своих культурных традиций и национальных истоков.

Однако в подготовке и реализации этого политического курса, а также анонсированной демократической идеологии в условиях национального суверенитета, руководители каждой из центрально-азиатских республик (как и других стран СНГ) столкнулись с множеством проблем. При рассмотрении культурного рельефа каждой республики можно увидеть уникальное разнообразие и наслоение в многонациональном социуме тюркской, русской, арабской и других культур (достаточно сказать, что в СССР проживало более ста национальностей).

Каждая центрально-азиатская республика попыталась произвести переоценку в отношении своей национальной истории, родного языка, религии, обычаев и традиций.

Во всех республиках региона были приняты законы о государственном языке. Государственным языком в Узбекистане стал узбекский, а в Казахстане – казахский. Стремясь достигнуть полной независимости от России и дистанцироваться от советского прошлого, Узбекистан в 1998 году принимает меры по перемене письма, заменив кириллицу на использовавшуюся в 1928–1940-е годы латиницу. Во всех центрально-азиатских странах происходит возрождение ислама, который становится мощным фактором государственной политики и общественной жизни.

С другой стороны, в условиях стремительных социальных изменений русский народ, который раньше находился в положении «старшего брата», становится одним из национальных меньшинств. Приоритетный статус русских заменяется доминированием титульных коренных этносов, образующих национальную государственность.

Распад Советского Союза и образование независимых национальных государств в Центральной Азии сказались и на корейцах. В рамках СССР корейцы называли себя «советскими корейцами», то есть они были частью советского народа, во многом испытали влияние русской культуры, их родным языком постепенно становится русский. Но с распадом СССР советский народ дезинтегрируется, и корейцы уже не могут по-прежнему оставаться частью советского народа. С образованием независимых государств в Центральной Азии, корейцы начинают называться российскими или центрально-азиатскими (узбекистанскими, казахстанскими, кыргызстанскими, таджикистанскими, туркменистанскими) корейцами, одним словом, разбединенными частями некогда единого этноса.

После образования новых независимых центрально-азиатских государств и последовавшей смены общественного строя социально-политическое положение в этих странах стало таковым, что перед этническими меньшинствами встал вопрос о необходимости освоения нового государственного языка вместо привычного русского, равно как и адаптации к официально приоритетной культуре титульной нации (казахской, узбекской и т. д.). Как и другие этнические меньшинства, корейцы по-прежнему остаются русскоязычной группой, сохранившей свои национальные обычаи и в то же время адаптированные к традициям, культуре и образу жизни коренного населения региона. Впитавшая в себя компоненты русской, советской и исламской культур, корейская диаспора как новый тип этнокультурной общности Центральной Азии является одной из эффективных моделей адаптации в полиэтничестве.

4.1.2. Социальные перемены и корейская диаспора в Узбекистане

В сентябре 1991 г. Узбекистан объявил о своей независимости, а 21 декабря 1991 г. вступает в СНГ. В декабре 1992 г. Узбекистан принимает Конституцию, в которой определен демократический путь развития страны. В то же время Узбекистан является светским государством, хотя большинство населения является мусульманами и ислам поддерживается государством.

С обретением независимости Узбекистан постепенно встает на путь поэтапных рыночных отношений. Снижился уровень безработицы, показатели объема производства стали стабильны.

Согласно 4-й статье 1-й главы принятой в 1992 г. Конституции Республики Узбекистан, узбекский язык является государственным языком республики²⁸³. С принятием Закона о государственном языке корейцы, как и другие национальные меньшинства, столкнулись с проблемой незнания узбекского языка. Свободное владение узбекским предполагает успешную работу в правительственных и других государственных учреждениях. Однако владение корейцами узбекским языком является недостаточным, хотя степень его владения у них выше, чем у многих других этнических групп некоренного населения, например, русских, украинцев, евреев и других. И все же корейцы продолжают занимать руководящие посты в различных отраслях народного хозяйства, а также представляют страну за рубежом.

В 90-х годах продолжается перемещение корейцев из сельской местности в города (особенно в Ташкент), что делает их преимущественно урбанизированным этносом (по сравнению с коренным населением).

Конституция Республики Узбекистан предусматривает права и возможности наций и народностей, проживающих в республике, изучать и развивать собственные язык и культуру.

²⁸³ Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 1998. – С. 9.

туру. Представители всех национальностей имеют право образовывать свои независимые культурные центры. Свое новое дыхание и возрождение получили традиционные национальные праздники, такие, как Пурим у евреев, Сабантуй у татар, Сайлым у уйгуров, Айтыс у казахов, Рождество у славян. Корейцы, прежде отмечавшие Чусок и Хансиг, возродили праздник урожая Тано. Коренные народы на государственном уровне празднуют начало нового года Навруз, символизирующее красоту весенней природы, мир и любовь к людям.

С обретением независимости в Узбекистане регистрируются корейские, русские, казахские, армянские, азербайджанские, еврейские и другие культурные центры, которые ведут активную общественную деятельность. Благодаря продуманной национальной политике межнациональные конфликты в республике практически не существуют. Конституцией страны предусмотрено равенство между национальностями, создание условий для сохранения их традиций и обычаев и гарантии их защиты²⁸⁴.

С 1988 г. в Узбекистане начинается движение за создание корейских культурных центров. Большая роль в их создании принадлежит Республиканскому оргкомитету по созданию корейских культурных центров, возглавляемому ректором Ташкентского государственного института культуры, профессором *Сергеем Михайловичем Ханом*. В 1989 г. оргкомитетом было создано в различных районах республики 14 корейских культурных центров – в Фергане, Самарканде, Нукусе, Джизаке, Аккургане, Чирчике и других местах. Однако корейское движение не избежало борьбы амбиций и конфронтации между различными группами корейцев. В 1991 г. создается Ассоциация корейских культурных центров Республики Узбекистан (АККЦ), само создание которой вызвало споры и протесты по поводу своей легитимности. На протяжении 90-х годов деятельность АККЦ (председатели – Сергей Александрович Хан, Пётр

²⁸⁴ Там же. – С. 36.

Геронович Ким) была не в полной мере продуктивной и не раз вызывала критику в корейской среде и корейской печати. В ноябре 2000 г. в ходе перерегистрации устава АККЦ²⁸⁵ председателем республиканской Ассоциации корейских культурных центров становится известный спортсмен и тренер Владимир Николаевич Шин, с чьим приходом резко возрастают имидж АККЦ и ее активность на различных направлениях. Все чаще корейскую ассоциацию начинают приводить в качестве примера национального культурного центра²⁸⁶.

Однако межгрупповое противостояние снова дало себя знать. Отчетно-выборная конференция АККЦ в 2010 г. расколола участников конференции. Последовавшая потом судебная тяжба привела к новой конференции, где председателем АККЦ был избран бывший председатель Совета старейшин АККЦ и председатель Ташкентского городского культурного центра Николай Сергеевич Ким. Продолжившийся раскол внутри АККЦ привел к тому, что к руководству АККЦ Узбекистана пришел новый лидер, бизнесмен Виктор Николаевич Пак.

Корейская диаспора на сегодняшний день, как и другие национальные группы республики, переживает свои трудности и проблемы. До сих пор она разделена на организации, ориентированные на Юг и Север Кореи. По-прежнему актуальным является возрождение родного (корейского) языка, который для большинства корейцев утерян. Важнейшей проблемой являются поиски своей идентичности и своей социально-экономической ниши в современном узбекском обществе. В условиях укрепления национальной идеологии и повсеместного распространения узбекского языка корейцы начинают вымываться из государственных учреждений. Сложная экономическая ситуация и сужение возможностей для реализации привели к устойчивой мигра-

²⁸⁵ Свидетельство о перерегистрации устава общественного объединения, 24 ноября 2002 г., № 448п.

²⁸⁶ Хан В. С. Коре сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев). – Бишкек, 2009. – С. 150–183.

ции корейцев Узбекистана за пределы республики, прежде всего, в Россию. В Узбекистане число корейцев уменьшилось с 183 140 человек в 1989 году до 172 384 по состоянию на 1 января 2001 года²⁸⁷. В последующие годы численность корейцев продолжает уменьшаться. По данным Государственного комитета Узбекистана по статистике, в 2002 году она составила 169,6 тыс. человек, в 2003 г. – 166,1 тыс., в 2004 г. – 161,7 тыс., в 2005 г. – 157,3 тыс., в 2006 г. – 153,0 тыс., в 2007 г. – 150, 1 тыс., в 2008 г. – 147,7 тысячи²⁸⁸.

Однако если говорить о национальной культуре, то сейчас, в отличие от условий советского времени, корейская диаспора, безусловно, имеет ряд преимуществ и, прежде всего, свободу своего национально-культурного развития. Так, корейский язык изучают в целом ряде вузов Узбекистана. Это Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Ташкентский государственный институт востоковедения, Узбекский государственный университет мировых языков (в этих вузах есть кафедры корейского языка), Самаркандский государственный институт иностранных языков (здесь открыт факультет с контингентом в 200 человек), Университет мировой экономики и дипломатии, Нукусский, Ургенчский и Наманганский университеты, Ангренский областной педагогический институт. Действуют также открытые южными корейцами школа «Седжонг» и курсы «New Nore». Всего в Узбекистане действуют около 158 различных курсов и центров преподавания корейского языка (школы, колледжи и вузы, курсы при корейских культурных центрах и т. д.), где в общей сложности обучается около 12 тысяч человек²⁸⁹.

Выходят корейские газеты «Корё синмун» (печатается с 1997 г.), «Единство» и передача «Чинсэн» на государственном телевидении.

²⁸⁷ Ким В. Д. Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 46.

²⁸⁸ Хан В. С. Коре сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев). – Бишкек, 2009. – С. 146.

²⁸⁹ История корлита (1956–2006 гг.). – Ташкент, 2006. – С. 41.

4.1.3. Социальные перемены и корейская диаспора в Казахстане

В отличие от Узбекистана, в Казахстане реформы по переходу к рыночным отношениям носили более динамичный характер. Несмотря на высокие показатели безработицы и инфляции в начале 1990-х годов, даже в переходный период в стране наблюдался стремительный экономический рост. Идет развитие промышленности, налаживается экспорт нефти, привлекаются международные инвестиции.

Благодаря благоприятному географическому положению, Казахстан поддерживает тесные торгово-экономические отношения с Россией. Казахстан держится демократической политики, и в отношениях с Россией у него практически не существует разногласий, что препятствует возникновению каких-либо политических или экономических проблем между ними. В 2011 г. Казахстан, Россия и Беларусь создают Таможенный союз, в 2012 г. – Единое экономическое пространство, а в 2014 г. – Евразийский экономический союз.

После распада СССР в республике сокращается разница в процентном соотношении казахов и русских, которых в советский период было больше. Вследствие притока казахов (оралманов) из других стран (постсоветских республик Центральной Азии, Китая и Монголии) и значительного оттока русскоязычного населения из Казахстана, к 1997 г. численность казахского населения достигла 15 860 000 человек, что составило 50,65 %, а русских – 32,8 %. Украинцы составили 4,54%, узбеки – 2,26%, татары – 1,75% и другие национальности – 6%²⁹⁰. Таким образом, казахи составили большую половину населения. По статистическим данным, на 1999 год казахское население составило 53,4 %. По данным переписи 2009 г., численность казахов продолжает увеличиваться и составила 63,07%, в то время как число русскоязычного населения сокращается²⁹¹.

²⁹⁰ Статистический бюллетень. – Алматы, 1999. – С. 11.

²⁹¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Казахстана.

Национальная политика Казахстана продолжает политику этноцентризма, и вместе с тем с минимизацией возможной напряженности с другими этническими народами, особенно русскими. Казахская политика в области этнических отношений очень схожа с российской. Казахстан не раз провозглашал поддержку российской политики национально-культурной автономии, которая направлена на упразднение сложных вопросов в сфере этнических меньшинств. Правительство Казахстана отдает отчет, что жесткий контроль и силовая дискриминационная политика в области этнических отношений может спровоцировать дополнительный массовый миграционный отток этнических меньшинств. Русская диаспора в Казахстане вместе с другими русскоязычными этническими группами имеет большой удельный вес. Эти группы (русские, украинцы, евреи, немцы, корейцы и др.) широко представлены высококвалифицированными кадрами в области промышленности, сельского хозяйства, науки, образования, культуры и спорта. Уход специалистов из этих областей может негативно повлиять на экономический потенциал Казахстана.

Национальные культурные центры начинают создаваться в Казахстане уже в годы перестройки. 18 июня 1989 г. прошло учредительное собрание Алма-Атинского корейского культурного центра, а 17 марта 2000 г. – учредительный съезд Республиканской ассоциации корейских культурных центров Казахстана (РАККЦК)²⁹². Корейцы получили возможность развивать свою национальную культуру, искусство, изучать историю; также возникла возможность взаимного культурного и экономического обмена с Республикой Корея. На 3-м съезде республиканского форума в октябре 1995 года РАККЦК была преобразована в Ассоциацию корейцев Казахстана (АКК). Мощная материально-техническая база АКК, помощь местных корейских бизнесменов, авторитетное руководство способствовали развитию изучения корейского языка и культуры, достижению достойного

²⁹² Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы, 2000. – С. 188–189.

места в многонациональном Казахстане, внешнеэкономическому обмену (как с Южной Кореей, так и с Северной), экономической стабильности корейской диаспоры. В годы независимости в Казахстане сформировалась группа очень состоятельных бизнесменов; достаточно сказать, что по данным журнала “Forbes” на протяжении ряда лет первую строчку самых богатых людей Казахстана занимал кореец – Владимир Сергеевич Ким, президент и крупный акционер корпорации «Казахмыс», занимающейся добычей и переработкой цветных и драгоценных металлов. Своего расцвета АКК достигла при Юрии Андреевиче Цхае, известном тренере бокса и крупном бизнесмене, ставшим депутатом Сената Парламента Республики Казахстан (2007–2013). Сегодня АКК возглавляет Роман Ухенович Ким, депутат Мажилиса Парламента Казахстана.

В 1997 году в Казахстане были проведены широкие общественные мероприятия по случаю 60-летия со дня переселения корейцев.

4.1.4. Корейская диаспора в Кыргызстане

В Кыргызстане программа рыночной экономики сопровождалась линией на развитие собственного производства, поскольку в республике в результате оттока русскоязычного населения и аграрной специализации в советский период не хватало специалистов. Однако внешнеторговые отношения с Россией, Казахстаном, Узбекистаном и Китаем по-прежнему поддерживались, они активно действуют и в настоящее время.

Численность населения Кыргызстана по данным переписи 2009 года составила 5 362 793 человека: кыргызов – 70,9%, узбеков – 14,3%, русских – 7,8 % населения. По сравнению с советским периодом численность русских и русскоязычного населения сокращается. Численность ко-

рейцев – около 17 000 человек, в основном они сконцентрированы в столице Бишкеке и Чуйской области²⁹³.

Учредительная конференция ассоциации корейцев Кыргызстана «Чинсон» была проведена 16 декабря 1989 г.²⁹⁴ В январе 1998 г. происходит объединение Ассоциации корейцев Кыргызстана с региональной организацией АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи, ориентированная на КНДР). Новое объединение получило название Общественное объединение корейцев Кыргызской Республики. В 1998–2004 гг. его возглавляет Роман Александрович Шин, депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, а в 2005–2012 гг. – Борис Анатольевич Сан, также депутат Жогорку Кенеша КР. С 2012 г. президентом Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики становится Валерий Павлович Цой.

В 2006 г. в Бишкеке был открыт Корейский народный дом. С этого же года выпускается корейская газета «Ильчи» на корейском и русском языках.

4.1.5. Миграционные процессы среди корейцев

Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 года до распада СССР численность корейцев СССР составляла 439 000 человек²⁹⁵, большая часть которых проживали в Центральной Азии – 321 000 чел. После 1989 г. начинается значительная миграция корейцев из республик Центральной Азии, прежде всего, в Россию. В 1999 г. численность корейцев СНГ составляет 487 353 человека. А в пяти странах Центрально-азиатского региона – 322 868 человек. Спустя 10 лет, к 2009 году, в СНГ – 537 981 и Центрально-азиатском регионе – 300 901 чел. (см. таб. 10).

За 20 лет численность проживающих на территории СНГ корейцев возросла на 100 000 человек. Изменилась

²⁹³ http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии

²⁹⁴ Ленин Кичи, 19 декабря 1989 г.

²⁹⁵ Национальный состав населения (по переписи населения 1989 г.) // Народное хозяйство СССР в 1990 г. – М., 1991. – С. 77–80.

карта расселения корейцев по СНГ. Уменьшилось число корейцев в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Армении, Грузии, Азербайджане, в то время как их число выросло в России, Украине, Беларуси и странах Балтии. Имеет место миграция коре сарам в Южную Корею, США, Канаду, Австралию и Европу.

Таблица 10.

**Распределение этнических корейцев в СССР (СНГ)
и данные о миграции²⁹⁶, чел.**

Страна	1989 (по переписи населения СССР)		1999 (МИД Кореи)		2009 (МИД Кореи)	
Россия	107 051	116 627	153 400 ↑	163 808 ↑	222 027 ↑	236 419 ↑
Украина	8 669		8 939 ↑		13 001 ↑	
Беларусь	638		1 200 ↑		1 265 ↑	
Молдова	269		269 →		126 ↓	
Армения	242	271	10 ↓	30 ↓	378 ↑	541 ↑
Азербайджан	29		20 ↓		163 ↑	
Грузия	94		50 ↓		28 ↓	
Латвия	249	570	3 ↓	29 ↓	46 ↑	92 ↑
Эстония	202		–		5 ↑	
Литва	119		26 ↓		41 ↑	
Узбекистан	183 140	321 089	181 241 ↓	322,969 ↑	175 939 ²⁹⁷ ↓	300 901 ↓
Казахстан	103 315		113 000 ↓		103 952 ↓	
Кыргызстан	18 355		20 000 ↑		18 810 ↓	
Таджикистан	13 431		6 228 ↓		1 762 ↓	
Туркменистан	2 848		2 500 ↓		438 ↓	

В России, Беларуси, Украине количество корейских мигрантов значительно возросло. Если раньше корейцев было больше в Узбекистане, то к 2007 году в России – 207 225 чел., а в Узбекистане уменьшилось до 150 100 чел. Миграция корейцев была обусловлена как межнациональной обстановкой в центрально-азиатских республиках (введение го-

²⁹⁶ Национальный состав населения (по переписи населения 1989 г.) // Народное хозяйство СССР в 1990 г. – М., 1991; Положение зарубежных корейцев в 1999 г. МИД РК, 1999; Положение зарубежных корейцев в 2008 г., МИД РК, 2008.

²⁹⁷ Данные МИД Кореи ошибочны. По данным Госкомитета Узбекистана по статистике, количество корейцев в 2008 г. насчитывалось 147,7 тыс.

сударственных языков, сокращение представителей этнических меньшинств в государственном секторе, сужение поля перспектив в новых национальных государствах), так и экономическими возможностями стран-реципиентов (ростом их экономик, повышением уровня занятости, количеством мест работы, условий труда).

В Азербайджан и Армению мигранты потянулись из-за нефтяного бума, в поисках высокооплачиваемых мест работы, и к 2009 году численность корейцев не только в России, но и в этих странах как нарастала, так и продолжает возрастать.

Можно увидеть несколько особенностей предпосылок корейской миграции в условиях распада СССР и смены социального строя в новых государствах.

Во-первых, это экономические трудности, с которыми столкнулось население Центральной Азии в конце перестройки и первые годы независимости. Это политика, направленная на приоритетное развитие титульных наций в новых государствах. В некоторых республиках, как например, в Таджикистане, миграция осуществлялась на религиозной почве, в условиях гражданской войны, что способствовало появлению так называемых вынужденных переселенцев.

Миграция 90-х годов носила ярко выраженный этнический характер. Конечно, это были люди, отличные от титульной национальности – не только корейцы, но и русские, немцы и другие, составлявшие национальное меньшинство.

Большое количество корейцев мигрировало в Приморье России, что можно назвать репатриацией. Начиная с 1999 г. и в последующие 10 лет оно все усиливалось. Из Таджикистана сюда прибыло 1169 человек, Казахстана – 974, Узбекистана – 767, Кыргызстана – 440, Туркменистана – 49; Латвии – 57, Эстонии – 28, Литвы – 8, Грузии – 207, Азербайджана – 161, Армении – 27 человек²⁹⁸. На самом деле их было гораздо больше, и указанные данные неполны. Начи-

²⁹⁸ Ващук С. Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX в.) // Вестник ДВО РАН. – №. 2. – 2000. – С. 23.

ная с конца 1992 года число вынужденно мигрирующих увеличивалось и в 1994 г. достигло пика.

В-вторых, изменился характер миграции, особенно с половины 90-х годов. Поток мигрантов не прекращался, хотя это не было продиктовано опасностью для жизни или чрезвычайно неудовлетворительными политическими условиями. Скорее всего, причиной тому стала экономическая нестабильность. Россия являлась экономически привлекательной зоной с возможностью для хороших заработков, большим количеством рабочих мест. Следующие данные показывают, что с половины 90-х годов миграция из республик Центральной Азии продолжается не из-за национальных конфликтов, а как добровольное переселение с целью больших заработков.

Общее количество мигрантов из центрально-азиатских республик в Приморье составило 71% от общего количества прибывших в этот регион. Из Казахстана в 1995 г. сюда прибыло 288 человек, в 1996 г. – 450, в 1997 г. – 633, в 1998 г. – 728, в 1999 г. – 974; из Кыргызстана – в 1995 г. прибыло 370 человек, в 1996 г. – 415, в 1997 г. – 449, в 1998 г. – 452, в 1999 г. – 440; из Узбекистана в 1995 г. прибыло 430 человек, в 1996 г. – 623, в 1997 г. – 697, в 1998 г. – 729, в 1999 г. – 767 человек.²⁹⁹

В-третьих, миграция этнических корейцев в Россию в значительной степени носила характер «натурализации» – либо когда корейцы мигрировали с советскими паспортами, либо по программе возвращения соотечественников.

В 1979 г. количество корейских мигрантов в Приморье составило 8 300 человек, в 1989 г. – 53 898, а на Дальнем Востоке в целом к 1994 году – 69 140 человек. Но это неполные данные о мигрантах, так как многие из них не

²⁹⁹ Ващук А. С. Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX в.) // Вестник ДВО РАН. – 2000. – №. 2. – С. 25.

имели официальных документов, а около 40 процентов вообще не имели регистрации.

Таблица 11

Ежегодная миграция корейцев в Приморье³⁰⁰, чел.

Годы	1989	1992	1993	1994	1995	1996	1997	..	2002
Население	372	744	765	1 222	1 339	582	52	..	17 899

В Уссурийске действует Фонд защиты корейцев «Возрождение», председателем которого является Тельмир Ким. Бывшее в 1994 году 10-тысячным, население корейцев здесь к 1998 году увеличилось втрое, достигнув количества 30 000 человек. В 1996 году корейское население Приморья составляло 26 000 человек, а в 2006 г., по данным администрации национального культурного общества г. Владивостока (председатель Ли Вячеслав), в регионе уже проживали около 36 000 корейцев.

Корейцы еще в советский период стали ездить на «кобонди» на Северный Кавказ, чему способствовали прекрасные природные условия этого региона. Земли и климат на стыке Каспийского и Черного морей были схожи с условиями Приморья и побережья Корейского полуострова. Корейцы также мигрируют в Ростовскую, Волгоградскую, Новосибирскую области и другие районы России. Безусловно, переезд такого количества корейцев в Россию был обусловлен более высокими жизненными условиями в этой стране.

Сегодня в России созданы все условия для реабилитации гражданских прав пострадавшего от депортации корейского народа и предусмотрены все юридические и практические меры по реализации национального возрождения.

³⁰⁰ Бузай Н. Ф. Корейцы России: экономика и культура. – М., 2008. – С. 462–463.

§ 2. Корейское общественное движение³⁰¹

В конце 80-х годов, в условиях перестройки и процессов демократизации, корейцы стали создавать свои национально-культурные организации. Опыренные свободой этнического самовыражения, помноженного на традиционно присущие амбиции, корейцы с завидной энергией стали соревноваться друг с другом в создании всевозможных корейских обществ. Сколько их было? Корейские культурные центры, Интернациональное культурно-просветительское общество корейцев, АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи), Бомминрён («Общенациональное единение»), МКАДиС (Международная ассоциация дружбы и сотрудничества) и т.д. Другие этнические группы, как то: евреи, немцы, украинцы, татары, азербайджанцы и др., создав по одному своему центру, лишь с удивлением взирали на корейские, растущие как после дождя грибы, общества, центры и ассоциации.

³⁰¹ Данный параграф представляет собой сокращенный и отчасти переработанный вариант статьи, написанной совместно с казахстанским ученым Г. Н. Кимом, а также включает фрагменты ранее опубликованных статей автора. – См.: Хан В. С., Ким Г. Н. Десять лет спустя: размышления о пути, пройденном в корейском движении // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы, 2000. – С. 185–209 (Перевод на англ.: Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later // The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR. Korean and Korean American Studies Bulletin. – Vol. 12. – № 2. – New Haven: East Rock Institute, 2001. – P. 114–140); Хан В. С. Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки // Десять лет спустя. (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана) / отв. ред. В. С. Хан. – Ташкент, 2001. – С. 26–36; Хан В. С. Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности // Десять лет спустя. (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана) – Ташкент, – С. 49–56; Хан В. С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 69–76; Хан В. С. Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ. – «Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии». Алматы – Хельсинки, 1993. – № 1 (Перевод на англ.: Paradigms and Problems of National Movements: Social-Philosophical Analysis // Occasional Papers. – Vol. 2. – Seattle: Korean American Historical Society, 1996. – P. 82–85).

4.2.1. Как это начиналось

Перестройка и последовавший за ней распад СССР радикальным образом изменили жизнь и сознание этнических меньшинств. Новые подходы в сфере национальных отношений впервые нашли отражение в резолюции «О межнациональных отношениях», принятой на XIX-ой Всесоюзной партконференции (28 июня – 1 июля 1988 г.). Однако формулировки резолюции были столь обобщенными и расплывчатыми, что не имели каких-либо конкретных выходов в область практических решений. Решающим документом, определившим основные направления в решении национального вопроса, стал сентябрьский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, принявший платформу КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». Следующим шагом стало принятие в апреле 1990 г. Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», в котором рекомендации Пленума, в частности, возможность создания в местах компактного проживания национальных групп национальных административно-территориальных единиц (национальные районы, национальные поселки, национальные сельсоветы), и право на создание общественных объединений, основанных на этническом принципе (национальные культурные центры, национальные общества и землячества), получили законодательное закрепление. Позже были приняты закон СССР «Об общественных объединениях» (9 октября 1990 г.), а также соответствующие законы в Казахстане, Узбекистане и других республиках, юридически закрепившие право этнических меньшинств на создание своих организаций.

Первые инициативные группы по созданию корейских культурных центров в бывшем Советском Союзе возникли почти одновременно в Ташкенте, Алма-Ате, Москве и других городах, где проживали значительные по численности и

значимые по своему интеллектуальному потенциалу корейские диаспоры.

12 декабря 1988 г. в Ташкенте под председательством профессора *Сергея Михайловича Хана* состоялось учредительное собрание «Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров». С этого дня и начинается отсчёт массового корейского движения в СССР. Несколькими днями позже было проведено учредительное собрание «Культурно-просветительского центра советских корейцев», возглавляемого поэтом Б. Паком, позднее переименованного в «Интернациональное культурно-просветительское общество корейцев Узбекистана». На протяжении 1989 г. Республиканский оргкомитет по созданию корейских культурных центров создал 14 таких центров в городах и районных центрах Узбекистана. «Несомненной заслугой оргкомитета, – отмечает журналист Б. Ким, – является создание им культурных центров на местах. Они вскоре возникли в Джизаке, Фергане, Самарканде, Нукусе, Чирчике, Аккургане, Бухаре, то есть практически в большинстве городов и районов, где имеются более или менее значительные корейские общины. Более того, именно местные культурные центры раньше ташкентских получили официальный статус, и первым среди них стал корейский культурный центр Ферганской области, возглавляемый зампредом областного комитета народного контроля Р. П. Ляном»³⁰².

Среди столичных центров официальную регистрацию первым прошел корейский культурный центр г. Алматы, созданный на учредительном собрании, прошедшем 18 июня 1989 г. в здании республиканского корейского театра. Проект программы и устава были опубликованы заранее в газете «Ленин Кичи»³⁰³. В последующие месяцы в Казахстане были созданы корейские культурные центры в г. Уштобе, Актюбинской, Жамбылской, Уральской, Карагандинской, Кзыл-Ординской, Кокчетавской областях, а также в других городах и районах республики. Задачи координа-

³⁰² Ким Б. Ветры наших судеб. – Ташкент, 1991. – С. 140.

³⁰³ Ленин Кичи, 14 июня 1989 г.

ции деятельности и консолидации усилий корейских культурных центров выдвинули на повестку дня вопрос о создании организации, объединяющей всех корейцев в масштабе всей республики. В этой связи осенью 1989 г. в Алматы был создан оргкомитет по подготовке и проведению Учредительного съезда корейцев Казахстана. Оргкомитетом под председательством профессора *Гурия Борисовича Хана* была проделана большая работа. В областях корейские культурные центры провели собрания и выбрали своих делегатов на первый съезд корейцев.

17 марта 1990 г. прошел учредительный съезд корейцев Казахстана, на котором была создана Республиканская ассоциация корейских культурных центров Казахстана (РАККЦК). Он на альтернативной основе избрал президента – профессора Г. Б. Хана. Ассоциация была официально зарегистрирована 15 мая 1990 года³⁰⁴.

Учредительная конференция Ташкентского городского культурного корейского центра состоялась 27 февраля 1990 г. Всего в Узбекистане было образовано 24 областных, районных и городских корейских культурных центра. 12 января 1991 г. была создана Республиканская Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана³⁰⁵.

Учредительная конференция Культурно-просветительской ассоциации корейцев Киргизстана была проведена 16 декабря 1989 г.³⁰⁶

19 марта 1990 г. в Москве состоялся Учредительный съезд советских корейцев, создавший Всесоюзную ассоциацию советских корейцев (ВАСК). С развалом СССР на 2-ом съезде ВАСК, состоявшемся 29 февраля 1992 г. в Алма-Ате, было решено принять в соответствии с новыми общественно-политическими реалиями новое название – Международная конфедерация корейских ассоциаций (МККА)³⁰⁷.

³⁰⁴ *Кан Г.В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 186.

³⁰⁵ *Ким П.Г.* Корейцы Республики Узбекистан. – Ташкент, 1993. – С. 122.

³⁰⁶ Ленин Кичи, 19 декабря 1989 г.

³⁰⁷ *Ким Ен Ун.* Из жизни международной конфедерации корейских ассоциаций // Актуальные проблемы российского востоковедения. – Москва, 1994. – С. 154.

Темпы создания корейских организаций в различных регионах СССР протекали неодинаково. Порой от начала создания инициативных групп до официальной регистрации проходило более чем два года, как это было в Узбекистане. Подобная затяжка была связана со следующими причинами.

Во-первых, местные регистрирующие органы часто не решались брать на себя инициативу в вопросе регистрации общественных объединений и ждали указаний сверху. Подобная волокита вызвала появление в прессе критических статей относительно регистрации корейских культурных центров³⁰⁸.

Во-вторых, зачастую у местного аппарата было «свое» понимание по «корейскому вопросу», и он в большей степени руководствовался этим пониманием, нежели буквой Закона, что было вообще характерным для советской аппаратной практики. Принятие корейскими инициативными группами навязываемого понимания вопроса становилось своеобразным условием разрешения на проведение учредительной конференции и регистрации.

В-третьих, вмешательство властей в регистрацию корейских культурных центров было во многом обусловлено противостоянием корейских инициативных групп и сопутствующими ему жалобами и протестами в местные руководящие органы.

И, наконец, многое объясняется тем, что в самом начале зарождения корейских общественных организаций людям, особенно на местах, не хватало опыта и знаний. В. Ким, бывший заведующий ташкентским корпунктом «Ленин Кичи» и активный участник создания корейских культурных центров в Узбекистане, так вспоминает атмосферу корейского движения на начальных этапах: «Никто не знал, где регистрировать общественную организацию, но все понимали, что без регистрации нельзя. Почему? Кто мешает открывать курсы языка, создавать кружки художественной

³⁰⁸ См. статью проф. С. М. Хана в газете «Правда» от 16 ноября 1989 г.

самодеятельности, праздновать свои праздники? Вроде бы никто. Но нам даже в голову не приходило, что можно все это организовать самостоятельно. Слишком хорошо мы знали, как поступают в советской стране с теми, кого заподозрили в национализме, в создании несанкционированных обществ...»³⁰⁹.

4.2.2. Особенности первоначальных целей и задач корейских организаций

При своем создании все корейские организации в качестве своих основных и первоочередных задач продекларировали возрождение национальной культуры, языка, традиций и обычаев. Подобная узко-ориентированная на культуру программа деятельности корейских ассоциаций была отнюдь не случайной. (Это нашло отражение даже в названии наиболее массовых корейских организаций – культурных центров).

Можно выделить следующие факторы, обусловившие декларацию возрождения языка, обычаев и традиций в качестве основных целей и задач корейских обществ, центров и ассоциаций.

Во-первых, тема «возрождения» была знаковой в период перестройки. Все новации и реформы шли под лозунгами «возрождения» утерянного. Все говорили о возрождении ленинской концепции социализма, о возрождении деревни, о возрождении национальных культур, обрядов и обычаев, о возрождении традиционных промыслов, о возрождении Ясной Поляны и Арала и т. д. И здесь цели и задачи корейских обществ совпадали с общепринятой риторикой и направленностью постановки насущных проблем.

Во-вторых, в сфере национальных отношений тема возрождения культуры, языка, обычаев и традиций этнических меньшинств была менее опасной для властных структур, нежели поднимаемые крупными титульными этносами такие

³⁰⁹ Ким В. (Енг Тхек). Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 61.

темы, как выход из Союза на основе права на самоопределение, передел территориальных границ между республиками, перераспределение полномочий центра и республик. Несмотря на то, что союзный и местные законы об общественных объединениях давали право регистрировать любые организации, за исключением экстремистских, направленных на свержение конституционного строя, пропаганду фашизма, разжигание религиозной и национальной вражды, на практике на местах регистрация тех или иных объединений полностью зависела от властных структур. Иначе говоря, регистрация носила не заявительный, а разрешительный характер. И если бы корейцы в уставных документах в качестве своих целей и задач отразили бы не возрождение культуры, а более деликатные, обсуждаемые в кулуарах, вопросы, такие, как создание национально-административных единиц (Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», предусматривал возможность создания таковых) или возвращение в Приморье, можно однозначно сказать, что подобные уставы не были бы зарегистрированы. Разрешительный характер жёстко контролируемой властями регистрации общественных объединений предоставлял лишь усеченную возможность для самореализации этнических меньшинств. Таким образом, хотя законодательная база *формально* и открывала широкие возможности для национальных групп, *фактически* среди множества проблем малых этнических групп был открыт шлюз лишь для решения вопросов культуры (возрождения языка, обычаев и традиций), так как это не затрагивало политических и экономических основ системы и не провоцировало возможного осложнения социально-политической ситуации.

В-третьих, тема возрождения культуры, языка, обычаев и традиций этнических меньшинств была менее опасной не только для властных структур, но и для самих корейцев. К чему могут привести конфликты на этнической почве, свя-

занные с другими, более острыми вопросами, все видели на примере Нагорного Карабаха, Цхинвали, Абхазии, Приднестровья, Ошской области, Ферганской долины. Если к этому добавить память о пережитой депортации с её последствиями, то станет ясно, что учредители корейских организаций сознательно не анонсировали в своих уставных документах каких-либо задач, могущих быть детонатором потенциальных осложнений и негативных перемен в отношении корейцев.

В-четвертых, поскольку корейцы СССР являлись не нацией в строгом смысле слова, которой присущи определенная атрибутика и институты (государство, общенациональный государственный язык, территория и т. п.), а этнической группой (советские корейцы или коре сарам), они идентифицировали себя прежде всего по национальной культуре: языку, обрядам, обычаям, традициям, кухне, песням, танцам. Этническое самосознание коре сарам сводилось именно к этим составляющим. По другим параметрам они не отличали себя от других граждан СССР. Естественно, что в условиях появившихся возможностей этнической самореализации самосознание корейцев было обращено в первую очередь к национальной культуре, к тому, что в самосознании корейцев их отличало от других. Другие отличия в тот период самосознание корейцев не фиксировало.

В-пятых, в период создания корейских организаций корейцы ещё не осознали себя в качестве субъекта политической деятельности. Политическое сознание общины ещё не проснулось³¹⁰. Этим объясняется культурная направленность программных документов корейских организаций.

4.2.3. Первые корейские организации

Корейское движение с самого начала не избежало конфронтации между различными организациями. Например, в Узбекистане с самого начала возникло соперничество меж-

³¹⁰ Хан В. С. Корейская диаспора сегодня // Корё Ильбо, 22 января 1994 г.

ду «Республиканским оргкомитетом по созданию корейских культурных центров» и «Инициативной группой по созданию Интернационального культурно-просветительского общества корейцев Узбекистана». «Это была война не идей, принципов, путей создания культурного центра. – пишет журналист Б. Ким. – Достаточно беглого взгляда на программы и уставы обеих групп, чтобы убедиться в полной идентичности их содержания. ...Казалось бы, это полные единомышленники, которые должны были объединить свои усилия, чтобы ускорить процесс создания культурного центра и начать конкретные дела. Однако этого не произошло, ибо это была война за лидерство, борьба амбиций»³¹¹. Позже соперничество, а порой и откровенная борьба, развернулось между Ташкентским корейским культурным обществом и Ассоциацией по содействию объединению Кореи (АСОК), между кулуарно созданной Ассоциацией корейских культурных центров Узбекистана³¹² и областными культурными центрами, между Ассоциацией корейских культурных центров Узбекистана и Ташкентским корейским обществом «Возрождение» и т. д.

Подобное проходило повсеместно. Например, в России это проявилось в противостоянии между ВАСК и Ассоциацией российских корейцев (АРК), созданной московской группой корейцев в пику ВАСК в октябре 1991 г. Особенно всем памятны напряженные отношения между ВАСК и Ассоциацией содействия объединению Кореи (АСОК), созданной ташкентской группой корейцев. Доходило до того, что на форумы ВАСКа (Всесоюзной ассоциации советских

³¹¹ Ким Б. Ветры наших судеб. – Ташкент, 1991. С. 137–140; О противостоянии инициативных групп по созданию культурных центров более подробно см.: Ким В. Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург, 1998; 고려사람 우리는 누구인가? – 서울, 재외동포재단 총서4, 1999, [한 세르게이 공저].

³¹² История учредительной конференции Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана – действительно малоприятная страница корейского движения. При её создании отсутствовали представители 7 областей из 11. Б. Ким так её характеризует: «Ленин Кичи» дала об этом чрезвычайном событии коротенькую заметку, да и то за подписью нештатника. Ни один из четырех сотрудников Ташкентского корпункта газеты на учредительную конференцию не был приглашен, как не были приглашены свыше 100 из 150 делегатов, избранных на местах». – Ким Б. Ветры наших судеб. – Ташкент, 1991. – С. 141.

корейцев) не допускались те же советские корейцы, если они были членами АСОК, как это случилось на Учредительном съезде ВАСКа с представителями корейской общины Галабинского района Ташкентской области. Противостояние на уровне союзных организаций имело соответствующие последствия и на местах. «С первых дней создания АСОКа СССР активисты Ассоциации корейцев Кыргызстана выступали в республиках против многих пунктов Устава и Программы АСОК», – фиксирует ситуацию в Кыргызстане в прошлом Г. Н. Ли³¹³. Аналогичная ситуация в Узбекистане: «Появление АСОК было встречено корейской общественностью неоднозначно. Одни увидели в ней альтернативу культурным центрам, которые из-за непрекращающихся распрей никак не могли оформиться юридически и организационно, другие – нового участника борьбы за лидерство. ...Когда же АСОК развернула свою деятельность, причем весьма масштабно и энергично, на неё посыпались обвинения в прокимерсеновской ориентации, чрезмерной коммерциализации и т. д.» – пишет Б. Ким³¹⁴.

В Казахстане такое противостояние на уровне республиканской организации корейцев не наблюдалось, однако натянутые отношения, соперничество и конфликтные ситуации проявлялись в культурных центрах различных регионов и городов.

Фактически речь шла не просто об отдельных конфликтах, а об устойчивом и достаточно длительном противостоянии «всех против всех» по всему периметру корейского пространства.

4.2.4. Руководящая элита корейских культурных центров

В борьбе за лидерство в корейских культурных центрах и ассоциациях верх одержали представители научно-но-

³¹³ Ли Г. Н. Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998. – С. 26.

³¹⁴ Ким Б. Ветры наших судеб. – Ташкент, 1991. – С. 147.

менклатурной интеллигенции, и, прежде всего, ученые-обществоведы:

Таблица 12

Казахстан		
Хан Г. Б.	Доктор философских наук	Президент Республиканской ассоциации корейских культурных центров Казахстана
Узбекистан		
Хан С. М.	Доктор философских наук	Председатель Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров
Хан С. А.	Кандидат исторических наук	Председатель Ташкентского корейского культурного общества, затем Председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана
Ким П. Г.	Доктор исторических наук	Председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана
Россия		
Пак М. Н.	Доктор исторических наук	Президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев
Шин А. С.	Доктор исторических наук	Президент Ассоциации российских корейцев

Обществоведами были представлены не только первые лица корейских культурных центров, но и их заместители:

Узбекистан: Шегай М. Ю. (кандидат философских наук, зам. председателя Ташкентского корейского культурного общества), Тен К. П. (кандидат педагогических наук, зам. председателя Ташкентского корейского культурного общества).

Казахстан: Хван Б. С. (кандидат исторических наук, зам. председателя Совета Ассоциации корейских культурных центров Казахстана).

Россия: Югай Г. А. (доктор философских наук, вице-президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев); Хан Г. Б., доктор философских наук, вице-президент ВАСК.

Особенность этой прослойки заключалась в том, что ее составляли представители идеологических дисциплин (философия, научный коммунизм, история КПСС и т.д.), тесно связанные с партийной номенклатурой. Причина того, почему профессора–обществоведы почти повсеместно возглавили корейские организации, в следующем.

Во-первых, связи с партийными и государственными органами давали возможность быстрее решения организационных вопросов по созданию корейских центров. *Во-вторых*, эти же связи давали возможность лоббировать те или другие интересы корейских центров. *В-третьих*, в силу профессиональной специализации и опыта работы в партийных органах эта прослойка была более основательной в создании уставных документов, концепции культурных центров, налаживании организационной работы. *В-четвертых*, будучи органичными элементами партийно-государственной системы, профессора-обществоведы в качестве руководителей таких деликатных образований, как национальные центры, как нельзя лучше устраивали органы власти.

4.2.5. Особенности деятельности корейских организаций на начальном этапе

Особенности деятельности корейских организаций на первых этапах своего развития выразились в следующем.

Во-первых, в копировании, причем не в лучшем варианте, принципов и стиля работы партийных и советских органов. Это было вполне естественно, поскольку корейские культурные центры относились к разряду общественных

объединений (к ним относились КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы и т. д.), создавались ещё в советский период, были подотчетны партийным и государственным организациям и зависимы от них. В чём это выражалось? Прежде всего, в недемократическом стиле работы, а также в ориентации на количественные и промежуточные результаты, в формализме, мероприятиях для «галочки».

Во-вторых, в ветеранской направленности, т. е. деятельность корейских организаций была основана на взглядах старшего поколения диаспоры. Активистами корейских организаций также в основном являлись представители старшего поколения, а молодые люди являли редкое исключение.

В-третьих, в этнографической направленности мероприятий (празднование Нового Года по лунному календарю, Оволь Тано и т.д.), в *оторванности* от насущных проблем корейской диаспоры.

В-четвертых, в слабой материальной базе, которая не позволяла осуществлять крупномасштабные проекты.

Необходимо отметить, что в различных организациях и в различных регионах работа корейских организаций была поставлена по-разному. Например, в региональном аспекте, если сравнить деятельность двух аналогичных организаций – Ассоциаций корейских культурных центров – в Казахстане и в Узбекистане, то авторитет, масштабность и результативность первой будет намного выше. Если взять различные организации, расположенные на одной территории, например, Ташкентское городское общество «Возрождение» и Ташкентское корейское культурное общество, то в 90-годах приоритет был у «Возрождения». В аналогичном положении оказались АСОК и МКАДиС, если брать организации с международным юридическим статусом.

Противостояние корейских организаций не прошло бесследно для корейского движения. Оно привело к ряду негативных последствий.

Во-первых, движение, имеющее в конечном счете одни и те же цели, раскололось на враждующие лагеря. Диаспора потеряла целостность своего существования и развития. Возник феномен «мелких раздробленных княжеств», когда раздробленность корейского движения стала вести к его малоэффективности. Это проявилось в упущенных возможностях, потере масштабности проектов, замедленных темпах реализации перспектив, дублировании мероприятий, распылении сил.

Во-вторых, постоянные склоки привели к падению имиджа корейцев в глазах властных структур. Раздробленность корейского движения, отсутствие единой сильной позиции позволяла органам власти вмешиваться в дела корейцев, что стало вести к потере самоуправленческих начал в корейских организациях.

В-третьих, на определенном этапе основная масса людей стала уставать от внутренних склок. Это привело к тому, что люди, и зачастую лучшие, стали отходить от корейского движения, перестали участвовать в делах корейских организаций. Возникла угроза девальвации ценности корейского движения.

Противостояние корейских организаций и характер их деятельности рано или поздно должны были привести к их кризису и осознанию необходимости перемен. Конечно, острота кризиса в различных регионах и организациях была различной. Однако в той или иной форме она была зафиксирована везде.

«В последние годы, – описывает ситуацию в Кыргызстане до 1998 г. Г. Н. Ли, – штаб Ассоциации корейцев «Чинсон» не играл координирующую роль в национально-культурном движении, в работе терял авторитет. Наблюдалась тенденция разрыва с массами. Как небо и земля отличались информация о работе наверху и работа среди корейцев»³¹⁵.

Б. Ким так оценивает деятельность первого «кулуарно» избранного председателя Ассоциации корейских куль-

³¹⁵ Ли Г.Н. Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998. – С. 23.

турных центров Узбекистана: «В низовых звеньях зрело недовольство деятельностью С. А. Хана, которая сводилась лишь к приему и проводам зарубежных гостей, проведению праздничных мероприятий, а основная задача – возрождение языка, культуры, реальная помощь местным центрам – была отодвинута на второй план»³¹⁶. Под давлением общественности С. А. Хан вынужден был уйти. «Уже в июне 1991 года на расширенном заседании совета ассоциации председателем был избран профессор Ким Петр Геронович, – описывает Б. Ким положение в Республиканской ассоциации в другой книге. – С приходом нового главы в ассоциации не прекратились распри и междоусобица, что отрицательно сказывалось на организации её работы. В течение всего 1992 года, например, не удалось провести ни одного заседания совета ассоциации. Лишь в январе 1993 года, когда над ассоциацией нависла реальная угроза развала, заседание совета все же состоялось, а руководство ассоциации, наконец, стало налаживать связи с местными центрами. Согласно уставу, высшим органом ассоциации является конференция, которая созывается раз в пять лет. Однако за 8 лет отчетно-выборные конференции не проводились»³¹⁷.

От корейских культурных центров стали отходить, а кое-где и полностью отошли, научно-техническая и творческая интеллигенция, представители серьёзного бизнеса, молодежь. Деятельность культурных центров была сведена к набору дежурных мероприятий. Энтузиазм и активность, свойственные первым годам, стали спадать, сказывалась усталость масс и лидеров, многие из которых возглавляли корейские организации по второму сроку. Но самым ярким симптомом кризиса стала пассивность людей и их апатия по отношению к так называемым «корейским делам».

По признанию Ким Ен Уна, одного из бывших лидеров корейского движения в России, «основная масса корейцев обходится без корейских ассоциаций, поскольку ни по про-

³¹⁶ Ким Б. Ветры наших судеб. – Ташкент, 1991. – С. 141.

³¹⁷ Ким Б. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент–Сеул, 1999. – С. 17–18.

изводственным вопросам, ни по социальным вопросам их жизнь не связана ни с ассоциациями, ни зачастую с другими корейцами. Другими словами, жили они в советское время без корейских ассоциаций и сейчас проживут без них»³¹⁸.

В Казахстане, по мнению Г. Б. Хана, можно выделить в корейском национальном движении два этапа. На первом этапе (конец 80-х – середина 90 гг.) шел процесс формирования корейских национальных культурных центров. Характерной особенностью его явилось то, что внутри движения было несколько корейских организаций и объединений. Для подавляющего большинства из них главными направлениями деятельности было содействие пробуждению национального самосознания, изучению родного языка и своей истории, возрождению национальной культуры, традиций и обычаев³¹⁹.

На новом этапе перед национальным движением корейской диаспоры Казахстана встали более сложные задачи: прежде всего, достижение истинной консолидации, единения и солидарности; объединение всех корейских культурных центров и обществ в единую организацию; создание прочной экономической базы движения; смена поколений в руководстве движения на всех уровнях; привлечение новых, свежих молодых и энергичных сил; укрепление и развитие международных связей и т.д. В своем отчетном докладе на 3-ем съезде корейцев Казахстана Г. Б. Хан, президент РАККЦ, заявил: «Мы хотим первыми в странах СНГ осуществить давнюю мечту наших предков – преодолеть такие уродливые явления, как групповщина, внутренние трения, интриги, зависть»³²⁰.

³¹⁸ *Ким Ен Ун*. Корейский этнос в постсоветском пространстве // Хо Ун Бе (Хо Дин) в воспоминаниях современников. – М., 1998. – С. 26.

³¹⁹ *Хан Г. Б.* Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997. – С. 143.

³²⁰ Там же. – С. 144.

Таким образом, понимание необходимости перемен зрело уже исподволь, и дело оставалось за их исполнением.

4.2.6. Новый этап и перемены

Перемены начались с обновления руководства корейских ассоциаций. Причем речь идет не просто о новых людях. К руководству пришли представители иного поколения и иной сферы деятельности, а именно: бизнеса. В декабре 1995 г. президентом Ассоциации корейцев Казахстана становится Ю. А. Цхай, заслуженный тренер СССР по боксу, бизнесмен; в январе 1998 г. президентом Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики становится Р. А. Шин, президент бизнес-центра «Эльдорадо»; в России президентом Общероссийского объединения корейцев также стал бизнесмен – Цо В. И. В Узбекистане председателем Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана стал В. Н. Шин, известный боксер и бизнесмен.

Смена профессоров бизнесменами – закономерное явление. Оно было вызвано рядом причин. Во-первых, возраст профессорского руководства сказывался на результативности деятельности ассоциаций. Во-вторых, отсутствие практической жилки и бизнес-проектов плачевно сказалось на состоянии материально-технической базы корейских культурных центров. В-третьих, в силу профессионального и возрастного консерватизма прежнее руководство уже не в состоянии было изменить привычный стиль мышления и работы.

При новом руководстве начинает происходить постепенная смена ценностных ориентиров корейских ассоциаций, главным вектором которых становится курс на консолидацию.

В январе 1998 г. в Кыргызстане произошло важное событие – объединение Кыргызстана Ассоциации корейцев Кыргызстана и региональной организации АСОК.

Но особенно важными для корейского движения были интеграционные процессы в Казахстане, в силу численности казахстанской диаспоры и её роли в развитии корейской культуры и корейского движения в целом. В июне 1996 года на пленуме АКК был обсужден новый закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях», по которому Ассоциация должна была иметь не менее чем в половине областей республики свои филиалы, для того чтобы считаться республиканской. В последующее время была проделана большая кропотливая работа по консолидации корейских региональных центров.

В двух других крупных диаспорах – узбекистанской и российской – консолидирующие процессы ещё не стали доминирующими. В январе 1999 г. в Москве состоялся IV отчетно-выборный съезд Ассоциации корейцев России (АКР), где указывалось, что одна из острых проблем – разобщенность московской диаспоры. В Москве сегодня действует 13 разных организаций, и часто в правительство России по одному поводу обращаются с одинаковой просьбой сразу несколько обществ. Делегаты съезда высказали замечания президенту АКР Ли О. А. по поводу отсутствия сплоченной команды³²¹.

4.2.7. Актуальные проблемы корейской диаспоры

Среди актуальных проблем корейской диаспоры СНГ я бы выделил следующие.

Проблема консолидации. Несмотря на некоторое изменение ситуации в корейском движении, проблема *консолидации* по-прежнему является его одной из важнейших задач, как с точки зрения единства корейских организаций внутри отдельных стран СНГ, так и с точки зрения целостности коре сарам вообще. Однако консолидация не должна осуществляться в ущерб демократичности корейского дви-

³²¹ Коре ильбо, 11 февраля 1999 г.

жения, а также не должна осуществляться через внешнее давление (органы местной власти, корейские посольства).

Создание комплексной концепции национального возрождения (не ориентированной только на культуру) и реализация ее на различных уровнях. Еще в начале 90-х годов в своих работах автор данного параграфа ставил вопрос: «Что и для чего возрождается?», подвергая критике а) *имитационную* модель концепции возрождения и б) *культурную* направленность деятельности корейских организаций.

Говоря о возрождении национальной культуры, следует помнить, что у коре сарам сформировался определенный смешанный культурный генофонд, вобравший в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур.

Разница в обычаях, моделях поведения и общения вовсе не означает некоей ущербности коре сарам. Это естественный результат, сопутствующий формированию новой субэтнической группы, коей и являются корейцы СНГ. Обладая собственной культурой, коре сарам вовсе не обязательно подражать культуре Корейского полуострова, обрекая тем самым себя на комплекс неполноценных корейцев³²².

При понимании *возрождения* корейской культуры как копирования поведенческих моделей, принятых в Коре, коре сарам должны кардинально изменить свой образ жизни, психологию, менталитет, то есть принести в жертву свои привычки, обычаи и традиции. А хотят ли они этого? Южнокорейские бизнесмены, профессора и пасторы постоянно подчеркивают принцип единокровия («все мы корейцы»). Беря его как базисный, они выводят из него принцип долженствования, который фактически сводится к тому, что коре сарам должны во всем следовать моделям поведения и сознания южнокорейцев. Разумеется, что это рано или

³²² См.: Хан В. С. Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. – Алматы–Хельсинки, 1993. – № 1.

поздно приводит к негативной реакции со стороны местных корейцев.

Кроме того, если говорить о «корейскости» обычаев и обрядов, то здесь пока больше вопросов, чем ответов. Например, погребальная обрядность в Корее имеет значительные расхождения с практикой коре сарам, хотя считается, что именно в ней наиболее устойчиво сохранились традиционные элементы ритуала, их атрибутика и семантика. Ясно, что нецелесообразно механически копировать какие-то действия, если они выпадают из контекста жизнедеятельности и не соответствуют уже трансформированному менталитету³²³. А в контексте американизации современной культуры Южной Кореи вопрос о том, что значит быть «настоящим корейцем», действительно остается открытым.

Что касается *культурной* направленности деятельности корейских организаций, то мне представляется, что это слишком узкие рамки. Речь должна идти о более широком спектре реализации и защиты прав корейцев как этнического меньшинства.

Выработка стратегии адаптации в условиях независимых государств. Перед коре сарам, не имеющими национально-государственного образования, стоит не только проблема возрождения, но и проблема выживания как сложившегося этноса.

В рамках Советского Союза проблемы *национального* выживания *советских корейцев* как этноса не существовало³²⁴, поскольку именно в качестве «советских» корейцы и являлись продуктом советской системы, будучи носителями сформированной в рамках этой системы культуры. Но существовала проблема национального выживания корейцев как носителей *традиционной корейской культуры*.

Новые реальности, сложившиеся в странах СНГ после распада СССР, породили и проблему национального выжи-

³²³ Ким Г. Н. Актуальные проблемы корейской диаспоры Казахстана // Республика Казахстана: Межэтнические аспекты социальных и экономических реформ. – Алматы, 1993. – С. 123.

³²⁴ Нельзя путать проблемы выживания этноса с проблемами выживания физических лиц, классов и т. д.

вания «советских корейцев» как сложившейся этнической группы. Корейцы уже дважды (на Дальнем Востоке и в Средней Азии) адаптировались к новым условиям. Результатом этой адаптации и ассимиляции и стало образование такой субэтнической русскоязычной группы, как «советские корейцы». После распада СССР и образования СНГ перед корейцами встала не только проблема национального возрождения как *корейцев*, но и проблема национального выживания, сохранения себя как определенной субэтнической группы – советских корейцев (коре сарам).

Дело в том, что в качестве таковой этнической реальности корейцы осознают себя как русскоязычная группа со смешанной культурой. В рамках СССР они осознавали себя как этническую *целостность* в рамках единого государства, несмотря на то, что они проживали в разных регионах – на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Украине, в Средней Азии, Москве и т. д. После распада СССР корейская диаспора оказалась разделенной в соответствии с границами новорожденных государств. Новые реальности могут привести к тому, что корё сарам как целостность потеряют свое лицо и начнут трансформироваться в новые этнические образования – корейцы Узбекистана, корейцы Казахстана и т.д. с соответствующим новым направлением ассимиляции.

Иначе говоря, проблема выживания *советских корейцев* сегодня трансформируется в проблему *конструирования новой идентичности*, согласно новой геополитической реальности. Так, сегодня уже можно наблюдать противопоставление одних корейских диаспор другим. Это проявляется в конфликтах интересов корейских ассоциаций стран СНГ и даже в обыденной речи, когда корейцы Узбекистана называются «узбеками», а корейцы Казахстана – «казахами». В этом плане являются показательными события последних лет, когда некоторые инициативы казахстанских корейцев были подвергнуты критике или заблокированы со стороны узбекистанских корейцев, усмотревших в этом попытку играть «первую скрипку» в регионе.

Разделенность корейских диаспор усугубляется тем, что деятельность всех корейских ассоциаций стран СНГ основана на политике лояльности по отношению к государствам проживания и, соответственно, государственной политике. В силу того, что в центрально-азиатском регионе наблюдаются конфликт интересов, борьба за лидерство, претензии, озвученные на государственном уровне, межгосударственные трения не могут не отразиться на межкорейских делах. Можно однозначно утверждать, что если те или иные проекты междиаспорного сотрудничества и интеграции будут критически восприняты государственными органами тех или иных стран, корейские ассоциации поддержат позицию государственных органов своих стран, а не соотечественников из соседних стран.

Направленность и характер адаптации корё сарам в новых условиях будут определяться спецификой социально-политических и экономических реалий во вновь образовавшихся странах. Особенно тяжелы и мучительны будут поиски своей ниши в странах, где имеет место тенденция к становлению мононациональных государств.

В настоящий момент корейцы – один из наиболее урбанизированных этносов Центральной Азии. Около 90% корейцев проживают в городах. Причем проживают они все более разобщенно, замыкаясь в узко-личностном кругу. Потеря компактности проживания – безусловно, один из факторов дезинтеграции.

В последние 10–15 лет среди городских корейцев наблюдается значительный удельный вес межнациональных браков. К примеру, в Алматы, где проживает каждый 5-й кореец Казахстана, он составляет около 40%³²⁵. В результате появилась генерация корейцев-маргиналов с весьма слабо развитым чувством этнического самосознания.

Снижение образовательного уровня, нарастающая коммерциализация в выборе ценностных ориентаций, уход из многих, прежде занимаемых ниш трудовой деятельности,

³²⁵ *Ем Н. К* проблеме национально-смешанных браков // Известия корееведения. – Вып. 2. – Алматы, 1997. – С. 43.

ведут к потере социокультурных, качественных характеристик корейской диаспоры.

Выработка концепции взаимодействия с Республикой Корея, КНДР и корейскими диаспорами других стран; более активное участие в межкорейском диалоге. При установлении контактов корейской диаспоры с исторической родиной в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сразу же сказался фактор «Север–Юг». Корейское движение оказалось расколотым на корейские культурные центры, ориентированные на Юг, и АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи), ориентированную на Север³²⁶. В силу экономических, а отчасти политических, причин контакты корё сарам с южанами по своей интенсивности и объёму намного превосходили соответствующие контакты с северянами.

Во-первых, в отношениях, как с Севером, так и с Югом, корейской диаспоре СНГ нужно сохранять бóльшую независимость.

Очень важно, чтобы взаимоотношения между диаспорами и Кореей строились на следующих принципах.

Принцип равноправия. В процессе отношений между диаспорами и Кореей не должно быть деления на «настоящих» (представителей полуострова) и «не настоящих» (диаспорных) корейцев. Подобное деление само по себе не верно, а в упомянутом контексте несёт в себе оскорбительный смысл.

Принцип равноправия также подразумевает отсутствие политики не эквивалентного отношения к разным диаспорам.

Принцип взаимоуважения. Часто диаспорные корейцы слышат упреки в том, что у них недостаточно «корейского», что у них язык не тот, что у них обычаи не те, что они ведут себя не по-«корейски».

Необходимо осознать, что особенности корейских диаспор – это реальность, и её надо воспринимать таковой,

³²⁶ По принципу «Север – Юг» оказались разделенными не только корё сарам. Корейская диаспора в Японии также разделена на «Миндан» («Ассоциацию корейских граждан в Японии»), ориентированную на Юг, и «Чхочхонрен» («Генеральную лигу корейских граждан в Японии»), поддерживаемую Севером.

какова она есть, и что это предмет гордости для корейских диаспор, а не недостаток.

Принцип невмешательства. Ни для кого не секрет, что корейские посольства неоднократно вмешивались в дела корейских организаций СНГ, оказывая прямое давление на принятие тех или иных решений. К чему это привело? Только к реакции отторжения. Взаимоотношения Кореи и корейских диаспор должны строиться на принципах невмешательства.

Принцип взаимопомощи. Взаимопомощь должна базироваться на взаимно обоюдных интересах. Когда корейцы из Кореи стали прибывать в страны СНГ, они были заинтересованы в налаживании выгодных связей, в продвижении своего бизнеса на новых рынках. Местные корейцы помогли им в этом. Теперь корейский бизнес в СНГ и, в частности, в Центральной Азии, имеет столь прочные позиции, что составляет в этом регионе конкуренцию самым мощным державам мира. Что касается помощи из Кореи корейцам СНГ, то в основном она связана с поддержкой очагов корейской культуры (корейских школ и курсов по изучению корейского языка, корейских СМИ, эстрады, традиционных праздников и т. д.), поскольку это соответствует представлениям Кореи о «корейской идентичности». Безусловно, помощь очагам корейской культуры нужна. Однако проблемы «корейской идентичности» не являются самыми актуальными для корейской диаспоры СНГ. Достаточно сделать самый простой опрос, чтобы убедиться в том, какие проблемы волнуют людей.

Во-вторых, ей необходимо налаживать самостоятельные связи с корейскими диаспорами других стран.

В-третьих, ей (как и другим диаспорам) необходимо играть более активную роль и в межкорейском диалоге. В частности, она, как и диаспоры других стран, может сыграть свою конструктивную роль в вопросе объединения Кореи.

При рассмотрении проблемы объединения Кореи необходимо различать два взаимосвязанных, но все же различающихся процесса: *процесс объединения двух корейских государств и процесс объединения корейской нации*. С нашей точки зрения, высказанной еще в середине 90-х годов, процесс национального объединения является первичным, а процесс государственного объединения – вторичным. В то время как государственное объединение может стать делом не одного десятилетия, вопросы национального объединения могут решаться более или менее эффективно уже сегодня³²⁷.

Вопрос национального объединения встает на повестку дня в связи с *глобализацией этничности*, заменившей глобальное противостояние социально-политических мировых систем. Как показывает опыт евреев, китайцев, армян, казахов, татар и других этносов, государственные границы и характер отношений между теми или иными государствами не являются помехой для консолидации в национальном аспекте. И в Корее все чаще ставят вопрос о международном корейском сообществе (Global Korean Community).

Какова роль корейской диаспоры как составной части Global Korean Community в объединении корейцев и Кореи? Мне представляется, что этот фактор до сих пор не задействован в должной мере, в то время как он обладает большим потенциалом.

³²⁷ Khan V. S. The World, Philosophy and the Problem of the Koreans National Reunion // "Newsletter of Korean Studies in Kazakhstan". – Vol. 1. – Almaty, 1996.

Данная статья была написана в 1991 г., но Северная Корея не приняла ее из-за «про-южнокорейской направленности», а Южная Корея - из-за «про-севернокорейской направленности». В конечном счете статья была опубликована в Казахстане в 1996 г. Вопрос объединения в обеих Кореях больше обсуждался с точки зрения будущей формы государственности объединенной Кореи (унитарное государство или конфедерация), нежели с точки зрения переходных шагов, способных обеспечить доверие, нормальные дипломатические отношения, регулярные контакты и сотрудничество между народами обеих Кореи. И только годы спустя южнокорейские политики пришли к пониманию того, о чем я писал в своей статье (в новой политике «солнечного света» Ким Тэ Джуня, направленной на укрепление мер доверия в различных областях).

Северная и Южная Кореи при обсуждении вопроса об объединении Кореи все время настаивают на *принципе невмешательства*. Иначе говоря, объединение ими рассматривается как *внутреннее* дело корейцев. Возникает вопрос: *каких* корейцев? Из того, как складывается практика переговоров – корейцев Корейского полуострова. Но понятие «корейцы» включает не только жителей Северной и Южной Кореи. Есть еще 7-миллионная корейская диаспора. Мне представляется, что подключение зарубежных корейских диаспор к этому процессу могло бы способствовать его конструктивности.

Во-первых, переговорный процесс часто находится в тупике, поскольку носит характер взаимоисключающих позиций. Причем согласие с противоположной стороной зачастую рассматривается как поражение, а согласие (добровольное или вынужденное) противоположной стороны с собственными инициативами – как успех. Когда переговоры ведут недружественные стороны с заведомым намерением: чьи позиции пройдут, а чьи – нет, можно с уверенностью говорить о малой эффективности таких переговоров. Когда же инициативы исходят с третьей стороны, они не обязательно должны изначально педальроваться, поскольку не исходят с враждебной стороны³²⁸.

Во-вторых, концепция двухсторонних переговоров противоречит концепциям Global Korean Community, «национального единства», «великой национальной консолидации», поднимаемым Севером и Югом. Как возможна национальная консолидация, если а) более 7 млн. зарубежных корейцев³²⁹ фактически не имеют возможности каким-либо образом влиять на процесс объединения своей исторической родины и б) они сами разъединены по принципу «Север–Юг»?

³²⁸ Там же.

³²⁹ По данным Фонда зарубежных корейцев при МИДе Республики Корея, сейчас за пределами полуострова проживает 7 млн. человек в более чем 170 странах мира.

Рис. 5.1. Хан Сергей Михайлович – доктор философских наук, профессор, ректор Ташкентского государственного института культуры, председатель первого в СССР Республиканского оргкомитета по созданию корейских культурных центров (1988–1989).

Рис. 5.2. Ким Петр Геронович - доктор исторических наук, профессор, председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана (1991–2000).

Рис. 5.3. Хан Сергей Александрович – кандидат исторических наук, председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана (1991).

Рис. 5.4. Шин Владимир Николаевич – обладатель Кубка мира по боксу, бронзовый призёр чемпионата мира, двукратный чемпион СССР, многократный чемпион Узбекской ССР, «Заслуженный мастер спорта», «Заслуженный тренер Узбекистана». Председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана (2000–2010).

Рис. 5.5. Пак Виктор Николаевич – председатель Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана (с 2012 г.).

Рис. 5.6. Хан Гурий Борисович, доктор философских наук, профессор, председатель Республиканской Ассоциации корейских культурных центров Казахстана (1990-1995).

Рис. 5.7. Юрий Андреевич Цхай - председатель Ассоциации корейцев Казахстана (1995–2007). «Заслуженный тренер СССР» и «Заслуженный тренер КазССР», «Заслуженный работник Культуры КазССР». Президент и председатель совета директоров ряда компаний Казахстана. Депутат Сената Парламента Республики Казахстан (2007–2013)

Рис. 5.8. Ким Роман Ухенович – председатель Ассоциации корейцев Казахстана (с 2007 г.). Аким Каратаевского района Алматинской области (1999–2002), депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан V созыва.

Рис. 5.9. Шин Роман Александрович – президент Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики (1998–2004). Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики III, IV и V созывов.

Рис. 5.10. Сан Борис Анатольевич – президент Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики (2005–2011). Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики IV созыва (2007–2010).

Рис. 5.11. Цой Валерий Павлович – президент Общественного объединения корейцев Кыргызской Республики (с 2012 г.).

Рис. 5.12. Ким Виктор Михайлович – председатель правления Ассоциации советских корейцев Таджикистана.

Сегодня корейская диаспора является предметом политической борьбы. Соответственно, одни корейские диаспоры ориентированы на Север, другие – на Юг. Такого рода «перетаскивание каната» пагубно как для национальной консолидации в целом, так и для процесса межгосударственного объединения, в частности.

4.2.8. Выводы

Если подытожить итоги развития корейского движения в странах СНГ, то их можно сформулировать следующим образом:

Во-первых, массовое корейское национальное движение стало возможным в результате новых подходов в национально-культурной политике высшего руководства Советского Союза. На начальном этапе оно было серьёзно ограничено регламентирующим контролем партийно-государственных органов.

Во-вторых, для начального этапа движения было особо характерно наличие множества корейских организаций, имевших, как правило, идентичные программные цели и задачи.

В-третьих, основные программные цели и задачи корейских организаций носили культурную направленность: возрождение национальной культуры, родного языка, обычаев и традиций. Пробуждение этнического самосознания происходило на фоне реализации этих задач.

В-четвертых, у истоков формирования и первоначального развития корейского движения стояли в основном представители научной интеллигенции, сыгравшие важную и положительную роль в организации корейских культурных центров, определении форм, методов и содержания деятельности, налаживании связей с государственными и общественными учреждениями Республики Корея и КНДР.

В-пятых, корейское национальное движение не обошли стороной такие явления, как амбициозность, разобщен-

ность и конфронтация, ставшие серьезными препятствиями в достижении консолидации и единства корейской диаспоры, повлекшие за собой отток большого количества людей из корейского движения, отразившиеся на имидже корейской диаспоры и усложнившие взаимодействие корейских организаций с государственными органами.

В-шестых, необходимость перемен на современном этапе корейского движения продиктована как всей совокупностью политических и социально-экономических процессов на постсоветском пространстве, так и внутренней логикой развития самого этого движения. Перемены нашли свое проявление в смене лидеров корейского национального движения, в определении новых приоритетов деятельности, в расчете на собственные силы и средства, в укреплении организационной структуры. На настоящий момент интенсивность перемен в корейском национальном движении стран СНГ носит неравномерный характер.

В-седьмых, в странах СНГ продолжается углубление различий в социально-политической, экономической и национально-культурной политике, что влечёт за собой формирование различных условий существования корейских диаспор. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на специфику актуальных проблем корейских диаспор в тех или иных странах СНГ, которую необходимо учитывать в формировании стратегии и тактики корейского национального движения.

§ 3. Трудовая миграция коре сарам в Республику Корея и репатриация

В августе 2009 года, по данным Управления безопасности Республики Корея, в стране было зарегистрировано 1 106 884 иностранных гражданина. Эта цифра составляла 2,2% процента от всего населения Кореи. По сравнению с количеством иностранцев в 2008 г., которое составляло 891 341 человек, их прирост в 2009 г. составил 24%. Больше

всего было китайцев, включая китайских корейцев, - 56,6 %, с Юго-Восточной Азии – 21,2%, американцев – 5,4%³³⁰. Известно, что на протяжении веков Корея придерживалась политики изоляционизма и вплоть до середины XX века была практически мононациональной страной. Тот факт, что численность иностранцев в Корее за сравнительно короткий срок перешла миллионный рубеж, означает, что корейское общество переходит к мультикультурному.

С 1990-х годов Республика Корея расширяет международные связи и становится открытой страной для мирового сообщества. Количество приезжающих и уезжающих иностранцев в страну за последние пять лет достигло 40 000 000 человек. Увеличилось число выезжающих корейцев за границу на учебу, появилось много иностранных рабочих, а также приезжающих по малому и среднему частному бизнесу. Значительную долю среди приезжающих на заработки составляют диаспорные корейцы.

Большое количество иностранных граждан в Корее породило присутствие множества различных культур. С учетом межэтнических браков это постепенно приводит к тому, что некогда гомогенная в этническом отношении страна постепенно становится многонациональной, что влечет за собой экономические, социальные и культурные последствия.

4.3.1. Приток соотечественников и изменение политики привлечения иностранной рабочей силы

Приток иностранной рабочей силы оказал огромное влияние на экономическое положение и политику в отношении приезжающих иностранцев в стране. Он особенно увеличился с 1993 года, с принятием *Закона по контролю правил въезда и выезда*, предусматривающего внедрение системы стажеров в народном хозяйстве с 2-х годичным

³³⁰ “국내에 외국인 백만시대가 도래했다”, 『서울신문』, 2000년 8월 6일 (наступила эпоха проживать миллионом иностранцев в Корее // Сеул синмун, 6 августа 2000).

сроком, которая была создана с целью экономического укрепления и развития промышленности развивающихся стран и передачи им передовых технологий. Стажеры разделялись на работников (рабочих и специалистов) в сфере производства и в сфере иностранных инвестиций. Но стажеры не имели статус легальных рабочих, т. е. людей, имевших визу, дающую право на трудоустройство.

Количество иностранцев-стажеров с каждым годом возрастало, и это, безусловно, повлияло на увеличение иностранцев, имеющих право на трудоустройство. В 1990-х годах количество стажеров, специалистов и легальных рабочих было 50 000–60 000 человек в год, а спустя 10 лет, в начале 2000-х годов, эта цифра стала достигать до 80 000 человек.

Однако через некоторое время эта система была пересмотрена. Двухлетний срок стажировки был сокращен на один год, но после аттестации, если стажер успешно ее проходил, ему предоставляли право 2-х летнего пребывания в Корее с обязательным трудоустройством на 2 года. С апреля 2002 года эта система носит название системы для стажеров с последующим трудоустройством в народном хозяйстве, которая повлекла за собой появление большого количества трудовых ресурсов.

В 2003 г. количество легально въехавших в Корею по тем или иным визам составило 369 984 человека. Из них число иностранных рабочих и зарегистрированных легально составило 82 928 человек. Среди них 5,8%, или более 21 000 были квалифицированные специалисты в тех или иных отраслях народного хозяйства. Кроме них, были простые рабочие и стажеры, которые составили 16,6 %. Остальные – 287 056, или 77,6% – после истечения срока визы зарегистрированы как нелегально пребывающие в стране³³¹ (см. таб. 13).

³³¹ 김홍영, “외국인 근로자의 노동권과 사회보장권”, 『법학연구』 – Vol. 14. – №. 1. – 2003. – P.247–270 (Kim Hong Eung. Право на труд и социальное обеспечение иностранных рабочих // Юридические исследования. – Вып. 14. – № 1. – 2003. – С. 247–270)

Таблица 13

**Количество и статус пребывания иностранных рабочих в 2003 г.,
чел./%**

	Статус легально пребывающих				Статус нелегалов
	Специалисты	Рабочие	Стажеры на производстве	Стажеры по иностранным инвестициям	Нелегально работающие
	21 263 (5,8%)	11 593 (3,1%)	36 711 (9,9%)	13 361 (3,6%)	287 056 (77,6%)
Кол-во легальных	82 928 (22,4%)				
Итого	369 984 (100%)				

Легально находящиеся стажеры, рабочие и специалисты были юридически защищены. Однако остальные 77,6%, или более 287 000 человек являлись нелегальными рабочими, которые не имели правовой защиты и медицинской страховки, вынуждены были постоянно менять места работ, нарушать паспортно-визовый режим, попадая тем самым в различные неблагоприятные ситуации.

В связи с этим стало целесообразным внести изменения в политику формирования рынка труда иностранной рабочей силы. Наряду с созданием условий для малого и среднего частного бизнеса, эта проблема усугубилась противоречиями внутреннего рынка труда и вступлением в силу в августе 2004 года системы свободного трудового найма, принятой еще в 2003 г. Данная система позволила компромиссно решить вопрос с почти 300 000 нелегальными рабочими. Согласно данной системе, если иностранец находится на нелегальном положении менее 4 лет, он получал право продлить свое пребывание и право на трудоустройство в рамках этого времени; после же 4 лет он был обязан покинуть Корею. С принятием нового закона обстановка с «нелегалами» понемногу стала улучшаться.

Корейское правительство старалось по мере возможности контролировать сроки пребывания иностранных рабочих. К 2007 году система свободного трудового найма почти полностью вытеснила прежде существовавшую систему набора нелегальных рабочих. Нужно было решить и проблемы в отношении трудоустройства диаспорных корейцев. И здесь особый интерес вызвал вопрос масштаба квоты, предусмотренного в 2002 г.

В 1992 г., по данным классификации иностранцев, проведенной Министерством юстиции, в стране всего было 55 832 иностранца³³², из них китайских корейцев – 419 человек, а из стран СНГ – 25 человек. Последние 25 человек приезжали в Корею в качестве сопровождающих прибывающего или сожительствующих с прибывающим³³³. По приблизительным данным, в 1999 году количество корейцев из СНГ увеличилось до 80 человек, в 2000 г. – до 11 888 человек, а в 2001 году уже 21 051 человек (прежде всего, это была репатриация первого поколения сахалинских корейцев).

С 1993 года, с началом функционирования системы для рабочих-стажеров, количество приезжающих диаспорных корейцев стало неуклонно расти. А с 2002 г. начался систематический статистический учет зарубежных корейцев, находящихся в Корее (см. табл. 14).

³³² “1992년도 국적 및 체류자격별거주외국인”, 법무부출입국관리사무소, 1992 (Проживающие иностранцы в Корее по категориям гражданства и статуса в 1992 г. – Центр по контролю въезда и выезда Министерства юстиции Республики Корея (далее МЮРК).

³³³ В 1992 г. среди въезжающих иностранцев 8 имели подданство СНГ, 96 – русское, 1 – казахское. “1992년도 국적 및 체류자격별거주외국인”, 법무부출입국관리사무소, 1992 (Проживающие иностранцы в Корее по категориям гражданства и статуса в 1992 г. – Центр по контролю въезда и выезда МЮРК).

Таблица 14

**Количество зарубежных корейцев в Республике Корея
(2002–2008 гг.)³³⁴**

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007*	2008*
Зарубежные корейцы, чел.	138 384	155 872	184 822	194 413	267 436	365 732	421 155
Увеличение по сравнению с предыдущим годом (%)	8.2	12.6	18.6	5.2	37.6	36.8	15.2

Существуют статистические данные о въезде в Корею корейцев из России и Китая, но, к сожалению, нет полной информации о количестве въезда корейцев из Центральной Азии.

Таблица 15

Количество корейцев, въехавших в Корею из СНГ, чел.

Год	Россия (корейцы)	Центральная Азия				
		Из Узбекистана (все национальности)	Из Казахстана (все национальности)	Из Кыргызстана (все национальности)	Из Таджикистана (все национальности)	Из Туркменистана (все национальности)
2001	54 632 (3 128)	8 894	2 092	1 038	181	16
2002	59 681 (3 737)	9 479	3 199	1 458	186	93
2005	59 618 (2 187)	8 608	3 328	1 357	195	21

На 2001 г. количество корейцев из России в Республике Корея составляло 3 128 человек, в 2002 г. – 3 737, а в 2005 г. – 2 187 (см. таб. 15). С апреля 2002 г. вступила в силу

³³⁴ 『2006출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2007. P. 461–462; 『2008출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2009. P. 705–706 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – Министерства юстиции. – 2007. – С. 461–462; Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2008 г. – МЮРК. 2009. – С. 705–706).

система свободного трудового найма, но количество корейцев прибывавших из России, было незначительным; оно не меняется и в настоящее время, что связано с высокими заработками российских корейцев в сравнении с корейцами Центральной Азии, а также возможностью получения качественного российского образования и интеграции в российское общество (поскольку корейцы – русскоязычная группа), что затруднено в странах Центральной Азии.

Чтобы представить ясную картину ситуации о корейцах из пяти стран Центральной Азии, необходим более масштабный анализ оценки их пребывания, что в данное время сделать невозможно.

Больше всего прибывших в страну зарубежных соотечественников пришлось на 2006 год, когда процент только по рабочей визе F-14 составил 32,3% – 86 440 человек. Вслед за этим были введены специальные категории для зарубежных корейцев. Согласно новой классификации виз в 2006 г. в Корею прибыли 57 899 человек рабочих (21,7%), 35 09 супругов (13,4%) и 29 573 корейца (11,06 %), прибывших по визе зарубежных соотечественников F4³³⁵. По показателям 2008 г. по статусу гостевой визы для зарубежных корейцев с правом трудоустройства (H2A ~ H2F) приехало наибольшее количество зарубежных корейцев – 299,332 человека (71,7%), по визе F4 – 41,732 (9,9%) и в качестве супругов – 35,808 (8,5%)³³⁶. С другой стороны, число приезжающих по статусу пребывания по контракту значительно уменьшилось. Причиной этому, видимо, послужило улучшение условий беспрепятственного въезда в страну этнических корейцев и внедрение системы действия гостевой визы с правом на трудоустройство.

Как следует из табл. 16, одной из целей пребывания корейцев с продленной визой F1-1, с измененной визой F1-2, с визой зарубежных соотечественников F4 являлось долго-

³³⁵ 2006 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2007. P. 463 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – МЮРК. – 2007. – С. 463).

³³⁶ 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2007. P. 463 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – МЮРК. – 2009. – С. 707).

срочное пребывание в стране. Ни одного случая F4 среди корейцев СНГ не было зафиксировано, кроме 2 женщин из Узбекистана, пребывавших по визе F1-2³³⁷.

Таблица 16

Распределение пребывающих соотечественников из других стран³³⁸

Годы	Статус визы	Россия	Центральная Азия				
		Россияне (Корейцы), чел.	Узбекистанцы (Корейцы), чел.	Казахстанцы (Корейцы), чел.	Кыргызстанцы (Корейцы), чел.	Таджикистанцы (Корейцы), чел.	Туркменстанцы (Корейцы), чел.
2006	F-1-1	3 731 (374)	11 617 (2)	2 015 (0)	597 (0)	26 (0)	9 (0)
2007	H2B	3 546 (1 136)	10 916 (217)	1 597 (12)	590 (8)	30 (0)	10 (0)
	H2A		(171)	(14)	(8)	(0)	(0)

Министерство юстиции Кореи установило возрастной ценз от 25 лет, для мультивизы H2 сроком действия в 5 лет, т.е. создавая возможность пребывания в стране 3 года после первого въезда³³⁹. Зарубежные корейцы, у которых были родственники в Корее, могли свободно въезжать в страну,

³³⁷ “제2장 외국인 체류관리 통계”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, - 2006. - P. 321 (Глава 2. Статистика по контролю проживания иностранцев // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. - МЮРК, 2006. - С. 321.). В 2006 г. среди 3 731 приезжающего с российским подданством корейцев было 374, а в 2007 г., соответственно, 3 546 и 1 136.

³³⁸ “등록(장기체류) 외국인 현황”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2006. - P. 316-363 (Положение зарегистрированных иностранцев (долгосрочное проживание) // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. - МЮРК, 2006. - С. 316-363); “불법체류 통계”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2006. - P. 598-621 (Статистика нелегально проживающих иностранцев // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. - МЮРК, 2006. - С. 598-621); “국적 및 체류자결별 등록(장기체류) 외국인 현황”, 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2007 (Проживающие иностранцы в Корею по категориям гражданства и статуса (долгосрочное проживание) // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. - МЮРК, 2007).

³³⁹ “외국국적동포 포용을 위한 방문취업제도”, 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2007. - P. 1 (Система гостевой визы для принятия зарубежных соотечественников с правом на трудоустройство // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. - МЮРК, 2007).

а для остальных были определены ежегодная квота (на основе лотерейного принципа получения визы) и необходимость сдачи экзамена на знание корейского языка (в Китае и Узбекистане)³⁴⁰. Также были определены виды деятельности (всего по 32 специальностям), по которым въезжающие корейцы могли трудоустроиваться.

Особенность этой системы, во-первых, заключалась в том, что право на долгосрочное пребывание предоставлялось лицам, не имеющим родственников в Корее. Во-вторых, до сих пор зарубежным корейцам была дана возможность находиться в Корее по учебе, бизнесу или инвестиционным вложениям, для чего им необходимо было получить специальное разрешение. С установлением новой визы значительно расширился список разрешенных видов деятельности.

Так, в декабре 2002 г. по системе трудового отбора для граждан Китая и стран СНГ была предусмотрена возможность работать лишь по восьми специальностям. Но на самом деле количество работающих из этих стран и специальности, по которым они работали, отличались от норм, предусмотренных законодательством. Дело в том, что после прохождения трудового обучения многие контрактники покидали место работы и начинали работать нелегально.

К концу 2006 г. количество зарубежных корейцев в Корее достигло 267 000 с лишним человек. Это составило 29% от общего количества иностранных граждан, пребывающих в стране³⁴¹. Таблица 17 показывает, как сказалось внедрение системы гостевой визы для диаспорных корейцев на их пребывании в Корее. Вместе с «нелегалами» и легально пребывающими неизвестны еще имена более 300 тысяч человек.

³⁴⁰ “외국국적동포 포용을 위한 방문취업제도”, 『위의 글』 – P. 1 (Там же. – С. 2).

³⁴¹ “외국국적동포 포용을 위한 방문취업제도”, 『위의 글』 № 2. – P. 13 (Там же. № 2. – С. 13); 『2008 출입국, 외국인정책 통계연보』, 법무부, 2009. P. 712 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2008 г. – МЮРК – 2009. – С. 712). Рост количества зарубежных корейцев представляется результатом внедрения ряда специальных режимов для приезжающих и уезжающих соотечественников, в том числе внедрения системы гостевой визы на работу.

Таблица 17

Распределение пребывающих зарубежных корейцев из других стран³⁴²

Годы	Статус	Соотечественники, чел.	Китай чел.	США чел.	Канада чел.	Узбекистан чел.	Россия чел.	Австралия чел.	Др. страны чел.
2006	Легальные	267 436	236 854	21 118	4 441	–	799	1 810	2 414
	Нелегальные	30 652	29 472	728	136	–	157	65	94
2007	Легальные	421 155	376 563	27 513	6 694	2 864	2 241	2 185	3 095

Доля китайских корейцев в структуре иностранного пришлого населения составляла 90%, из Америки – 7,9%, из Канады – 1,7%, Австралии – 0,7% и из России – 0,3%³⁴³. По сравнению с другими странами количество приехавших из России было невелико. По данным статистики, среди корейцев, граждан России, легально пребывали в Корее 799 человек, а нелегально – 157 человек (см. таб. 15).

С каждым годом число приезжающих зарубежных корейцев стремительно росло: в 2003 г. это было 82 928 человек, в 2004 г. – 89 857, в 2005 г. – 107 049 и в 2006 г. – 106 657. В 2007 г., когда стало ясно, что число иностранцев не будет снижаться ниже порога в 100 тысяч человек, вступила в силу система гостевой визы для зарубежных корейцев с правом трудоустройства. Эта система предусматривала не только возможность въезда людей по специальным разрешениям, как раньше (учеба, бизнес и инвестиции), но и без разрешения (через экзамен на базовый уровень корейского языка или по рекомендации). Так, в 2007 г. из Узбекистана 92 мужчин-корейцев и 79 женщин-корейцев, имевших уже визу, изменили свой статус пребывания на статус с правом на трудоустройство, из Казахстана соответственно – 4 и 10, из Кыргызстана – 3 и 5. Из Таджикистана и Туркмениста-

³⁴² “Данные по материалам МИДа РК 2007 г.

³⁴³ “외국국적동포 포용을 위한 방문취업제도”, 법무부, 2007. 2. – Р. 14 (Система гостевой визы для принятия зарубежных соотечественников с правом на трудоустройство. – МЮРК, 2007. – С. 14) (Система гостевой визы для принятия зарубежных соотечественников с правом на трудоустройство. Министерство юстиции Республики Корея, 2007)

на не было ни одного человека. Количество въехавших в 2007 г., у которых были родственники в Корее, из Узбекистана составили 217 человек (99 мужчин + 118 женщин), из Казахстана – 3 + 9, из Кыргызстана – 3 + 5 (см. таб. 18).

Таблица 18

**Распределение пребывающих иностранцев (корейцев)
из других стран в 2007 г.**

Статус визы	Россия	Центральная Азия				
	Россияне (Корейцы), чел.	Узбекистанцы (Корейцы), чел.	Казахстанцы (Корейцы), чел.	Кыргызстанцы (Корейцы), чел.	Таджикистанцы (Корейцы), чел.	Туркменистанцы (Корейцы), чел.
F-1-1	3 546 (1,136)	10 916 (99+118)	1 597 (3+9)	590 (3+5)	30 (0)	10 (0)
H2B	–	(92+79)	(4+10)	(3+5)	(0)	(0)

После распада Советского Союза многие национальные меньшинства, оказавшись в положении необходимости новой адаптации в условиях новых государств и политики открытых дверей, разных экономических и политических условиях, начали мигрировать за пределы своих стран, прежде всего на историческую родину: евреи – в Израиль, немцы – в Германию, русские – в Россию, крымские татары – в Крым и т. д.

В случае же центрально-азиатских корейцев, столкнувшихся с национальной политикой на приоритетное развитие титульных этносов, они в основном стали мигрировать в Россию, а не в Корею. В данном случае имел огромное значение тот факт, что русский язык стал для корейцев родным языком. Это было, безусловно, плюсом, поскольку в других странах СНГ, где были приняты национальные государственные языки, корейцы оказывались в иной языковой ситуации. Кроме того, в отличие от Израиля и Германии, проводивших политику на репатриацию своих со-

отечественников, Корея в силу сложной демографической ситуации и ограниченности территории такой политики не проводила. Можно выделить несколько направлений миграции корейцев в СНГ. Это, во-первых, миграция в Россию. Это: а) Дальний Восток, бывший до депортации их родиной; б) южные регионы России – Волгоград, Северный Кавказ, Ставрополье, Ростовская область и другие районы, где корейцы занимались кобонди; с) Москва, Санкт-Петербург и другие крупные города.

Кроме России, процесс миграции корейцев в рамках СНГ шел из Таджикистана в Казахстан и Узбекистан, из Центральной Азии в Прибалтику и на Украину и т. д. Другими направлениями внешней, но очень незначительной миграции являются США, Канада, ЕЭС и Австралия.

4.3.2. Репатриация корейцев СНГ

Если говорить о внешней миграции корейцев (за пределы СНГ), то это, во-первых, миграция старшего поколения сахалинских корейцев, вывезенных японцами на Карафуто во время войны, и центрально-азиатских корейцев (в результате замужества за южнокорейцев) в Республику Корею.

В период японской аннексии корейцев насильно мобилизовали в Японию, для работы в угольных шахтах и рудниках Карафуто. После капитуляции Японии вместо того, чтобы возвратиться на родину, им пришлось остаться в России. Советский Союз же, видя выгоду в этой ситуации, не стал торопиться с отправкой корейцев на их родину. Нужно отметить, что корейцы, которых приняла Россия, на первых этапах не владели русским языком, а говорили на японском и корейском языках.

Корейцы, которых не приняла российская сторона, могли в любое время вернуться на родину. Стали развиваться дружественные связи с Северной Кореей. Корейцы, которые проживали на Сахалине, благодаря помощи Южной Кореи с сентября 1989 года могли посещать бывшую роди-

ну. К декабрю 2000 г. 12 224 сахалинских корейца посетили Корею. Кроме этого, благодаря Корейскому обществу Красного Креста 1 325 человек переехали в Корею на постоянное место жительства. По правительственной программе корейцы Сахалина в общем количестве 1 415 чел. также переехали на постоянное жительство в Корею. Правительство подготовило для них жилье (в городах Ансан, Инчон, деревне Гохянг и т.д.)

Из оставшегося на Сахалине первого поколения корейцев в 2007 году число желающих переехать на постоянное проживание составляло около 3 200 человек. В 2007 г. Корея выделила 9 млрд. 100 млн. вон, а Япония – 2 млрд. 200 млн. вон на переезд 611 человек на постоянное проживание. В 2010 г. насчитывалось 670 сахалинских корейцев-репатриантов в Инчхоне. Ежегодно планируется и дальше переселять желающих.

Проблема возвращения на постоянное проживание становится большим финансовым бременем для осуществляющих прием возвращающихся соотечественников провинциальных автономных организаций. Более того, большинство переезжающих составляют пожилые и нетрудоспособные люди, нуждающиеся в дополнительных условиях по социальному обеспечению, транспортным средствам, а также социальным услугам. Для решения данной проблемы проводятся постоянные переговоры между различными органами, включая Министерство иностранных дел и торговли, прилагаются усилия по регулированию налоговой системы, что приводит в последнее время к некоторым положительным моментам. Например, в сфере создания социальных условий в районе Нонхёндог города Инчхона было вложено 8 миллиардов и 200 миллионов вон на строительство здания социального комплекса с одним подвальным и 4-мя наземными этажами, а также клубом для престарелых.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕ САРАМ И КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА

Расслоение корейской культуры

Итак, переселенные корейцы, находясь в различных государствах и территориях, разделились на российских, узбекистанских, казахстанских и других корейцев. Это означает, что после распада СССР они стали гражданами России и стран Центральной Азии. Соответственно, они оказались в новых условиях, диктующих необходимость выработки новых стратегий адаптации к новым экономическим и политическим реалиям. Безусловно, для корейцев, для которых русский язык стал родным, и привыкших к полиэтническому окружению, процесс адаптации к возрождающейся исламской культуре и к обществу, становящемуся все более однородным в этническом отношении, оказался непростым. Нужно было свыкнуться с мыслью, что в случае дальнейшего проживания в Центральной Азии новая реальность начнет все больше и больше проникать в культуру и быт корейцев.

В связи с этим «язык корё сарам» подвергся сильному влиянию, а именно: со стороны русского языка и языков центрально-азиатского региона. В этом случае «корё мар», сохраненный корейцами Центральной Азии в качестве диалекта, навряд ли может быть полноценно сохранен в таких условиях. Если исходить из того, что язык корё сарам (корё мар) является диалектом корейского языка, то с процессом смешения с русским и тюркскими языками он все более начинает обретать своеобразную форму. С учетом длительного отсутствия связей с исторической родиной «корё мар» можно отнести к особой категории корейского языка. Наблюдая за развитием корё мар, можно констатировать его постепенное исчезновение.

В Центральной Азии стало укореняться значение местных языков – узбекского, казахского, овладение которыми становится необходимостью.

Безусловно, образование новых национальных государств, таких, как Узбекистан или Казахстан, потребует новых форм адаптации, в том числе и языковых.

Однако в рамках этой адаптации к новой реальности корейская диаспора в различных регионах СНГ не должна терять корейской идентичности.

Корея заинтересована как в успешной адаптации корейцев СНГ к новым условиям, так и в сохранении ими корейской идентичности. И здесь необходимо интенсивное сотрудничество Кореи и корейской диаспоры. Особенно значимость сохранения корейской идентичности в корейской диаспоре и самой Корее возрастает в условиях глобализации.

В Центральной Азии кореец не южанин и не северянин (не чосон сарам и не хангук сарам), а это совершенно другой кореец – корё сарам. Это – корейское сообщество, которое получило свое развитие в условиях изоляции и иноэтнического окружения и является новой субэтнической общностью корейского этноса.

Корё сарам как пионеры корейской культуры в Центральной Азии

Культура корё сарам в Центральной Азии является первой волной, познакомившей народы этого региона с самобытной корейской культурой. Именно через корё сарам народы Центральной Азии познакомились с корейской кухней, восточными единоборствами, корейскими песнями и танцами, поведенческими моделями и эстетическими вкусами.

Второй этап знакомства с корейской культурой начинается с конца 80-х годов, корё сарам, как и другие наро-

ды Центральной Азии, начинают знакомиться с культурой Северной и Южной Корей. С Сеульской Олимпиады в 1988 г. происходит новое открытие Кореи как страны древней культуры и современной высокотехнологичной экономики. Корейская культура или так называемая корейская волна (Korean wave) начинает приобретать все большую популярность в мире. После распада СССР начинается активное проникновение корейского бизнеса и корейской культуры в страны СНГ, в том числе в Центральную Азию. Это открытие корейских посольств в Узбекистане и Казахстане, учреждение в этих странах Центров корейского образования, приезд корейских волонтеров, ученых и миссионеров.

Важным каналом знакомства с корейской культурой на этом этапе стало «вкрапление» южнокорейской киноиндустрии в культурное пространство Центральной Азии, а именно: сериалов и фильмов, показ которых активно начинает демонстрироваться с 2000 года.

За последние пять-шесть лет в Узбекистане на нескольких каналах местного телевидения было показано около двадцати сериалов, и интерес к ним привлек большую часть зрительской аудитории. «Геуль Енга» («Зимняя соната») транслировалась пять раз, «All in» – трижды. Достаточно сказать, что показатель интереса населения Узбекистана к корейским сериалам дошел до 70% аудитории. В августе 2008 г. я встретился в Ташкенте с бизнесменом, уроженцем г. Намангана, который так выразил свою любовь к корейским фильмам: «Моя семья очень любит корейские сериалы. К началу фильма мы бросаем все дела и бежим к телевизору. Хотя у меня не всегда хватает времени, но в те моменты, когда мне удастся посмотреть серию, я отдыхаю. Хотя содержание сериалов во многом отличается от узбекской действительности, у нас много общего. Мы видим, что для корейцев характерны почитание старших, любовь и забота к близким, добро-

желательное отношение к соседям. А ведь это и отличительные черты узбекского народа, и потому они находят отклик в душе каждого узбека. Многим также нравятся высокий уровень жизни в Корее, их жизненный уклад, стиль в одежде и прически».

Однако, как мы уже отметили, проникновение корейской культуры в Центральную Азию началось задолго до наших дней, в 1937 году, когда сюда с Дальнего Востока были депортированы около 200 тыс. корейцев. Пережившие драму насильственного переселения, репрессии сталинского режима, смерть от голода, холода и болезней, лагеря трудовой армии, корейцы сумели не только выжить, но и занять достойную нишу в советском обществе. Это стало возможным благодаря их прекрасной национальной черте – трудолюбию. Корейцы стали истинными героями сельского труда, чем заложили фундамент своего благополучия и уважения со стороны других народов. Хорошо зная «нрав земли» и умея ее осваивать, они превратили камышовые тугаи, богарные земли, заболоченные поля и солончаки в оазисы, возделываемые сады. Это было результатом тяжелого самоотверженного кропотливого труда. Корейцы выращивали не только привычные им рис, арбузы, репчатый лук, кукурузу, бобовые, но и такие культуры, как хлопок и кенаф. И за какую бы культуру корейцы ни брались, они достигали рекордных урожаев.

Позже корейцы достигли значительных успехов в самых разных сферах: в промышленности, науке, образовании, медицине, культуре, спорте.

Важной сферой влияния корейской культуры в Центральной Азии является корейская национальная кухня. Такие блюда корейской кухни, как «кукси», «кядя», «чимчи», «хе» и «морковь-ча» известны далеко за пределами корейской среды. В Центральной Азии практически невозможно найти человека, который бы перио-

дически не употреблял те или иные корейские блюда. В «корейских» районах Ташкента Куйлюк и Бектемир часто можно видеть картину, когда большинство посетителей корейских кафе узбеки и русские. Это и есть первая волна популяризации корейской культуры. Современное уважительное отношение к корейской культуре со стороны центрально-азиатских народов – это результат наследия 1–2 поколения корё сарам.

Можно также говорить о корейском влиянии в области языка и песенной культуры. В корейских колхозах многие узбеки, русские и казахи, как правило, могли общаться на быденном корейском языке. Корейские художественные коллективы гастролировали не только по всему центрально-азиатскому региону, но и за его пределами. Корейские песни также были в репертуаре самых известных исполнителей Центральной Азии.

Уже второе поколение корейцев рождено в этом регионе. После открытия Южной Кореи и «экономического чуда» на реке Хан, Сеульской Олимпиады в 1988 году и установления дипломатических отношений между Кореи и странами СНГ, проникновения корейской продукции, чемпионата мира по футболу в Кореи и Японии в 2002 году отношения между народами Центральной Азии и корейцами стали еще крепче. Корея, открытая всему мировому сообществу, активно поддерживает обширные связи с разными странами; расширяются возможности для международного сотрудничества, а также много людей разных национальностей приезжают в Корею работать, в том числе и коре сарам. И современные коре сарам, приезжающие в Корею, как и их предки в 30-х – 80-х годах прошлого века, снова являются связующим звеном в диалоге между Кореей и Центральной Азией.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Ан Р. К.* Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект): автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 2004.
2. *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. – Владивосток, 1928.
3. *Асирбабаева К.* Республика Узбекистан и Республика Корея: автореф. дис. ... канд. наук. – Ташкент, 2007.
4. Ассоциация корейцев Казахстана. Алматы, 2000.
5. *Базанова Ф. Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (Национальный аспект). – Алма-Ата, 1987.
6. Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003.
7. Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. – М., 1992.
8. *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. – М., 2001.
9. БСЭ. Т. 4. – М., 1971.
10. *Бугай Н. Ф.* Корейцы России: экономика и культура. – М., 2008.
11. *Бугай Н. Ф.* Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М., 2007.
12. *Бугай Н. Ф.* Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. – М., 2004.
13. *Бугай Н. Ф.* Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев <Короён>. Вып. 2. – М., 1992.
14. Бугай Н. Ф. Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (депортация). – М., 2004.
15. *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004

16. *Бугай Н. Ф.* Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991.
17. В борьбе за комплексное развитие хозяйства. (Партийная организация колхоза «Политотдел» Верхне-Чирчикского района). – Ташкент, 1961.
18. *Вагин В.* Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. Т. 1. – СПб, 1875–1876.
19. *Ващук С.* Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX в.) // Вестник ДВО РАН, №. 2, 2000.
20. Ведомости Верховного Совета СССР № 6, 1942.
21. Вечерний Ташкент, 17 декабря 1988 г.
22. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Том 8. Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 16–35; Том 15. Узбекская ССР.
23. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения, 1931–1947. – М., 1979.
24. ГАИО. Ф. 24, оп. 11/3, д. 24.
25. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 30, д. 39.
26. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 31, д. 2663.
27. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 29, д. 48.
28. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 29, д. 50.
29. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 29, д. 51.
30. ГАРФ. Ф. 8356, оп. 1, д. 36.
31. ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 168.
32. ГАТО. Ф. 652, оп. 1, д. 367.
33. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М., 2002.
34. *Джарылгасинова Р. Ш.* Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980.
35. *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. 1960, XXXV.

36. *Джарылгасинова Р. Ш.* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // Советская этнография. 1966, № 5.
37. *Джарылгасинова Р. Ш.* Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
38. *Джарылгасинова Р. Ш.* Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970.
39. *Джарылгасинова Р. Ш.* Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1977, № 6.
40. *Джарылгасинова Р. Ш.* К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М., 1978.
41. *Джумашев А. М.* К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 9. – Алматы, 2002.
42. *Дядюра Л. П.* Труженики Узбекистана на предприятиях и стройках РСФСР в дни войны // Общественные науки в Узбекистане. 1985, № 5. С. 21–24.
43. *Ем Н. Б.* Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30–90-е годы XX века (историко-демографический аспект): автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 2004.
44. *Ем Н.* К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997.
45. *Еремян Р. В.* Корейские художники Узбекистана. Вып. 1. – Ташкент, 2001.
46. *Иноятов Х., Нуруллин Р.* Восхождение (Исторический очерк о колхозе «Полярная звезда»). – Ташкент, 1970.
47. *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. 1963, Вып. 38.
48. История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Том 3. – Алматы-Сеул, 2000.
49. История корлита (1956–2006 гг.). – Ташкент, 2006.

50. История КПСС. 6-е изд. – М., 1982.
51. История рабочего класса Узбекистана. Т. II. – Ташкент, 1965.
52. *Исхаков Ф., Ким М.* Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза «Полярная звезда»). – Ташкент, 1972
53. *Кан А. А.* Корейцы Андижанской области. – Андижан, 1997.
54. *Кан Г. В.* Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006.
55. *Кан Г. В.* Предыстория корейцев в Казахстане // Известия корееведения Казахстана. – Алматы, 1996, Вып. 1.
56. *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995.
57. *Кан Тю Хон.* Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. – Алма-Ата, 1954.
58. *Ким Б.* Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Ташкент-Сеул, 1999.
59. *Ким Б.* Ветры наших судеб: Советские корейцы: история и современность. – Ташкент, 1991.
60. *Ким В. (Ёнг Тхек).* Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург. 1997.
61. *Ким В. Д.* Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003.
62. *Ким В.Д.* Дорогой светлых надежд. – Ташкент, 2001.
63. *Ким В. Д.* Аккурганский корейский культурный центр. – Ташкент, 2001.
64. *Ким В. Д.* Правда – полвека спустя. – Ташкент, 1999.
65. *Ким В. Д.* Эшелон – 58. – Ташкент, 1996.
66. *Ким В. Д.* Туманган – пограничная река. – Ташкент, 1995.
67. *Ким Г. М.* Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1995, № 6.
68. *Ким Г. М.* Корейцы-трудоармейцы в годы Великой Отечественной войны // Известия корееведения Казахстана. 1999. Вып. 6.
69. *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы, 1999.
70. *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995.

71. *Ким Г. Н.* Вечные странники или перманентная мобильность коре сарам (постсоветских корейцев) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003.
72. *Ким Г. Н.* Актуальные проблемы корейской диаспоры Казахстана // Республика Казахстана: Межэтнические аспекты социальных и экономических реформ. – Алматы, 1993.
73. *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.): автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата, 1990.
74. *Ким Г. Н.* К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата: КазГУ 1987.
75. *Ким Г. Н.* Корейцы в братской семье народов Казахстана. – Алма-Ата, 1988;
76. *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор // Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1989.
77. *Ким Г. Н.* Антропонимия корейцев // Имена народов Казахстана. – Алма-Ата, 1990.
78. *Ким Ен Ун.* Корейский этнос в постсоветском пространстве // Хо Ун Бе (Хо Дин) в воспоминаниях современников. – М., 1998.
79. *Ким Ен Ун.* Из жизни международной конфедерации корейских ассоциаций // Актуальные проблемы российского востоковедения. – М., 1994.
80. *Ким Мен Гир.* Демографические особенности корейского населения Узбекистана // Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Ташкент, 1999. Приложение 1.
81. *Ким О.* К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М., 1980.
82. *Ким О.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фоно-морфологический очерк: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1964.

83. *Ким О.* О языке корейцев СССР // Ученые записки Ташкентского СреднеАзиатского государственного университета. Вып. 202. – Ташкент, 1962.
84. *Ким П.Г., Ким В.Д.* Ассоциации корейских культурных центров – 10 лет // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.
85. *Ким П. Г.* Социально-политический портрет корейцев Узбекистана. –Ташкент, 1991.
86. *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Ташкент, 1993. *Ким П. Г.* Сталинская депортация корейцев в Среднюю Азию. – Сеул, 1993. (в соавторстве, на корейском языке).
87. *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6, 1999.
88. *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1970.
89. *Ким П. Н.* Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937–1939 // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1971. Вып.4.
90. *Ким Пен Хва.* Опыт выращивания высоких урожаев хлопка. Колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области. – М., 1953.
91. *Ким Пен Хва.* На пути к изобилию. Опыт развития колхозов «Полярная звезда» Урта-Сарайского района Ташк. обл. – Ташкент, 1954.
92. *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965.
93. Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г. Часть 1. – М., 1997.
94. *Ковжасарова Ж. У.* Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997.
95. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. – М., 1975.
96. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 1998.
97. Корейцы Казахстана. Кто есть кто. – Алматы, 2005.
98. Коре ильбо, 11 февраля 1999 г.

99. Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. – Тараз, 2005.
100. Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре. – Алматы, 2002.
101. Колхозы // Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. – М., 1973.
102. Козьмина М. Об историографии семейно-брачных отношений корейцев Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6 (14), 2007.
103. КРГАОПДФ, ф. 1, оп. 3, д. 1079.
104. Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993.
105. Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М., 2005.
106. Ланьков А. Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Сеульский вестник, 29 июня 2002 г.
107. Лев В. Т., Пак Сусан. Опыт получения высокого урожая лубяных культур в колхозе им. Свердлова Верхне-Чирчикского района Ташкентской области. – Ташкент, 1962.
108. Левин М. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. // Советская этнография. 1947, № 2 (об антропологическом изучении корейцев Средней Азии).
109. Левин М. Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии. 1949, Вып. 8.
110. Левкович В. П., Мин Л. В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал, 1996, № 6.
111. СССР и холодная война / под ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. – М., 1995.
112. Ли Г. Н. Вклад корейской диаспоры в развитие Кыргызской Республики в постсоветское время // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003.
113. Ленин Кичи, 19 декабря 1989 г.
114. Ленин Кичи, 14 июня 1989 г.

115. *Ли Г. Н.* Семейные устои корейцев Коре Сарам. – Бишкек, 2002.
116. *Ли Г. Н.* Кобонди. (Записки наблюдателя о любви корейцев к земле). – Бишкек, 2000.
117. *Ли Г. Н.* Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998.
118. Литература народов Казахстана. – Алматы, 2004.
119. *Мен Д. В.* Социально-культурное развитие советских корейцев: проблемы и решения // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. – Ташкент, 1989. Ч. 1.
120. *Мин Л. В.* Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992.
121. Национальный состав населения (по переписи населения 1989 г.) // Народное хозяйство СССР в 1990 г. – М., 1991.
122. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том 3. – Душанбе, 2012.
123. *Новик Д.* Передовой рисосеющий колхоз («III-й Интернационал» Кармакчинского района). – Алма-Ата, 1957.
124. *Новик И. Б., Уёмов А. И.* Моделирование и аналогия // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М., 1968.
125. *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области: автореф. дис. ... канд. наук. – Ташкент, 1954.
126. *О'Брайн М. А.* Новый русско-английский и англо-русский словарь. – М., 1998.
127. Описание Кореи. Ч. 3. – СПб, 1900.
128. *Пак А. Д.* Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002.
129. *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004.
130. *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск, 1995.
131. *Пак Б. Д.* Корейцы в Российской империи. – М.–Иркутск, 1994.
132. *Пак Б. С.* Потомки Страны белых аистов: (Краткая история советских корейцев). – Ташкент, 1990.

133. Пак В. Г. Узбекистан стал родиной // Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Ташкент, 2003.
134. Пак Ир П. А. О литературе советских корейцев // Простор, 1987, № 9.
135. Пак Ир П. А. Национальная литература советских корейцев // Казахская энциклопедия. – Алма-Ата, 1990.
136. Пак Н. Колхоз «Авангард». – М., 1950.
137. Пак Н. С. Тенденции развития Коре мар // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. – Алматы, 1995, № 6.
138. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург. 1904–1905. Тома 81, 85, 86, 89.
139. Петров Г. И. Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. № 3, 1975.
140. Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование диаспоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев // Диаспоры. № 2–3. – Москва, 2001.
141. Полер Т. И. Приморье: факты, цифры, наблюдения. – М., 1909.
142. Правда, 16 ноября 1989 г.
143. Правда Востока, 20 августа 1989 г.
144. Приамурские ведомости, 1895, № 58, приложение
145. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. – М., 1947.
146. Расулов Э. Р. Вклад корейской диаспоры в развитие узбекско-корейских отношений // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003.
147. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-2). – М., 1997.
148. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу, состоянию в браке, уровню образования, родному языку и второму языку народов СССР по Республике Узбекистан. – Ташкент, 1991.

149. *Рахманкулова А. Х.* Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 8. – Алматы, 2001.
150. РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 64.
151. РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 181.
152. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М., 1998.
153. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-2). – М., 1997.
154. Сельская правда, 25 февраля 1989 г.
155. *Сим Л. М.* Корейцы Союза ССР, России и Казахстана: социокультурные процессы (20-е годы XX в. – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. наук. – Краснодар, 2006.
156. *Сим Хон Ёнг.* Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1998.
157. *Сим Хон Ёнг, Бугай Н. Ф.* Общественные объединения корейцев России. Константитутивность, эволюция, признание. – М, 2004.
158. *Сим Хон Ёнг.* Национальное движение за независимость и автономию общественных объединения российских корейцев (『러시아한인 민족사회단체의 독립 및 자치운동』). – Сеул, – 2013.
159. Статистический бюллетень. – Алматы, 1999.
160. *Сон С. Ю.* Социолингвистический анализ функционирования коре мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана: автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 1999.
161. Статистический бюллетень. – Алматы, 1999.
162. Судьба государства в эпоху глобализации. – М., 2005.
163. Ташкентская правда, 6 января 1989 г.
164. *Тен А.Б.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда»: дис. ... канд. наук. – Ташкент, 1950.
165. *Тен В. А.* Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994.

166. *Тен Чу*. Новые песенные жанры советских корейцев // Музыказнание. – Алма-Ата, 1975. Вып. 7.
167. *Тен Чу*. Песенная культура советских корейцев: автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата, 1978.
168. *Тунепбаев Б. А.* Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. – М., 1984.
169. *Угай Ч.* Корейцы России в годы войны 1941–1945 гг. // War and Overseas Koreans. – Seoul: HUFSS, 2004.
170. Учитель Узбекистана, 4 октября 1989 г.
171. *Хан Б.* Из истории школьного образования корейского населения в Казахстане в 1937–1970 гг.: автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата, 1976.
172. *Хан В. С.* Корейская диаспора СНГ и Корея // Міжнародна наукова конференція «Діалог культур Кореї та країн СНД». – Киев, 2007.
173. *Хан В. С.* К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе». – Алматы, 2007.
174. *Хан В. С.* К историографии изучения кобонди // Известия корееведения Казахстана. Вып. 5 (13), 2007.
175. *Хан В. С.* О соотношении кобонди и форм земледелия у корейцев на дореволюционном российском Дальнем Востоке в первые годы советской власти // Известия корееведения Казахстана. Выпуск 1–2 (10), 2005.
176. *Хан В. С.* Создание и первые годы переселенческих корейских колхозов в Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 9. – Seoul, 2004.
177. *Хан В. С.* К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003.
178. *Хан В. С.* Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 6. – Seoul: 2001.
179. *Хан В. С.* Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.

180. Хан В. С. Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001/
181. Хан В. С. О состоянии исследований корейской диаспоры Узбекистана // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.
182. Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 5. – Seoul, 2000.
183. Хан В. С., Ким Г. Н. Десять лет спустя // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы, 2000.
184. Хан В. С. «Мы» и «Они» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999.
185. Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6, 1999.
186. Хан В. С. Корейская диаспора сегодня // Корё Ильбо, 22 января 1994 г.
187. Хан В. С. Они защищали Родину // Корё Ильбо, 7 мая 1944 г.
188. Хан В. С. Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. 1993, № 1.
189. Хан В. С., Хан С. М. Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. 1993, № 4.
190. Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997.
191. Хан М. М. Этно-региональные особенности ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. наук. – Алматы, 1993.
192. Хан С. М. Возвращаясь к истокам // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Ташкент, 2000;
193. Хан С. М. Корейские культурные центры – как они зародились? // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.
194. Хан С. М. Язык – душа народа // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.
195. Хван Л. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

196. *Хван Л. Б.* Трудовая армия: второй удар судьбы по корёсарам (по материалам истории корейцев Каракалпакстана) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml
197. *Хван Ман Гым.* Колхоз «Политотдел». – М., 1977.
198. *Хван Ман Гым.* Колхоз шагает в коммунизм («Политотдел»). – Ташкент, 1961.
199. *Хван Ман Гым.* Трудом, и только трудом. – М., 1962.
200. *Хегай М. А., Ким Ман Сек.* Учебник корейского языка для 3–4 классов. (1965).
201. *Хегай М. А.* Русско-корейский словарь школьника. (1958).
202. *Хегай М. А.* Вопросы методики преподавания русского языка корейским учащимся. Ташкент, 1957.
203. *Хегай М. А.* Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953.
204. ЦГА РУз. Ф. 90, оп. 9, д. 4836.
205. ЦГА РУз. Ф. 100, оп. 1, д. 1.
206. ЦГА РУз. Ф. 837, оп. 27, д. 48.
207. *Цой В.* Современная культура и быт корейцев Казахстана: автореф. дис. ... канд. наук. – Ленинград, 1985.
208. *Цой С.В.* Пути увеличения производства риса и снижение его себестоимости в рисоводческих совхозах Узбекской ССР: дис. ... канд. экон. наук. – Ташкент, 1972
209. *Цой С. С.* О некоторых аспектах фонетики русского и корейского языков // *Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество.* – Ташкент, 2000.
210. *Цой С. С.* Методы обучения произношению звуков корейского языка // *Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество.* – Ташкент, 2000.
211. *Чен Н.* Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Ташкент, 2003.
212. *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области. Костанай, 2000.
213. *Чжен Ин-су.* На лесоповале // *Чен Н.* Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Ташкент, 2003.

214. Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А. Экономическая история СССР. М., 1987.
215. Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2011.
216. Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Ташкент, 1954.
217. Энциклопедия корейцев России. Москва, 2003.
218. Югай Г. А. Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея. М., 2003.
219. Югай И. Г. Развитие современных языковых процессов в интонациональной среде: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1982.
220. Югай И. Г. Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования Института этнографии. – Москва, 1977.
221. Югай И. Г. О влиянии статистического фактора на языковые процессы у корейцев Узбекской ССР // Исследования по литературоведению и языкознанию. Ташкент, 1975.
222. Югай И. Г. О некоторых типах языкового контакта в Узбекской ССР // Вопросы литературоведения и языкознания. – Ташкент, 1975.
223. Facts About Korea. Seoul, 2006.
224. Ginsburgs G. & Ginsburgs H. A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // Asian Survey. Vol. XVII, № 1, 1977.
225. Griffiths, Ann Hagen. The Korean Americans. New-York, 1992.
226. Khan V. S. The Contributions of Koreans to the Socio-Economic Development and Culture of Central Asia // Cultural Interaction with Korea. From Silk Road to Korean Wave. Proceedings of the World Congress of Korean Studies. 2006. Vol. 2.
227. Khan V. S. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 11, Seoul, 2006
228. Khan V. S. Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // Embracing the Other:

- The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1-st World Congress of Korean Studies. 2002. Vol. 2.
229. *Khan V. S., Kim G.* The Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later // The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR". Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 12. № 2: East Rock Institute, New Haven. 2001.
230. *Khan V. S.* The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 3, Seoul, 1998.
231. *Khan V. S.* Paradigms and Problems of National Movements: Social-Philosophical Analysis // Occasional Papers. Vol. 2. – Seattle: Korean American Historical Society. 1996.
232. *Kho Songmo.* Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, Studia Orientalia, 1987.
233. *King J. P. R.* An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Vol. 23, № 2, June 1987.
234. *Patterson W.* To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903–1945 // “Korean Identity in the New Millennium”. Pundang: AKS. 2000.
235. 이광규, 전경수, 『쏘련 한인 : 인류학적 연구』 - 서울, 1993 (*Ли Иван Ю, Джён Кёнг Су.* Советские корейцы: этнографическое исследование. – Сеул, 1993).
236. 한 발레리, 권희영. 『중앙아시아 초원의 유랑농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고분지 연구』. 한국정신문화연구원, 2004 (*Хан Валерий, Квон Хи Ёнг.* Подвижное земледелие в степях Центральной Азии. Изучение кобонди коре сарам в Узбекистане. Академия корееведения, 2004).
237. 한 발레리. “중앙아시아 한인들의 정체성 문제”, – 권희영, Valery Han, 반병률. 『우즈베키스탄 한인의 정체성 연구』, 한국정신문화연구원, 2001 (Проблемы идентичности центрально-азиатских корейцев // Квон Хи Ён, Хан Валерий, Пан Пёнг Юль, Изучение идентичности корейцев в Узбекистане, Академия корееведения, 2001).
238. 한 발레리, 한 세르게이. 『고려사람 우리는 누구인가?』 - 서울, 재외동포재단 총서4, 1999 (*Хан Валерий, Хан Сергей.* Коре сарам: кто мы? Сеул, Фонд зарубежных корейцев. Серия 4, 1999).

239. 한 발레리. “재외 한인 동포들의 다양성 및 일치성에 관한 문제”, 『제3회 한민족 철학자대회 대회보 1-1권 -한민족과 2000년대의 철학』, 서울, 한국철학회, 1999 (*Хан Валерий*. Разнообразие и единство корейских диаспор // 3-й международный конгресс корейских философов. Т. 1-1 Корейский народ и философия в 2000-м тысячелетии, Сеул, Корейская философская ассоциация, май 1999).
240. 한 발레리. “새로운 세기에 있어서 동서양 철학대화”, 『제3회 한민족 철학자대회 대회보 1-3권 -한민족과 2000년대의 철학』, 서울, 한국철학회, 1999. С. 249 (*Хан Валерий*. Философский диалог Запада и Востока на рубеже веков // 3-й международный конгресс корейских философов. Т. 1-3. Корейский народ и философия в 2000-м тысячелетии, Сеул, Корейская философская ассоциация, май 1999).
241. 뒤바보(계봉우). «俄領實記», 『獨立新聞(上海版)』, № 48, 1920. 2. 20; № 62, 1920. 4. 12. (Записки о корейцах, проживающих в России // Независимая газета, с № 48, 20 февраля 1920 г. по № 62, 12 апреля 1920, Шанхай)
242. 현규환, 『한인유이민사』, 서울, 1967 (*Хён Гю Хван*. История миграции корейцев за рубеж. – Сеул, 1967)
243. 고송무, 『조선의 한인들』, 서울, 1990 (*Ко Сонг Му*. Советские корейцы. – Сеул, 1990).
244. 이상근, 『한인노령이주사연구』, 서울, 1996 (*Ли Сан Гын*. Изучение переселения корейцев в царскую Россию, Сеул, 1996. – Сеул, 1996).
245. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., М., 1991.
246. 1999년 재외동포 현황』, 대한민국 외통부, 1999 (Положение зарубежных корейцев в 1999 г. МИД РК, 1999).
247. 『2008년 재외동포 현황』, 대한민국 외통부, 2008 (Положение зарубежных корейцев в 2008 г., МИД РК, 2008).
248. «국내에 외국인 백만시대가 도래했다», 『서울신문』, 2000년 8월 6일 (Наступила эпоха проживать миллионам иностранцев в Корее // Сеул синмун, 6 августа 2000)
249. 김홍영. “외국인 근로자의 노동권과 사회보장권”, 『법학연구』 Vol. 14, № 1, 2003 (*Ким Хон Ёнг*. Право на труд и

- социальное обеспечение иностранных рабочих // Юридические исследования. Вып. 14, № 1, 2003. С. 247–270).
250. “1992년도 국적 및 체류자격별 거주외국인”, 법무부 출입국관리사무소, 1992 (Проживающие иностранцы в Корее по категориям гражданства и статуса в 1992 г. Центр по контролю въезда и выезда Министерства юстиции Республики Корея).
251. “제2장 외국인 체류관리 통계”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2006 (Статистика по контролю проживанию иностранцев. Глава 2 // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. – МЮРК, 2006).
252. “등록(장기체류) 외국인 현황”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2006 ((Положение зарегистрированных иностранцев (долгосрочное проживание) // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. – МЮРК, 2006).
253. “국적 및 체류자격별 등록(장기체류) 외국인 현황”, 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2007 (Проживающие иностранцы в Корее по категориям гражданства и статуса (долгосрочное проживание) // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – МЮРК, 2007).
254. “불법체류 통계”, 『2005 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2006 (Статистика нелегально проживающих иностранцев // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2005 г. – МЮРК, 2006).
255. “2006 출입국, 외국인정책 통계연보”, 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2007 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – МЮРК, 2007).
256. “외국국적동포 포용을 위한 방문취업제도”, 『2006 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2007 (Система гостевой визы для принятия зарубежных соотечественников с правом на трудоустройство // Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2006 г. – МЮРК, 2007).

257. 『2008 출입국, 외국인정책 통계연보』. 법무부, 2009 (Ежегодная статистика по вопросам въезда и выезда иностранцев в 2008 г. - МЮПК, 2009).
258. <http://antic.slimhost.info/index.html>
259. http://belarus21.by/gazeta/article_browse.php?id=3357
260. <http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/>
261. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>
262. <http://www.karlag.kz/art.php?id=76>
263. <http://www.okf.or.kr/data/status.jsp>
264. <http://www.perepis2002.ru/>
265. <http://www.pokayanie-komi.ru/>
266. <http://www.soldat.ru/doc/nko/text/1942-0974.html>
267. <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html>
268. <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/>
269. <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/population/sostav/>
270. http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html
271. <http://www.unmigration.org>
272. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
273. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf
274. http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=101
275. http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Туркмении
276. http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Казахстана

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ан Р. К. 30, 234

Аносов С. 56, 234

Асирбабаева К. 28, 29, 234

Базанова Ф. Н. 94, 234

Брусина О. И. 138, 234

Бугай Н. Ф. 8, 31, 34, 55, 67, 69, 71–74, 82, 94–97, 100, 188, 234, 235, 241

Вагин В. 46, 54, 59, 235

Ващук С. 186, 187, 235

Вознесенский Н. А. 88, 89, 235

Гинзбург Г. 128

Гинзбургс Х. 34, 128, 247

Гинзбургс Дж. 128, 247

Гриффитс А. 6

Гумилев Л. Н. 15, 235

Джарылгасинова Р. Ш. 20, 24, 34, 133, 134, 235, 236

Джумашев А. М. 28, 34, 236

Дядюра Л. 85, 236

Ем Н. Б. 30, 34, 141, 143, 236

Еремян Р. В. 28, 29, 236

Инояттов Х. 22, 236

Ионова Ю. В. 24, 34, 237

Исхаков Ф. 22, 237

Кан А. А. 28–30, 168, 237

Кан Г. В. 30, 34, 60, 61, 63, 64, 82, 192, 237

Кан Тю Хон 22, 237

Квон Хи Ёнг 34, 248

Ким Б. И. 9, 25, 28, 29, 77, 79, 81, 82, 116, 144, 155, 157, 191, 197, 198, 202, 203, 237

Ким В. (Ёнг Тхек) 29, 193, 194, 197, 237

Ким В. Д. 27–29, 64, 80, 118, 237, 239

Ким В. М. 31

Ким Г. М. 30, 34, 82, 90, 97, 237

Ким Г. Н. 8, 26, 30, 34, 64, 68, 82, 94, 102, 109, 111, 117, 120, 123, 149, 173, 189, 208, 237, 238, 244, 245

Ким Ен Ун 31, 34, 71, 72, 192, 203, 204, 238

Ким И. Ф. 25, 26

Ким М. 22, 237

Ким Ман Сек 23, 246

Ким Мен Гир 116, 144, 155, 238

Ким О. М. 23, 34, 131, 238

Ким П.Г. 27, 28, 29, 34, 68, 158, 179, 192, 199, 239

Ким П. Н. 22, 23, 239

Ким Пен Хва 22, 239

Ким Сын Хва 22, 34, 78–80, 104, 239

Ким Хон Ёнг 218, 249

Кинг Р. 34, 131

Ковжасарова Ж. У. 30, 239

Козьмина М. 28, 29, 34, 119, 240

Кондаков Н. И. 85, 239

Ко Сонг Му 106, 131, 249

Кривцова Н. С. 88, 246

Кузин А. Т. 34, 117, 240

Ланьков А.Н. 31, 34, 117, 128, 240

Лев В. Т. 22, 240

Левин М. 21, 240

Левкович В. П. 20, 240

Ли Г. Н. 9, 31, 119, 157, 198, 240, 241

Мен Д. В. 26, 30, 34, 82, 94, 149, 237, 241

Мин Л. В. 30, 240, 241

Новик Д. 22, 241

Новик И. Б. 85, 241
Нурматов Н. 22, 241
Нуруллин Р. 22, 236

О'Брайн М. А. 16, 241

Пак А. Д. 30, 118, 241
Пак Б. Д. 31, 34, 53, 55, 65, 81, 82, 94, 109, 234, 241, 246
Пак Б. С. 25, 241
Пак В. Г. 98, 99, 161 (?), 242
Пак Ир П. А. 26, 30, 242
Пак Л. 28, 29, 34
Пак Н. 22, 242
Пак Н. С. 30, 34, 163, 242
Пак Сусан 22, 240
Пан ПёнГ Юль 34, 248
Паттерсон У. 113
Петров Г. И. 34, 89, 92, 242
Пивовар Е. И. 104, 240
Пилкингтон Х. 137, 138, 242
Полер Т. И. 54, 242
Пржевальский Н. М. 46, 242

Расулов Э. Р. 28, 29, 242
Рахманкулова А. Х. 28, 34, 243
Рукавишников В. 13, 243

Сим Л. М. 31, 243
Сим Хон Ёнг 1–5, 31, 34, 60, 243
Сон С. Ю. 30, 243

Тен А.Б. 22, 243
Тен В. А. 30, 243
Тен М. Д. 28–30, 34
Тен Чу 24, 25, 243
Тупепбаев Б. А. 106, 243
Тюшев В. А. 88, 246

Угай Ч. 82, 97, 98, 243
Уёмов А. И. 85, 241

Флинн М. 137, 138, 242

Халман Л. 13, 243
Хан Б. 25, 244
Хан В. Н. 30, 81, 246
Хан В. С. 1–4, 18, 27–29, 34, 77, 100, 120, 123, 173, 179, 180,
189, 196, 199, 207, 244, 245, 248, 249
Хан Г. Б. 26, 30, 192, 200, 204, 245
Хан М. М. 30, 245
Хан С. М. 25, 27, 28, 34, 142, 178, 191, 193, 199, 245, 248
Хван Л. Б. 27, 28, 29, 82, 83, 85, 87, 88, 91, 97, 98, 245
Хван Ман Гым 22, 245
Хегай М. А. 23, 245, 246
Хён Гю Хван 35–37, 249

Цой В. 24, 246
Цой В.В. 81, 246
Цой С.В. 22, 246
Цой С. С. 29, 246

Чен Н. 99, 122, 242, 246
Черныш П. М. 30, 81, 246
Чжен Ин-су 97, 99, 101, 246
Чунтулов А. В. 88, 246
Чунтулов В. Т. 88, 246

Шин Д. В. 81, 246

Эстер П. 13, 243

Югай Г. А. 15, 17, 18, 31, 200, 247
Югай И. Г. 23, 24, 29, 34, 247

Научное издание

Хан Валерий Сергеевич, Сим Хон Ёнг

Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее

*Компьютерная верстка – О. Н. Морозова
Дизайн обложки – А. Ю. Никулин*

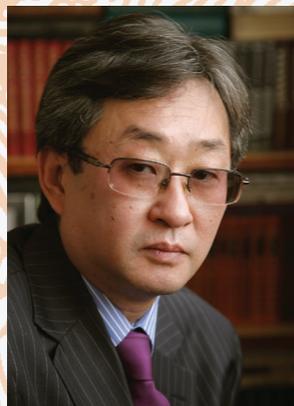
ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 19.11.2014. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 гм². Формат 60x90^{1/16}
Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 16.
Тираж 300 экз. Заказ № 886.

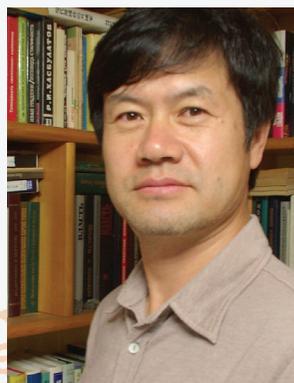
Список книг серии “Series of cultural exchange “Korea-Asia””, опубликованных Sungkyun Chinese Institute на корейском языке в Сеуле в 2013 г. в рамках проекта “Korea and Korean Wave”:

1. Shin Sang Jin, Her Si You.
The History of Korea-China Exchange and Cooperation Development
2. Han Young Gyu, Hanmei.
The Exchange of Korea and China’s Intellectuals in the 18th-19th centuries.
3. Min Gui Sik, Gan Doe Bin.
Korea-China Relations and Culture Exchange.
4. Hong Seok Jun, Liu Chin Tong.
Korea-Malaysia Culture Exchange.
5. Park Won Gil, S. Tsholmon.
A Study on Korea-Mongolia Exchange History.
6. Jeon Jae Sung, Yu Wan To.
Indonesia inside Korea & Korea inside Indonesia.
7. Lee Han Woo, Le Thi Hoai Phuong.
The Perspectives of Korea and Vietnam on the Korean Wave in Vietnam.
8. Yun Dae Young, Nguyen Van Kim.
1862–1945: The History of Korea-Vietnam Civilization Exchange.
9. Park Sang Nam, Natalia Karimova.
Korea and Central Asia in the Depths of History.
10. Sim Heon Yong, Valeriy Khan.
Koreans in Central Asia: Past and Present.

Эти книги также будут опубликованы на разных языках в странах соавторов, зарубежных участников проекта.

Хан Валерий Сергеевич. Окончил философский факультет МГУ и там же аспирантуру. Кандидат философских наук (МГУ, 1986). Область научных интересов – первобытное общество, философия, этнология и корееведение. Преподавал в вузах Узбекистана, а также в университетах Хосо, Ханянг и Сонкюнгван (Корея). С 2000 по 2013 гг. – зам. директора по международным отношениям и ведущий сотрудник Института истории АН РУз. В настоящее время – главный специалист Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана. Стипендиат Korea Foundation (2006, 2011) и Fulbright (2013-2014). Научные труды опубликованы во многих странах мира. Участник более чем 70 конференций в странах СНГ, а также в Венгрии, Германии, Индии, Корее, Новой Зеландии, Румынии, США, Турции, Франции, Швейцарии, Швеции. В качестве приглашенного лектора выступал в различных университетах США и Кореи. Член ряда международных научных ассоциаций и редакций научных журналов.

Сим Хон Ёнг. Окончил магистратуру в университете Соганг (Сеул), защитил в Москве диссертацию на соискание кандидата политических наук (PhD). Темы исследования – этнополитология, история корейско-российских отношений, национальная политика в странах СНГ, этнические процессы и конфликты, корейская диаспора СНГ. Автор ряда научных трудов: «Общественные объединения корейцев России» (в соавторстве), «Корейская война 1950–1953 гг.: историография и археология» (в соавторстве). Член редакционных комиссий «Изучение зарубежных корейцев», «Военная история» и др.